

Валерий
Перевозчиков

В ОЗВРАЩЕНИЕ

ЫСОЦКОМУ

Валерий Перевозчиков

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ЫСОЦКОМУ

МОСКВА ВАГРИУС

УДК 882–4:929
ББК 84–4(2Рос=Рус)6
П27

Издательство выражает благодарность Александру Стернину
за предоставленные фотоматериалы

Художник Ольга Захарова

В книге использованы фотографии А Гаранина, В Савича,
Л Мончинского, В Мурашко, А Стернина

Перевозчиков В.К.

П27 Возвращение к Высоцкому / Валерий Перевозчиков —
М Вагриус, 2008 — 208 с , ил

ISBN 978-5 9697 0558 6

Новая книга известного журналиста — логическое продолжение его предыдущих книг о Владимире Высоцком («Правда смертного часа», «Неизвестный Высоцкий» и др.) Она состоит из двух частей. Первая — «Возвращение на Большой Каретный» — воспоминания современников о детстве и юности будущего поэта и актера. Вторая — «Возвращение на Беговую» — свидетельства близких людей и его второй жены, актрисы Людмилы Абрамовой, матери его сыновей, об истории их отношений, о столкновении двух непростых характеров.

УДК 882 4 929
ББК 84 4(2Рос=Рус)6

Охраняется Законом РФ об авторском праве

ISBN 978 5 9697 0558 6

© Перевозчиков В.К., 2008
© Оформление ЗАО «Издательство «Вагриус», 2008

Годы идут — и мы избавляемся от многих мифов о Владимире Высоцком. Но растет и понимание того, что о каких-то важных моментах его жизни мы уже не узнаем никогда. Что стоит поторопиться, так как время живых воспоминаний заканчивается, а писем и дневников сохранилось не так уж много, их еще надо искать и искать.

Конечно, что-то должно остаться тайной, что-то забыть. В этом наша ответственность перед Высоцким. Но главное — не сочинять и не воспроизводить сочиненное. Каждый новый — установленный! — факт должен что-то добавить, уточнить или опровергнуть в его биографии. Любая мелочь со временем может стать бесценной.

Наши попытки приблизиться и понять поэта не напрасны, не бесполезны. Ведь, к сожалению, серьезного разговора — о времени и о себе, о жизни и смерти — с самим Высоцким не произошло. Да, все это есть в его стихах. Но самого его не спросили, не успели. «Высоцкий был — я хорошо знал его в этом плане — очень интересно мыслящий человек, — вспоминал Борис Можжев — Его взгляды на театр, на литературу, на методы работы, на собственный подход к ней чрезвычайно были интересны и оригинальны.» И он должен остаться в нашей памяти таким, ибо именно таким он и был на самом деле.

И вот ведь что: чем больше проходит времени, тем Высоцкий не дальше от нас, а, наоборот, все ближе.

к нам. Наверно, потому, что «большое видится на расстоянии» четче, предметней. Вот почему все время происходит не только наше возвращение к Высоцкому, но и его возвращение — к нам. Стихами. Песнями. Воспоминаниями о нем.

Пусть прошлое прошло, но оно еще будет.

Автор благодарит за помощь и предоставленные материалы Л.Абрамову, А.Блинову, Ю.Куликова, К.Перевозчикова, Л.Симакову, Ю.Тырина.

Июль 2007

Часть первая **ВОЗВРАЩЕНИЕ** **НА БОЛЬШОЙ КАРЕТНЫЙ**

Давайте начнем с самых простых вопросов. Во что играли в московских дворах во времена вашего детства?

Я могу совершенно точно сказать, во что мы тогда играли. «Казачи-разбойники», «догонялочки», а позже «пристеночка», «расшибец», где надо было бросить монету и попасть в кон. Почему-то очень часто мы лазили по крышам — и на Большом Каретном лазили, и здесь, в Лиховом. Вася жил на Большом Каретном, их дом и сейчас стоит там.

Почему вы Высоцкого называете Васей?

Вася, Васечек, по-моему, так его прозвал Игорь Кохановский. (Наоборот: Высоцкий так называл Кохановского. — *В.П.*)

Высоцкий часто говорил об особой атмосфере своего детства. Что вы можете об этом сказать?

В Москве тогда было огромное количество шпаны, и блатных компаний тоже было много. Могу назвать клички парней, которые жили у нас в Лиховом переулке. Буду называть только приличные... Мясо, Бармалей, Солянка, Фара, двух братьев звали Два Долбеца. Рядом с нами была знаменитая Малюшенка — несколько проходных дворов. Туда и ходить-то было опасно — запросто могли побить.

Было такое время, что если пацан вылетел из школы, то дальнейшая его дорога была почти определена. Редко

кто выравнивался, разве что после «ремеслухи» попадал на хороший завод, в хорошие руки. А чаще всего — блатная компания, привод, суд, колония для несовершеннолетних или тюрьма.

У большинства ребят была своя самостоятельная жизнь. Мне об этом говорили ваши одноклассники...

Например, у меня мать приходила домой в семь-восемь вечера. Отец к тому времени умер, и часто дома никого не было. Придешь, поешь, сделаешь уроки — и во двор. Куда же еще?.. И до ночи во дворе, пока родители не загонят домой. И мы отлично себя чувствовали, наша главная жизнь была именно во дворе. И всех этих блатных ребят мы каждый день встречали и прекрасно знали.

А какие фильмы тогда смотрели московские школьники?

Рядом со школой был клуб имени Крупской, и там через день шли трофейные фильмы: «Индийская гробница», «Багдадский вор», «Познакомьтесь с Джоном Доу»... Много, всех не упомнишь. И, конечно, «Тарзан» — четыре серии. Тогда в каждом дворе висели веревки-«лианы». Все прыгали, все перелетали, все рвали штаны, все «орали Тарзаном».

Мы, конечно, знали, что Тарзана играл Джонни Вейсмюллер — олимпийский чемпион по плаванию. А Витя Ратинов, он занимался тяжелой атлетикой, сказал мне, что в роли мальчика снимался Дэвид Шеппард. Впоследствии он тоже стал олимпийским чемпионом, но по тяжелой атлетике. И вот в 1955 году в Москву впервые приезжает сборная США по штанге. В ее составе — полутяжеловес Дэвид Шеппард. Они выступали в Зеленом театре парка культуры имени Горького. Моя мама с трудом достала билеты, и мы ездили смотреть. Володя Акимов, Володя Высоцкий и я видели всю знаменитую американскую сборную, а главное — Дэвида Шеппарда, мальчика из «Тарзана». И, конечно, Пола Андерсона — феноменального тяжеловеса...

Тогда же шел еще один американский фильм — «Три мушкетера». Три главные роли играли три брата-комика. И после этой картины не было в Москве ни одного двора,

где бы не сражались на «шпагах». У меня остался шрам на животе — Шурка Бармалей так «удачно» попал.

Как и когда возникла ваша школьная компания?

Я в эту компанию попал, наверное, класса с восьмого. Володя Высоцкий, Гарик Кохановский, Володя Акимов, Яша Безродный. Собирались у Володи Акимова, в его большой комнате. Большой стол, желтый ореховый буфет, секретер. Шкаф разгораживал комнату на две половины, за ним стояла Вовкина кровать. На стене ковер, и на этом ковре висела шашка. Очень хорошо помню шашку.

Собирались не реже трех раз в неделю, особенно часто зимой. Говорили буквально обо всем на свете. Компания чисто мужская. Может быть, у кого-то и были девушки, но у нас они не появлялись.

Один раз прихожу к Акимову. Там Высоцкий, сам Акимов, Малюкин, которого мы звали «вэфэ» или «вэфэшка». Я пришел и сказал, что водка обязательно скоро подорожает. Высоцкий спрашивает: «А кто тебе сказал?» — «Я совершенно точно знаю, мне сказал один алкаш в нашей бакалее». А потом в одной из песен слышу: «Наш друг и учитель, алкаш в бакалее, сказал, что семиты — простые евреи...»

А что вам запомнилось из школьной жизни?

В нашей 186-й школе (там сейчас Министерство юстиции РСФСР), была велосипедная секция. Руководили ею известные мастера, чемпионы СССР по гонкам на треке Варгашкин и Бахвалов. В те годы иметь гоночный велосипед считалось высшим шиком. Гоночный велосипед, да еще на трубах... Сами понимаете! Мы упросили кого-то из ребят вывести нам такой велосипед покататься. Володя сел на него и сразу свалился. Но он был очень упорный парень, сел еще раз, в третий раз поехал. А потом он катался очень здорово, я это хорошо помню.

Помню наше первое выступление на школьном вечере, я уже тогда начал играть на своих барабанах. Причем выступали в другой школе — на Арбате, в школе имени Гоголя. В те годы она была привилегированной, детей туда привозили на машинах — немножко поучиться. Причем мы должны были не только «играть танцы», но и дать маленький концерт. Высоцкий, по-моему, читал басни. Лева

Эгинбург, который жил у рыбного магазина на Петровке, показывал фокусы с шариками. Володя Баяев, он жил тогда на Троицком, читал «Стихи о советском паспорте». Читал громко и руку выкидывал. Наше выступление понравилось, нас даже повезли домой на автобусе.

Какое место в вашей жизни занимал сад «Эрмитаж»?

Громадное. Летом почти каждый вечер мы — в «Эрмитаже». Входной билет стоил тогда один рубль. Но для нас и это деньги. Через забор не лазили: во-первых, забор высокий, а во-вторых, была масса других способов попасть в «Эрмитаж». Например, в сад пускали бесплатно тех, кто шел в кино или на концерт. Мы встречали знакомых с билетами — и двое проходили. Потом эти два билета передавались через решетку, проходили следующие двое. И так попадали все. В «Эрмитаже» всегда можно было встретить кого-то из знакомых или друзей.

А кто тогда выступал в «Эрмитаже»?

Надо сказать, что «Эрмитаж» был тогда самой престижной площадкой в Москве. Если эстрадный артист работает в «Эрмитаже», то он уже прима. И выступали там все звезды тех лет: Утесов, Шульженко, Райкин, Смирнов-Сокольский, Гаркави... Вы бы видели, что творилось у эстрадного театра, когда были концерты Утесова или Райкина!

А первые гастролы зарубежных артистов!.. Все наши помнят польский «Голубой джаз». А вот джаз из Венгрии, наверно, мало кто вспомнит. Там были два ударника — Чепи и Портик. Мы такого и не видели никогда, это было что-то невероятное.

А как складывалась судьба вашей компании после окончания школы?

Когда мы учились в школе, то встречались постоянно. Потом, конечно, реже. Ребята поступили в разные институты: Свидерский учился в медицинском, Кохановский — в строительном, Безродный тоже поступил в какой-то технический вуз. Высоцкий учился в Школе-студии МХАТ, стал приводить к нам своих друзей. Приводили своих друзей и другие ребята, но костяк компании остался. Володя к этому времени переехал жить к Нине Максимовне,

но бывал здесь довольно часто — приходил к Семену Владимировичу. Потом уже сложилась компания Кочаряна. Вовка к этой компании тянулся, и я считаю, что ему просто повезло, что он познакомился с Кочаряном. Там были очень хорошие люди. А сам Лева — просто великолепный человек. Он не просто дружил с Высоцким, он опекал его.

Кого еще из компании Кочаряна вы знали?

Артура Макарова. Артур — суровый человек. Кстати, он бывал и у Акимова. Однажды мы с ним вместе пошли в нашу угловую бакалею, стояли в очереди, как приличные, порядочные люди. К нам подходит Володя Муравьев, жил он здесь недалеко, кличка у него была Жирный. Подходит к нам Муравьев и говорит: «Возьмите и мне тоже». Конечно, очередь сразу начала волноваться, особенно возмущался мужик, который стоял за нами. Этот Володя Муравьев, бывший тяжеловес, как гаркнет: «Тихо!» А этому мужику говорит: «Быстро! Говори, сколько стоит пол-литра и четвертушка вместе? Быстро! Считаю до пяти! Раз, два, три, четыре...» Мужик растерялся и не может сообразить. Володя говорит: «Пять», — а тот в отчаянии кричит: «Пол-литра и четвертинка, а с посудой или без посуды?»

Мы с Артуром так хохотали! И когда пришли к Акимову, рассказывали про это всем.

А как рассказывал сам Высоцкий?

Ну, рассказывал он блестяще. Хорошо помню его рассказ о поездке на целину. В вагоне они с Геней Портером переоделись в ватники, Володя взял гитару, и они пошли по поезду. Портер изображал слепца, а Володя пел песню...

В имени Ясной Поляне жил Лев Николаич Толстой. Не ел он ни рыбы, ни мяса, ходил по аллеям босой.

Жена его, Софья Андревна, напротив, любила поесть. Ходила все время одетой, хранила графиньскую честь.

Я родственник Левы Толстого,
незаконнорожденный внук.
Подайте же кто сколько может
из ваших мозолистых рук!

Не знаю уж, подавали им или нет, но спели они эту песню — точно.

Вы помните, когда появились первые песни Высоцкого?

Он начал петь еще в студии, но пел тогда не свои песни. А свои вещи Володя впервые начал записывать у Володи Акимова. У Акимова появился старый магнитофон «Спалис». И на некоторых песнях я даже подстукивал. Жалко, эти пленки не сохранились. Когда у Володи появилась гитара и он начал петь, мне это дело понравилось. Я уговорил свою мать купить и мне гитару, купили самую обыкновенную, за шесть рублей, в музыкальном отделе ГУМа. Начал разучивать аккорды, но ничего у меня не получилось. Как-то Высоцкий взял эту гитару у меня — и с концами. Где бы я его ни встречал, всегда говорил: «Верни мне гитару! Верни!» Мне все-таки хотелось научиться играть. Но Володя мне эту гитару так и не отдал. По-моему, с этой гитарой он снимался в фильме «Хозяин тайги». Кстати, в этом фильме он играет в моем свитере. Свой он где-то потерял, и мне пришлось его выручить.

Какова история посвященной вам шуточной песни «Живет в Москве в прекрасном месте аристократ М.Горховер...»?

Сочинили ее Володя и Гена Ялович. Они пришли ко мне на именины 21 ноября — это Михайлов день. Взяли мою многострадальную гитару — тогда она еще была у меня — и спели. Спели в присутствии моей первой жены, да еще и приплясывали. А про нее там такие детали... Я думал, что на этой песне мои именины и закончатся, потому что жена пошла на кухню за мокрой тряпкой. Но мы сумели ее уговорить — песня-то шуточная.

А почему вас звали Граф?

У меня до сих пор хранится купчая на этот вот дом, в котором я и сейчас живу. Когда-то он принадлежал моей бабушке. Домовладелец — ну, значит, граф.

У вас в памяти не осталось каких-нибудь первых стихов Высоцкого, не песен, а именно стихов?

Я запомнил несколько строчек, они связаны с таким случаем... Тогда был знаменитый ударник Лаци Олах. Позже я у него учился. Вдруг мы узнаем, что у него концерт в ЦДКЖ, но попасть на этот концерт просто невозможно. А в то время директором Московского цирка был Байкалов, имени-отчества, к сожалению, не помню. Я знал о нем, потому что до войны директором одного из цирков шапито работал мой отец. Я позвал ребят, приезжаем в ЦДКЖ, и кто-то из нас, скорее всего Володька, пробирается к администратору и говорит: «Вам Байкалов про нас не звонил?» Жульничество, конечно, но что было делать... Короче говоря, нас пропустили.

Посадили нас в ложу — «люди от Байкалова!» Видимо, кто-то про нас шепнул и Лаци Олаху. И когда он делал свои знаменитые «брейки», то несколько раз поклонился в нашу сторону. А Володя по этому поводу написал стихи, помню только их начало:

Летит таксо привычно
по улицам столичным.
В машине Мишка, Вовка
и таксошофер.
И ехать нам приятно
по улицам опрятным,
поскольку мы торопимся
с друзьями на концерт.

Не ручаюсь за точность... А что дальше? Может, дальше и не было ничего.

А в 70-е годы встречались с Высоцким?

Встречались, но редко. Однажды, совершенно случайно, встретились в Одессе. Я приехал туда с ансамблем лилипутов. Гостиница в самом центре Одессы, на Дерибасовской. Спускаюсь в кафе: «Владимир Семенович! Здравствуйте!» Володя меня спрашивает: «Ты с кем?» Он знал, что я работал тогда ударником в разных коллективах. Отвечаю: «Я — с маленькими!..» Они не любят, когда их называют лилипутами. Они не любят, когда им помогают — тебе

тяжело, давай я понесу... А я к ним относился, как к равным, они меня за это уважали.

Володьке это страшно понравилось — «маленькие»... Он целый день ходил за мной по пятам. «Граф, ну познакомь меня с ними. Ну познакомь...» — «У нас вечером концерт, некогда». — «Ну после концерта». Познакомил я его с маленькими, они притащили гитару... И Высоцкий пел, пел долго, почти всю ночь. Маленькие были страшно довольны.

А жили мы в старых одесских номерах — громадные комнаты, метров, наверно, по пятьдесят. И в этих громадных номерах стояли громадные кровати. Высоцкий у меня все спрашивал: «А по сколько человек они спят?» — «По одному, конечно...» — «Не может быть, они же все на одной кровати могут поместиться». В этой же гостинице у меня в номере произошел пожар. От незатушенной сигареты задымило одеяло. Прибежали маленькие, примчался Володя... Около кровати стояло несколько бутылок-«огнетушителей» белого сухого вина. Я топчу это одеяло и кричу: «Давай лей, заливай вином!» А Вовка отвечает: «Жалко! Бежим за водой!» — «Что жалеть-то, восемьдесят семь копеек за бутылку!». И лилипуты — «огнетушители» к животу — потушили.

У вас осталось что-то на память о том времени?

Есть одна очень интересная фотография, она хранится у моего сына. В школе мама сшила мне пальто из красивого синего материала. Мы пошли в фотографию всей компанией и по очереди снялись в этом пальто. Я часто вспоминаю то время...

А вот фильмы с участием Володи смотреть не могу. Я слишком хорошо его знаю и знаю совершенно другим. А песни слушаю часто. Честно говоря, тогда до меня многое не доходило. А ведь он был поэт, и поэт замечательный.

Ноябрь 1987

Аркадий Васильевич, давайте начнем со школы. Кого из преподавателей вы помните?

Цветкову Анну Николаевну. Она вела нас с первого класса. Зайчика Михаила Наумовича — он был совершенно уникальным человеком, преподавал у нас физику. Его многие помнят. А остальных, честно говоря, помню смутно. Времени довольно много прошло...

С Высоцким учились вместе с какого класса?

С Высоцким учились Володя Акимов, Игорь Кохановский, а я учился в параллельном. У нас было пять параллельных классов, все классы на одном этаже. И так получилось, что народу много, а компания собралась маленькая, и компания очень интересная. Собирались в комнате Володи Акимова — он жил тогда на Садово-Каретной. Это была большая комната, метров тридцать, перегороденная пополам. Дело в том, что Акимов еще в школе остался почти совсем один. Его родители умерли рано, и только две бабушки Володе помогали. И потихонечку-потихонечку образовалась наша компания, потому что Володя все время жил один. Нам завидовала вся школа, многие хотели к нам попасть.

Компания наша имела определенное название, у нас даже была своя эмблема и устав, он у Акимова сохранился до сих пор. Недавно мы его перечитывали — немного смешно, потому что серьезно... Там затрагивались серьезные вопросы взаимопомощи, доверия, выполнения обещаний, честности, выдержки, пунктуальности... Очень ин-

тересный был устав. Я, честно говоря, забыл о его существовании. Но Володя Акимов — он кинодраматург — собирает все бумаги, документы, письма. Вы у него дома были? Это, можно сказать, филиал Ленинской библиотеки! Он недавно нашел этот наш устав, наш дневник, даже протоколы наших «заседаний».

В каком классе оформилась ваша компания, определился состав?

Трудно сказать... Конечно, не в пятом-шестом — попозже, но познакомились и начали сходить к нам, очевидно, уже тогда. Пять параллельных классов — это сто пятьдесят человек. Почему нас было только семь? Значит, приглянулись друг другу, как-то сошлись характерами, общими интересами, взглядами. Жили мы в одном районе, встречались часто, бывало, почти каждый день. И нас многие спрашивали: «Неужели вам не надоело?» А нам никогда не надоело. По вечерам собирались у Володи — это был наш клуб или штаб... А позже каждый тащил что-то интересное из своего института: и юмор, и всякие проказы. И мы выносили все это на общий суд, рассказывали анекдоты, истории — каждый по своему профилю. Я учился тогда в медицинском институте, Володя Акимов — во ВГИКе, Володя Высоцкий и Игорь Кохановский попали в строительный институт, Яша Безродный — в институт цветных металлов... Вот такая вещь. Помните из песни Высоцкого — «собак ножами режете, а это бандитизм...»? Откуда он мог это взять? Ведь Володя к медицине никакого отношения не имел. А тогда я рассказывал про наши опыты в институте, как мы кроликов, собак резали. Ребятам было интересно, потому что они этого не видели. Акимов рассказывал про свои приятности-неприятности, и все выносилось на обсуждение. А Володя все это слушал. У него была поразительная способность слушать. Я все время связываю с Володей фразу: «Говорить умеют многие, умение слушать — достоинство немногих». Вот это точно к нему относилось. Он мог час сидеть, мог два сидеть — слушать. Я как-то назвал Володю «человек-губка». Он действительно, как губка, как аккумулятор, все впитывал в себя.

Какие события вы обсуждали тогда?

Конечно, и серьезные вопросы. Почти в каждой семье были погибшие, так что говорили и о войне, и о фашизме. Откуда Володя мог знать о войне? Конечно, многое он почерпнул из рассказов: война ведь только что закончилась. И мы были на выставке в парке Горького, там на набережной было выставлено трофейное оружие — танки, самолеты, пушки. Были всей нашей компанией. Ну а Володя еще и в Германии был с отцом... А детская память самая впечатлительная, и война... она отложилась навсегда. Я, например, хорошо помню, как разбомбили наш эшелон, когда мы ехали в эвакуацию на Урал. Уцелело всего три последних вагона, мы были в предпоследнем, и мать нас двоих — меня и брата — тащила в лес... И мы все это вспоминали, все это рассказывали, все это оговаривали.

А как учился Высоцкий?

Отметки у нас всех были приблизительно одинаковые. В основном четверки, бывали и тройки, и пятерки, случались и двойки. Но учителя, как мне кажется, нас любили, они знали, что в нужный момент мы сделаем все, не подведем. Хотя они знали также, что мы могли сбежать с уроков. Довольно часто мы это делали — срывались с уроков. Мы заходили к Яше Безродному, который жил прямо около сада «Эрмитаж», оставляли у него портфели и отваливали или в «Эрмитаж», или на трофейный фильм. Все это было. И попадало нам, но мы спокойно это переносили. Сказать, что Володя был пай-мальчиком, конечно, нельзя. Он был такой, как все мы — дети довоенного рождения и послевоенного выпуска. Конечно, мы хохмили, мы были очень веселые, но чтобы хулиганить в полном смысле этого слова — этого не было.

А как вы жили, что ели, например?

Послевоенное время небогатое, жрать особенно было нечего. Мы покупали кабачковую икру в баночках, и у Володи Акимова всегда висела вязанка лука...

Все помнят черный хлеб, кабачковую икру...

Совершенно точно. Потому что тогда другого ничего и не было. Это врезалось в память. Это наше детство. По-

вторить это уже невозможно. Сейчас из нас делают музейные экспонаты: он видел Высоцкого, он учился с ним, он работал вместе! Я нормальный человек, как все. Я не виноват, что действительно учился с ним, дружил. Так получилось. Вот поэтому мы большей частью молчим. Но сейчас пришла пора о Володе писать правду. Без басен о том, что он якобы сидел, что отец его, полковник юстиции, судил уголовников, эти уголовники пели песни, а Высоцкий стал выдавать их за свои... Ведь даже такие бредни были! За семь лет после его смерти я много подобного слышал. Лучше рассказать все, как было.

А в вашей компании не было никаких контактов с так называемым блатным миром?

Блатные жили вокруг нас. На Косой, на Петровке, на Бутырке были всякие столкновения. Мы стояли за справедливость, хотели навести порядок, потому что были нормальными людьми.

У вас была мужская школа...

У нас была мужская школа, а рядом — 187-я, женская. Не знаю, существует она сейчас или нет. В здании нашей школы теперь Министерство юстиции РСФСР. А рядом была тюрьма.

Кажется, для подростков?

Вот в этом и ошибка. В какой-то статье кто-то ляпнул: «Детская тюрьма». Ничего подобного. Там были взрослые заключенные. Мы бросали им через ограждения хлеб, сигареты — все, что могли... Обидно, что кто-то, не зная сути дела, начинает говорить неправду. Такие ошибки проскальзывают во многих статьях.

Конечно, нет людей положительных на все сто процентов. И Володя таким не был. И срывы, и какие-то капризы. Мы даже ссорились. Вообще-то он был очень принципиальный мужик. Позже, когда он работал на Таганке, наш общий знакомый, каскадер с «Мосфильма» Олег Савосин, мне говорит: «Слушай, к Володьке неудобно обращаться, попроси его достать пару билетов в театр...» Я говорю: «Володя, слушай, меня попросили... сделай пару билетов...» Ну, как у нас обычно... между собой. И вдруг

он мне так сухо, жестко: «Я не администратор и билетами не занимаюсь». Меня тогда это покорило: я ведь ему сказал, для кого прошу, они знакомы, а человек стесняется попросить... Но объяснил это тем, что он готовился к спектаклю — было полчаса до начала. А потом узнал, что многие к нему обращались, и он отвечал так же. Это тоже одна из его сторон. Друзья друзьями, а дело делом. Это можно расценивать как угодно, но вот такая у него была позиция.

Ну, а по-человечески — хороший парень был: веселый, добрый, очень добрый, очень внимательный ко всем. Вот, скажем, мне звонили из института знакомые ребята-медики: «Слушай, ты Володю знаешь, сделай, чтобы он к нам приехал, попроси его». Я приезжаю к Володе, он говорит: «Пожалуйста». И набивается полная аудитория — на окнах, на стенах, где угодно висели люди...

Это где было?

В Первом медицинском. Студенты бросали занятия... А когда Володя выдал «медицинские» песни, его вообще приняли на ура. Он приехал один, с гитарой, просто, без всяких проблем. Потом несколько раз выступал в одном из институтов, где работали мои друзья... И знаете, интересно начинал. Выходил и говорил: «Я вас прошу, только не хлопайте. Вы теряете время. А у меня его не так много. Лучше я вам побольше спою, а похлопаете вы потом». Его там встречали прямо как родного — приятная аудитория, его все очень любили именно как человека. Иногда бывает, что люди так «зазвездятся», что на вопросы не отвечают и вообще не хотят разговаривать. У Володи ничего подобного не было, он заканчивал концерт и десять-пятнадцать минут отвечал абсолютно на все вопросы.

В вашу компанию входил Анатолий Утевский?

Толя Утевский появлялся среди нас, но не входил в нашу компанию. Он ведь был на четыре года старше, и как-то так получалось, что Утевский считался дядей Володи. Володя говорил: это мой дядя; а Толя говорил: это мой племянник. А разница у них — всего четыре года.

Какую роль сыграл в вашей жизни сад «Эрмитаж»?

Сад «Эрмитаж» — это наша вотчина, наш второй дом. В любое время, есть у нас деньги или нет, хорошее у нас настроение или нет, мы приходили в «Эрмитаж». Там нас знали все: буфетчицы, продавщицы, контролеры, администрация, потому что мы были, во-первых, веселыми людьми, во-вторых, мы никогда там не хулиганили, а даже помогали поддерживать порядок. Мы любили там бывать. Можно было приехать откуда угодно, из другого города, например, но прийти в «Эрмитаж» и обязательно встретить наших ребят. Там мы говорили обо всем: о книгах, о театре, о кино. Когда Володя поступил к Массальскому в Школу-студию МХАТ, он рассказывал много интересного: как проходят репетиции, как вообще «делаются» акты.

Забавно было, как Володя проходил в «Эрмитаж». Там всегда билетеры были, деревянные барьеры, высокие заборы. А Володя, проходя мимо контролера, говорил всегда не «здравствуйте», а «датуйте» — с дурацким выражением лица. И так странно перебирал пальцами. Контролер думал: «Ну, умалишенный, больной... Черт с ним, пусть идет...».

А однажды в «Эрмитаже» был очень интересный случай. Приехала Има Суммак. Толпа на нее ломилась со страшной силой, билетов не было. Но Володя дал слово: «Мы сегодня все слушаем Иму Суммак». Я спрашиваю: «Каким образом?» — «Это мое дело». И вот он в своем знаменитом пиджаке-букле, при галстук подошел к переводчику и сказал: «Я хочу с ней поговорить». Каким-то путем он ее вытащил. Има Суммак вышла. Мы стоим. Володя нам: «Только не смейтесь, стойте железно». И начал с ней говорить... В школе он учил немецкий язык, но хорошо его не знал. Он начал с ней объясняться на каком-то наборе слов, очень похожем на английский. А произношение, имитация у него от природы великолепные! Вы знаете, она чуть не заплакала. Она переводчику говорит: «Я не понимаю, я не улавливаю смысла, может, я диалекта этого не знаю?» Потом через переводчика спрашивает: «А что ему надо?» Володя говорит: «Я со своими друзьями хочу послушать ваш концерт». И тут же нам выдали контрамарки!

Кто еще выступал в «Эрмитаже»?

Утесов, Эдди Рознер, Гаркави, польский «Голубой джаз» тогда впервые приехал в Советский Союз, и вообще все коллективы, которые приезжали на гастроли. Это был самый лучший эстрадный театр, все звезды — наши и зарубежные — там выступали. Это была площадка номер один. По акустике «Эрмитаж» был великолепен, с любого места все слышно, даже на улице, если не удавалось проникнуть в зал. Но проникали мы почти всегда.

Когда у Высоцкого началось увлечение стихами, песнями?

У нас в школе были распространены тогда уличные, блатные песни. Их слушали и пели. И Володя, когда начал пробовать себя, сначала не говорил, что это его вещь, — вдруг засмеют? Потом, когда видел, что песня нравится, признавался, что это он сам написал. Так потихонечку-потихонечку он начал петь. Причем писал песни очень лихо, почти без черновиков.

У вас ничего не сохранилось?

Сохранилась одна вещь. Написана она его рукой, нигде не опубликована. Там даже стоит число, если память мне не изменяет, — 23 марта 1973 года. Тогда Володя приехал ко мне домой. Нам нужно было поговорить. У меня была гитара, на которой я не играл. И вот он взял ее, перебирал струны. Я ему говорю: «Слушай, что ты время теряешь? Вот взял бы и написал песню». Он говорит: «Хочешь, сейчас напишу?» Мол, ну какой ты смешной. Он всегда это с юмором говорил, необидно. «Напиши!» Он сел и написал четыре или пять четверостиший, почти ничего не перечеркнув... Взял гитару, начал снова брэнчать. Эта процедура заняла, в общем, минут сорок. Я ушел в другую комнату, когда вернулся, он говорит: «Ну что? Давай, слушай!» И спел песню. Потом сказал, что она ему не нравится, что сырая и он ее переделает. Потом эта бумажка затерялась... После Володиной смерти позвонила моя мама: «Приезжай, кое-что для тебя есть». Я приезжаю, она дает мне сложенный листок — написано от руки, с числом, с его подписью. А еще мама мне показала две фотографии, снятые в то время, когда мы учились в десятом классе. У меня единственного

тогда был фотоаппарат. Эти две фотографии — уникальные. Пленки не сохранились, аппарат тоже, ведь прошло уже столько лет. На первом снимке перед «Бакалеей» на углу Садово-Каретной стоят Игорь Кохановский, Володя Акимов, Лева Эгинбург, Володя Малюкин и еще кто-то. Потом мы пошли гулять и на улице Горького сделали другую фотографию, на которой — Лева Эгинбург, Володя и знакомые девушки, а остальные наши пошли в магазин — готовиться к празднику. Все еще молодые, вихрастые. Вот такие две фотографии мне передала мама.

А первые песни когда появились?

Прошло какое-то время, и Володя постоянно стал приходить с гитарой. Все новые песни он пробовал на нас. Когда Акимов переехал в другую комнату в том же дворе, у него появился магнитофон «Спалис» — один из первых образцов. Мы стали эти песни записывать. Это были, как говорится, его первые пробные шары. Иногда мы ему советовали: так, не так. Он наше мнение обязательно выслушивал, потом переделывал, немножко подрабатывал. Каждая песня имела по пять, по шесть вариантов. Мы были первые его слушатели — первооткрыватели. Мы не думали тогда, что он гениальный, он был просто наш товарищ, из нашей компании, который играет на гитаре и поет. Ведь никто же не знал, что это разовьется в такую большую силу. Если бы знать! И сохранить тот магнитофон, самые первые вещи... Кстати, Игорь Кохановский тоже прекрасно играл на гитаре и тоже пел. Иногда они с Володей брали две гитары, пели вместе, иногда играли по очереди. На этих мальчишниках мы засиживались до утра, несмотря на то что всем — в институты. Нам было интересно...

Вы знаете, чудом сохранилась пленка у Инны Александровны Кочарян.

Да, да, у них был «Днепр-II» — этот здоровенный ящик. Но это, во-первых, позже, а во-вторых, уже без нас. При нас были самые ранние записи, они, к сожалению, не сохранились. А бывало даже так: мы записывали песни, потом магнитофон выключить забывали и принима-

лись болтать, и вся наша беседа записывалась на пленку. Потом, естественно, хватались за голову: что мы делаем! Выключали, перематывали и на это место записывали следующую песню.

Какие случаи, слова или выражения из тех времен встречаются в песнях Высоцкого?

Вот, например, Володя написал «Балладу о детстве» — там есть про Гисю Моисеевну и про его старую квартиру. Об этом Володя рассказывал мне, и все это я очень хорошо представлял по его рассказам. Но, конечно, не знал тогда, что это станет песней. И когда появилась эта вещь, я моментально вспомнил и Гисю Моисеевну, и всю эту систему коридорную. Будто он мне это нарисовал...

А чтобы сказать что-нибудь конкретнее, нужно каждую вещь слушать отдельно и вспоминать.

А двор? Ведь он в жизни любого мальчишки играет большую роль.

Мы почти никогда не собирались во дворе. И возле школы не терлись. Мы сразу уходили. У нас был «Эрмитаж». Ну, кроме того, мы, естественно, посещали всякие выставки — если было что-нибудь любопытное. Мы с Володиной даже говорили: «Мы из кружка "Хотим все знать"». А в основном ходили в «Эрмитаж». Мы там знали каждую скамейку, каждый куст, знали, где что происходит, знали людей, которые постоянно туда приходили, с некоторыми даже раскланивались. Во всех ларьках «Эрмитажа» у нас всегда был кредит, нас все знали, нам верили. Если мы приходили и хотели, скажем, выпить воды или даже вина — «мальчишки, пожалуйста...» А назавтра или через день мы приносили деньги. То есть, как в старые добрые времена — на доверии... Это было наше место. Лучшее место для отдыха, лучшее место для беседы, лучшее место для свиданий с друзьями. Да и сам по себе «Эрмитаж» был прекрасен.

А на школьные вечера вы ходили?

Было. Но я ничего серьезного с этим не связываю, ничего интересного. Сами понимаете, как школьные вечера могут проходить интересно? Хотя они устраивались для

нас, мы считали себя выше этого. Потому что на вечера шли те, кому делать было нечего, а мы предпочитали многое другое.

Как долго жила ваша компания?

Ну, плотно она жила, во-первых, до тех пор, пока не переженились все, а во-вторых, пока не закончили институты. У каждого появились свои семейные заботы, потом — распределение... Работа. Стали реже видаться, реже созваниваться. У Володи, скажем, вечерний спектакль — значит, его нет. Акимов на курсах, у меня — занятия или дежурство вечернее... Но все равно то, что у нас было хорошего, все это осталось.

Первый театр, в котором работал Высоцкий, — Театр имени А.С.Пушкина. Вы там бывали?

Мы туда ходили, смотрели спектакли. Сказать, что они были шедеврами, конечно, нельзя, но это были первые Володины актерские шаги. Нам было интересно на него посмотреть: наш Вовка — и на сцене! Вовка — артист! Это было и смешно, и действительно здорово. Сидишь и гордишься: он — твой друг, он — из нашей компании.

Недавно меня кто-то спросил: «Как он стал актером?» Я не мог ответить. Но потом вспомнил о тех хохмах и розыгрышах, которые мы очень любили всей компанией. Например, подходим к «Эрмитажу». Володя Акимов, Володя Высоцкий, я, Лева Эгинбург и еще кто-то. Идем спокойно, как совершенно нормальные люди. Володя, он у нас заводила, говорит: «Так, внимание, приготовились... Пять шагов проходим — присели». И вот мы, пятеро взрослых парней, приседаем и идем на четвереньках. Идем, идем, а он тихо, сквозь зубы: «Не смеяться! Спокойно. Так. Встали! Повернулись друг к другу». Мы встаем парами, друг к другу поворачиваемся... «В обратную сторону! Так. Пошли. Через три шага — прыгаем!» Через три шага все — хоп! — подпрыгнули и опять лицом друг к другу... «Хорошо, хорошо...» На нас, конечно, смотрели как на ненормальных, но все смеялись. А нам это в удовольствие! Представляете, с каменными лицами на четвереньках...

Потом Володя проводил такие опыты. Мы проходим мимо «елисеевского магазина», и он говорит: «Обратите вни-

мание, что сейчас будет. Я скажу одно слово, и оглянутся все старики, ни один молодой не оглянется». Становится прямо у входа в зал — вокруг снуют люди — и громко произносит: «Молодой человек!» Все старики тут же оглядываются, а молодые проходят мимо, будто ничего не слышали. Он говорит: «Вот видите?» Мы — падали! Откуда он это брал?

Или в метро. Заходим в вагон, садимся, а он подходит к двери и на свое отражение в стекле начинает как-то странно смотреть, как в поезде человек смотрит в окно: что-то узнает, кому-то машет рукой. Все так отжимаются от него подальше — ну, ненормальный. Некоторые старушки с сожалением смотрят: такой молодой и такой больной. Мы тоже от него отворачиваемся — из последних сил стараемся не смеяться. Но вот станция, открывается дверь, и он говорит уже нормальным голосом: «Ну все, ребята, пошли». И — немая сцена. Народ не может понять, что же это такое было? Представление, розыгрыш или он действительно ненормальный?

А мне кажется, что всем этим он подготавливал себя к будущей профессии, пробовал себя... Пробовал на нас, пробовал на людях, пробовал на улице. Если со стороны посмотреть, это же смешно — пять здоровых парней при галстуках, в полном порядке и вдруг начинают: «Так, так, подпрыгнули! Хорошо...»

«713-й просит посадку»... Вы тоже были в Ленинграде на съемках?

Дело было так... Володя неожиданно получил телеграмму — ему нужно прибыть на съемки этой картины в Ленинград. А у него ни копейки нет. Он позвонил мне: «Достань денег, иначе я завтра не уеду, неустойку платить — сам понимаешь...» Я достал, а потом поехал Володю провожать. И Гарик Кохановский с нами поехал — мы в тот раз у него собрались. Зашли в купе — там перебор гитары, трали-вали... А Гарик побежал за вином — на прощанье... И его нет и нет, нет и нет. Я говорю: «Пойду-ка посмотрю, что случилось, поезд-то вроде уже должен идти». А ни у Володи, ни у меня часов нет. Я в тамбур, а проводник говорит: «Да вы что, мы уже полчаса едем!»

Так я попал в Ленинград — без документов, безо всего необходимого... А как меня провести на студию? Володя

говорит: «Старик, не волнуйся, я все сделаю». Пошел в администрацию и наговорил, что привез актера из Москвы, назвал даже фильмы, в которых я якобы снимался. Назвал просто так, от фонаря. И меня пропустили без документов. Сказали: «Пожалуйста». Записали фамилию — и все.

Мы только потом сообразили, что он назвал фильмы, которые были сняты еще до моего рождения.

Тогда я познакомился с Люсей Абрамовой, со второй супругой Володи. Она в «713-м» играла американскую кинозвезду. А Володя в этом фильме играл морячка. И вот еще смешной эпизод. Он рассказывал: «Я там дерусь, я там всех бью!..» А когда фильм посмотрели, оказалось — это его там мордуют все, кому не лень. Ну все-таки первая картина, ему нужно было что-то интересное рассказать. «Я, — говорит, — там такую драку устроил...»

А еще в каких городах вы «совпадали» с Высоцким?

В 1966 году в Батуми. История эта очень интересная... У меня в институте был приятель — Альберт Хачатурян. Его мать, тетя Нина, до сих пор живет в Батуми, в маленьком таком переулке у морвокзала. И как-то Володя меня спросил: «Ты куда собираешься в отпуск?» — «Я еду в Батуми, никогда там не был... Там живет мама Алика Хачатуряна...» — «Старик, я, наверное, тоже туда заеду». Мы рассчитали время... И вот в один прекрасный день я сплю, чтобы переждать самую жару, вдруг меня будит тетя Нина: «Аркадий, вставай, к тебе приехали». Открывается дверь, и входят Володя Высоцкий и Слава Говорухин. Они возвращались со съемок фильма «Вертикаль» и завернули в Батуми. Володя был уже без бороды, значит, съемки закончились.

Тетя Нина приготовила хачапури, достала домашнее сухое вино. Она о Володе, конечно, слышала, и ей было интересно с ним познакомиться... А квартира у них расположена очень необычно: небольшая кухня на первом этаже — вход прямо с улицы, и на втором этаже — две комнаты. Мы сели, конечно, на кухне, задержали занавески... Володя взял гитару, спел одну песню, вторую... пятую, шестую. Закончил петь — и вдруг с улицы раздались аплодисменты! Мы раздвинули занавески, а там народу собралось — полный переулоч!

Во время съемок картины «Место встречи изменить нельзя» — я там тоже снимался — было такое. Я лечу из Москвы в Одессу, первый салон самолета заперт. Стюардессы говорят: «Сюда нельзя». Прилетаем, стоит машина, и вижу — встречающие со студии еще кого-то высматривают. Спрашиваю: «Кого вы ждете?» — «Высоцкого». — «Да его не было в самолете». — «А вот он идет!»

Оказывается, ему специально закрывали салон, он раздвигал кресла, убирал ручки, ложился и спал. Ведь Володя по ночам работал, а первым рейсом ему лететь... Выйдя из самолета, тут же, в машине, доставал мандарины, начинал всех угощать, хохмить... Но я-то видел, какой он тяжелый, в каком он напряжении. Отснялся и тут же улетел обратно, а через день — опять на съемки, это же такое напряжение! А еще телевидение, радио, репетиции в театре и все что хотите... Володина работоспособность просто феноменальна. Наверное, поэтому и сгорел так быстро.

А физически он был крепок. Я вспоминаю спектакль «Галилей». Начался он так: раскрывается занавес, а Володя в углу сцены на столе уже стоит на руках. Вот представьте себе — пока занавес откроется... А он, естественно, становился заранее, значит, это минута-две-три... Вот когда он успевал держать себя в такой форме — этого я не знаю.

Способности у него были необыкновенные. В фильме «Место встречи...» я играл милиционера и имел возможность наблюдать за Володей на съемочной площадке. Он приезжал, просил сценарий (а свет уже готов, камера стоит, актеры одеты), брал его и уходил куда-нибудь в угол. Минут десять-пятнадцать читал, потом подходил к Говорухину: «Слава, пора снимать. Я готов». — «А текст?» — «Готов». И отдавал сценарий. Причем сценарий сами знаете, какой. Две страницы целиком — его монолог, трудный, сложный. И я обратил внимание на такую вещь. Когда идет черновая запись, актеры часто переставляют слова, это ведь черновая запись, звук потом подкладывается... Так вот я специально открывал сценарий и смотрел: Володя с первого раза выдавал все точно. Ну хоть бы где-нибудь ошибся! Просто феноменальная память!

Во время съемок фильма «Место встречи изменить нельзя» Высоцкий пробовал себя в качестве кинорежиссера. Вы были при этом?

Да, я был на этих съемках... Говорухин на две недели уехал в ГДР, а все на съемках работали, как часы. Обычно осветители тянутся, опаздывают... И вообще люди они капризные. Пока свет, пока декорации, пока все актеры соберутся... Но как только на площадке появлялся Высоцкий — дисциплина была идеальной! Все было готово заранее: декорации, свет, актеры... Володя каждому объяснял задачу, делал две-три репетиции и говорил: «Все, снимаем». Снимал один-два дубля, никогда — четыре или пять. Я видел, что работа ему нравилась.

Был такой знаменитый на всю студию осветитель, по моему, его звали дядя Семен. Человек суровый и дисциплинированный. Какой бы там ни был гениальный режиссер, какие бы ни были знаменитые актеры — ровно в шесть часов он всегда вырубал свет. Все — и ни минуты больше! А у Володи он спрашивал: «Владимир Семенович, может быть, еще что нужно снять? Это мы — пожалуйста!» Так вот за эти две недели, точно по метражу я сказать не могу, Володя снял больше месячной нормы...

Был еще такой эпизод. Снималась сцена с Севой Абдуловым, когда Володя берет у него сахар... Володя говорит текст (а я стою рядом с ним — это называется актер окружения) и вдруг останавливается. Я вижу по камере, что она берет только Володю, и начинаю ему подсказывать. А он молчит. Я думаю: «Ну мало ли, забыл человек текст». Еще раз подсказываю. А он молчит. Потом, когда сцену отсняли, Володя отозвал меня в сторону и говорит: «Старик, запомни: я никогда не забываю текст». — «Так чего же ты молчал?» — «А я понял, что в этом месте нужно сделать паузу. Спасибо тебе. Но в следующий раз не надо». — «Все, — говорю, — понял». Вот такая простая вещь. Кстати, я потом смотрел отснятый материал: именно этот дубль вошел в картину.

Как-то он меня очень удивил. Ко мне одно время особенно часто приезжали друзья из разных городов, и я, естественно, ходил с ними в театр, чаще всего на «Гамлета». Этот спектакль начинается с того, что Володя выходит, садится в самой глубине сцены и тихо играет на гитаре, минут пятнадцать-двадцать. И вот мы встречаемся после

спектакля, а он вдруг спрашивает: «Чего это ты зачистил на "Гамлета"? То там, то там...» Я изумился: «А что, ты разве видишь? Как это ты меня видел, ты же не знал, что я приду?» — «А я абсолютно все вижу, весь зал, каждое лицо». Я спрашиваю: «А где я сидел?» — «Седьмой ряд, девятое место... девятое-десятое место, ты сидел с какой-то девушкой». — «Абсолютно точно». Кажется, он там сидит, в глубине, до меня ли ему?

Иногда с ним было трудно разговаривать: то ли неприязности, то ли что-то не получалось — взведенный, резкий. Такие вот моменты были, но не так часто.

Однажды мне позвонила Нина Максимовна: «Аркаша, приезжай, Володя куда-то рвется». Я приехал. Володя действительно собирался куда-то лететь. «Не уговаривайте, я все равно улечу». — «Куда? Зачем?» — «А куда-нибудь, хоть в Новосибирск». Мы стали его убеждать, он ушел в другую комнату... И вдруг слышим — хлопнула входная дверь. Нина Максимовна: «Беги скорей за ним!» Я выскочил на улицу. Володи уже нет. Вдруг мимо меня проезжает красный «Москвич», рядом с водителем сидит Володя. Машина остановилась, он говорит: «Поехали!» — «Куда?» — «Во Внуково!»

Пришлось ехать во Внуково. По дороге я стал его уговаривать: «Володя, ну зачем ты летишь в Новосибирск? Там же у тебя никого нет». — «Ну, если не в Новосибирск, то в Хабаровск, все равно улечу». — «А зачем? Что ты там забыл? Ведь и паспорта у тебя нет...» — «Ну надо мне! Как ты не понимаешь...» Приезжаем в аэропорт. Я все-таки сумел его убедить, чтобы он не летел в Сибирь. «Ладно, полечу в Одессу, к Говорухину». — «Вот это другое дело, к Славе можно...» — «Только ты полетишь вместе со мной». Он подходит к кассе, его сразу же узнали. «Здрасьте, девочки! Мне нужен билет до Одессы, мне и моему товарищу». — «Володя, я не полечу, мне завтра на работу...» — «Ну тогда один билет». Билетов, естественно, нет. Кассирши побежали к дежурному по смене... Слышу по переговорному устройству: «Высоцкий... Высоцкий... Высоцкий...» Моментально принесли билет — без паспорта! Я немного успокоился, все-таки не на Север летит, к Говорухину, будет в надежных руках...

Володя улетел. Я тут же позвонил Нине Максимовне: «Володя улетел к Говорухину». А она говорит: «Он разве не

знает, что Славы в Одессе нет, Слава сейчас в Ленинграде...» Володя прилетел через три дня. И я его с юмором так спрашиваю: «Что так рано вернулся?» — «А деньги кончились...» Вот — как взрыв! Хочу, и все! Он, наверное, и себе-то не смог бы объяснить, почему и зачем. Хочу, и все!

Значит, ваши отношения продолжались очень долго?

Да, естественно. Конечно, встречи стали реже. А вот человеческие отношения — они как были, так и остались. Казалось бы, мы выросли, постарели... Но это внешняя оболочка, а внутри все осталось так же.

А на Малой Грузинской вы бывали?

Конечно. И познакомился с Мариной. Вообще-то, познакомился мы в пресс-баре во время кинофестиваля. И у Володи основное знакомство с ней там же произошло. Это был последний банкет, присутствовали все наши звезды, все делегации. Я на Марине Влади, честно говоря, проиграл бутылку коньяку. Дело в том, что нам досталось место прямо у входа в бар, и я видел, как прошла Марина в длинном таком роскошном платье. Потом, примерно через полчаса, ребята мне говорят: «Вон Марина идет», — и показывают на женщину в легком ситцевом платьице. Я говорю: «Бросьте. Она только что прошла в таком шикарном наряде...» — «Спорим на бутылку коньяку, что это она». Я говорю: «Давай». Пошел туда, посмотрел — действительно Марина. Она оказывается, остановилась в этой же гостинице, где проходил банкет, так что пошла к себе и переделалась.

Потом я увидел Тамару Федоровну Макарову и Сергея Аполлинариевича Герасимова — я их хорошо знал, — подошел, поприветствовал. И мне захотелось подарить цветы Марине. А в это время входил какой-то тип, и в руках у него было несколько гвоздик. Я к нему: «Продай букет!» — «Нет, не могу». — «Ну дай три цветка». — «Нет». — «Ну хотя бы один!» И он мне один цветок дал. Я решил преподнести его Марине. А потом подумал: «С какой стати? Тамара Федоровна — русская звезда. Подарю-ка я ей». Подхожу: «Тамара Федоровна, позвольте вам преподнести гвоздику». Она меня расцеловала. А в это время заиграла музыка. Тут Сергей Аполлинариевич быстренько — раз! — к Марине, схватил ее и пошел с ней танцевать. Он же лю-

билитель таких штук. Я пошел с Тамарой Федоровной, и в это время Володя появился. Он взял Марину, они начали танцевать, и он ее уже не отпускал... А Лева Кочарян, я и все наши ребята, которые там были, мы их взяли в кольцо, потому что все прорывались к Марине, потанцевать. Но Володя никому этого не позволил. Мне запомнилась его фраза: «Я буду не Высоцкий, если я на ней не женюсь». Это — как сейчас, помню.

А были ситуации, когда он вам помогал в жизни?

Были, конечно. Как-то он мне сказал: «Ты единственный, кто у меня ничего не просил». Для него это было удивительно. Я сказал: «Володя, а мне ничего, собственно говоря, не надо». — «Как? Ну все как-то обращаются, просят, например, что-нибудь привезти». — «Нет, — говорю, — не надо». И вот однажды, когда он только приехал из Франции, мы были у него на улице Телевидения, и вдруг он мне говорит: «Все, старик, я все про тебя знаю». Открывает шкаф и достает великолепный, совершенно новый кожаный пиджак-красавец: «Ну-ка, померь». Я надел. «Все, — говорит, — не снимай». — «Да ты что, Володя! Кто же такие подарки... И потом, я ведь не просил, зачем он мне!»

«Нет, бери». Я снял все-таки этот пиджак. Володя успокоился, но достал рубашку и говорит: «Если откажешься, я с тобой поссорюсь». — «Спасибо, Володя, но...» — «Все! Моя душа будет спокойна». Эта рубашка у меня до сих пор лежит — очень хорошая рубашка, красная, вельветовая, в мелкий рубчик. Володя любил делать добро...

Ноябрь 1987

Мы с Володей Высоцким учились в одной школе, более того, в одном классе. Мы с ним сразу друг друга нашли и очень подружились на общей страсти — любви к литературе, в частности к поэзии. Дело в том, что к нам в восьмом или девятом классе — точно не помню — пришла новая преподавательница литературы. Это сейчас восьмиклассники уже знают, что были Велимир Хлебников, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Николай Гумилев, а тогда для нас это все было не то что под запретом, об этом просто не говорили, как будто этого периода и этих поэтов просто не было. И вдруг наша учительница стала нам рассказывать. Мы с Володей бегали в библиотеку имени Пушкина — книжки достать было негде — и там читали взахлеб, выписывали. Помню, одно время очень увлеклись Северяниным, потом Гумилевым... Сейчас я понимаю, что мы увлеклись Гумилевым еще и потому, что знали его трагическую судьбу... Много его читали, выписывали стихи, многое знали наизусть. Володя был очень начитанным, читал он запоем. И возможно, что строчка Гумилева: «Далеко на озере Чад задумчивый бродит жираф...» — засела в нем, а потом вылилась в очень смешную песню о том, как в Центральной Африке как-то вдруг вне графика случилось несчастье, когда жираф влюбился в антилопу. Или, например, одно время мы увлекались Бабелем, знали все его одесские рассказы чуть ли не наизусть, пытались говорить на жаргоне Бени Крика... И ранний, как его называют, «блатной», а я бы сказал, фольклорный период Володи больше идет из одесских

рассказов Бабеля, нежели от тех историй, которые ему якобы кто-то когда-то рассказывал. И эта строка: «Чую с гибельным восторгом — пропадаю...» — почти парафраз строчки Бабеля. Короче говоря, мы с ним стали очень много читать стихов, стали писать друг на друга какие-то эпиграммы.

Мы подружились в восьмом классе, а мне мама накануне подарила гитару в честь окончания семилетки. И я очень быстро обучился несложным аккордам, а поскольку я знал на память почти весь репертуар Вертинского, то стал подбирать это на гитаре и, когда мы собирались школьной компанией, исполнял разученное. Володя как-то попросил, чтобы я ему показал эти аккорды. Он тогда еще не писал и вообще не думал, что будет писать. В то время были популярны всякие буги-вуги, очень был популярен Луи Армстронг, и Володя пытался копировать его. Может, эту хрипоту он и приобрел, когда очень здорово и смешно копировал Армстронга?..

В десятом классе я уже имел первый разряд по хоккею, и вместе с Сенечкиным, вслед за Александровым, мы были на подходе к мастерам. И когда надо было поступать в институт, мы пришли к Евгении Степановне и Семену Владимировичу посоветоваться. Семен Владимирович, как человек военный, с такой напускной строгостью сказал: «Ну, молодежь, какие планы на будущее? Значит, так, чтобы всегда был кусок хлеба — в технический вуз!»

И мы решили выбрать самый красивый пригласительный билет на день открытых дверей — таким оказался билет МИСИ имени Куйбышева. А тогда все институты были жутко спортивными, и в приемной комиссии у всех спрашивали: «У вас есть разряд?» Я говорю: «Есть. Первый по хоккею!» — «Все, идем, мы тебя устроим». А я им: «Минуточку, я с другом!» А они: «Мы вам поможем!»

Они нам действительно помогли — накануне назвали темы сочинения. У нас, конечно, было по несколько вариантов этих тем, и мы все это переписали, получили хорошие отметки...

Еще о школьных годах. Володя был очень остроумным — вы это знаете по песням. В восьмом классе преподаватель зоологии дала задание вырастить плесень на куске черного хлеба. И Володя вырастил эту плесень... на морковке.

Дело в том, что эту учительницу все называли Морковкой. И она ему этого долго, до конца учебы, простить не могла.

Или еще смешной эпизод. Я однажды получил травму, и мне надо было вставлять зубы. Мне вставили, и, как было тогда модно, один зуб стал золотым. И Володя написал в связи с этим вот такую эпиграмму:

Напившись, ты умрешь под забором.
 Не заплачет никто над тобой.
 Подойдут к тебе гадкие воры,
 Тырснут кепку и зуб золотой.

Или вот песня «На Большом Каретном». Там стояла наша школа, там жил Володя, и в том же доме жил его хороший друг и даже какой-то дальний родственник — Анатолий Утевский. Толя учился в той же школе и был двумя классами старше нас. Он был из семьи потомственных юристов и, когда окончил школу, поступил в МГУ на юридический факультет. Мы кончили десятый класс, а Утевский уже проходил практику на Петровке, 38. Ему дали пистолет — черный такой, помните: «Где твой черный пистолет?» И вот однажды бежит этот самый Толян и кричит: «Ребята, нужно, чтобы вы выступили в качестве понятых». Там взяли какого-то уголовника. На Толяна тоже была эпиграмма. Я не ручаюсь за точность двух первых строк. В общем, Толя был очень красивый, и Володя написал... Да, если кто-то не знает — до революции самым знаменитым адвокатом в Москве был Плевако...

Красавчик, сердцеед, гуляка,
 Всем баловням судьбы под стать...
 Вообразил, что он Плевако,
 А нам на это — наплевать!

Вообще, он был очень остроумным и при каждом удобном случае делал что-то смешное... Я закончу эпизод с поступлением в инженерно-строительный институт. Володя как-то очень быстро понял, что это не его дело. В ночь на новый, 1956 год мы сидели у Нины Максимовны... Да, мы были так рады, что поступили, и на радостях первое время часто прогуливали занятия. А когда нача-

лась сессия, выяснилось, что у нас каких-то зачетов нет. И главное, у нас не было сдано черчение, а экзамен третьего января. Второго мы должны были сдать эту работу. Мы решили Новый год не встречать (первого же чертить не будешь!), сидели у Нины Максимовны и чертили. Наварили кофе крепкого, чтоб не спать, разделили стол пополам книжками... Здесь — моя доска, а там — его доска. Что он чертил — я не знал, что я чертил — он тоже не знал. Ко второму часу ночи все было сделано, мы решили перекурить и выпить по чашке кофе. Потом он перешел на мою сторону, а я на его — и я расхохотался: что он начертил! Этого же никто не поймет! Ясно, работу не примут. И тогда он грустно-грустно взял оставшуюся гуцу кофейную и полил ею свою работу: «Васечек! (Почему он меня так называл, не знаю.) Я больше в этот институт не хожу!» А я: «Что ты, как это... Мы с таким трудом поступили, между прочим, благодаря моему первому разряду...» А он: «Нет, я больше не могу, не хочу, я думаю поступать в театральное училище...»

Еще в МИСИ я начал серьезно писать стихи, даже выиграл закрытый поэтический конкурс в нашей студенческой многотиражке. Помню Володино четверостишие, написанное по этому поводу:

Тебе б литфак был лучшим местом,
 Живешь ты с рифмой очень дружно.
 Пиши ты ямбом, анапестом,
 А амфибрахийем не нужно!

Так случилось, что вузы мы с Володей закончили одновременно: ведь в Школе-студии учатся четыре года. Володя попал в Театр имени Пушкина и сразу же поехал на гастроли в Ригу. Звонит мне: «Васечек, приезжай». Я приехал...

Это было сказочное время, может быть, лучшее время в нашей жизни. Жили мы в «Метрополе», денег, конечно, не было, но мы собирали последние рубли, что-то заказывали и сидели... А поздно вечером после спектакля все актеры спускались в ресторан. Музыканты к этому времени уже уходили, и Володя садился за рояль. Он тогда очень здорово импровизировал под Армстронга! И хотя не знал

ни одного слова по-английски, делал это настолько похоже, что официанты выстраивались в дверях и слушали.

Первые Володины песни я услышал в сентябре или в октябре 1961 года. Он звонит мне домой: «Васечек, ты не можешь приехать? Срочно нужна рубашка, надо выручить друга, у него порвалась...» Приезжаю на Большой Каретный, там собралась знаменитая компания: Лева Кочарян, Артур Макаров... Рубашка нужна была Артуру. И вот тогда Володя спел какие-то новые песни. Я спрашиваю: «Чьи?» — «Это я сам написал...» Пять-шесть очень интересных песен... И Володя был в центре внимания, все девушки его! У меня, конечно, белая зависть... И этой же осенью я написал «Бабье лето»...

Новый 1962 год всей компанией встречали у меня. И вот тогда впервые я спел «Бабье лето». Артур Макаров — он тогда был для нас главным авторитетом — говорит: «Давай по второй». И через некоторое время песня «Бабье лето» стала гимном нашей компании.

В июне 1965 года я решил все бросить и уехать работать в Магадан. У меня был вызов из газеты «Магаданский комсомолец». Накануне моего отъезда устроили скромные проводы — мама, сестра, Володя и я. И вот тогда Володя принес песню «Мой друг уедет в Магадан». Текст был написан на бумаге, причем каждый куплет — фломастерами разного цвета. Тогда же Володя впервые и спел ее.

Летом 1968 года я был в Москве — приехал в отпуск. В один из дней звонит Володя и спрашивает, читал ли я сегодняшнюю «Советскую Россию». «Нет, — говорю, — не читал. А что там такое?» — «А там, — говорит Володя, — жуткий материал про меня...»

Статья называлась «О чем поет Высоцкий?» Ее основная мысль сводилась к тому, что он якобы издевается над всем, «чем гордится коллектив»... Одной из главных «статей» обвинения была цитата — припев из песни... Юрия Визбора «Зато мы делаем ракеты и покорили Енисей» и т. д. И у него был очень сложный период после этой публикации... Но в таких ситуациях он всегда умел смотреть на все с большой долей иронии. Когда судьба свела Высоцкого с Мариной и он не знал, как быть, он не нашел ничего лучшего, как прилететь ко мне в Магадан, где я тогда работал, и спросить совета, как ему быть. И уже хотел за-

казывать телефонный разговор из Магадана в Париж, чтобы сказать, что он здесь и «мы с другом думаем о тебе».

В последние годы мы встречались редко. Не потому, что разошлись, а потому, что жизнь развела. В последний раз мы созвонились за два года до Володиной смерти. Я был на спектакле в Театре на Таганке, а потом поехали к нему. «Посидим, попьем чайку...» Сели, начались разговоры. Тут раздался один телефонный звонок, потом другой... Потом кто-то пришел... Так и не удалось нам поговорить, как прежде...

Февраль 1988

С Володей Высоцким мы учились в одной московской школе — тогда она была мужской — в параллельных классах. Входили в одну школьную дружескую компанию. Все мы тогда жили практически рядом: Володя — на Большом Каретном, Володя Акимов — в Каретном ряду, Гарик Кохановский — на Петровке, я — в Лиховом переулке.

Совсем рядом был сад «Эрмитаж» — место нашего «выхода в люди». Все великие эстрадные артисты выступали там, на летней площадке Театра эстрады: Утесов, Шульженко, Смирнов-Сокольский, Гаркави, Мирон и Новицкий... На их концерты ходили по нескольку раз. Там же проходили первые гастроли зарубежных коллективов, помню выступления польского «Голубого джаза». В общем, все свободное время мы проводили в «Эрмитаже».

Зимой часто ходили на каток «Динамо». Представляете, этот каток тогда был в самом центре города. Кстати, некоторые наши одноклассники стали известными хоккеистами: Игорь Деконский — заслуженный мастер спорта, Игорь Быстров — мастер спорта, Игорь Кохановский хоккеистом не стал, но он занимался в юношеской команде ЦСКА.

Мы очень часто собирались — разговаривали, спорили, устраивали дружеские встречи. И очень много брали друг от друга. Читали запоем. Многие жили в тесных коммунальках — читали ночами, с фонариком под одеялом. Не пропустили ни одной картины в кинотеатре повторного фильма. Иногда пропускали уроки, чтобы сбежать в кино.

Но учились неплохо. Помню, что Володя, Гарик Кохановский и я даже «тянули на медаль». У Володи все сорва-

лось в первой четверти... Наша мужская дружила классами с соседней женской школой. И вот пятого или шестого ноября был общий вечер, проходил он как-то казенно и скучно. В конце вечера Володя вышел на сцену и рассказал одну басню Крылова, которую он переделал на свой лад. Зал смеялся и аплодировал, а Высоцкий получил тройку по поведению за первую четверть.

Понимаете, ведь надо было решиться выйти на сцену, нужны были и смелость, и уверенность в себе.

Володя вообще был самостоятельнее и взрослее, чем все мы, это точно. Он никогда не говорил, что и как у него в семье. Помню, заезжали к нему в гости, и всегда Нина Максимовна нас тепло принимала... Как все мы теперь понимаем, «Высоцкий сам сделал себя», и началось это еще тогда. Он был вместе с нами, но раньше нас стал познавать жизнь с разных ее сторон. Лучше нас видел и понимал людей.

После школы еще года три сад «Эрмитаж» был местом наших встреч. А вечерами продолжали встречаться у Володи Акимова, в его большой комнате. Володя стал приводить туда своих новых друзей по Школе-студии МХАТ. Приходили Тая Додина, Геннадий Ялович, Гена Портер... Вот тогда впервые в его руках появилась гитара. У Володи была уже и другая, более «взрослая» компания. Лева Кочарян, который жил на Большом Каретном, работал на «Мосфильме» и был взрослее нас... Толя Утевский, Артур Макаров, Василий Макарович Шукшин...

Потом мы стали общаться все реже и реже, и наши пути на некоторое время разошлись. Многие из нашей компании поступили в технические вузы: кто-то закончил, кто-то ушел... Но, скорее всего, совсем не случайно практически все потянулись потом к литературе, к театру, к кинематографу. Наша школьная дружба, наше общение заложили какие-то прочные основы...

Судьба свела нас с Володей в 1971 году, когда я начал работать в Театре на Таганке. Разговаривали, вспоминали, а больше, конечно, занимались делом... В 1975 году хотели официально наладить его концертные выступления, организовали прослушивание в Росконцерте. Вначале все шло очень хорошо, была даже намечена гастрольная поездка на БАМ. Но потом те же люди под разными предло-

гами отказали. Примерно в то же время был утвержден и проведен цикл вечеров-встреч «Актеры Театра на Таганке». У Высоцкого была своя сольная программа. Работали через общество «Знание» в организациях Москвы и Московской области, у которых были свои залы. Приходилось ездить вместе с ним на эти выступления, иногда представлять перед началом концертов. Не пропустил ни одного выступления Володи: два-три концерта слушал за кулисами до конца. В каждом выступлении — что-то новое, ни один не похож на другой. Ему нужно было видеть глаза людей, чувствовать настроение зала — от этого часто зависело и построение концерта. Если отдавал мне гитару и шел на сцену без нее, значит, это последний поклон — концерт окончен...

В начале 70-х годов был такой случай. Я уговорил Володю выступить на открытии нового Дворца культуры в Серпухове. Зал был набит битком. В первом ряду сидели представители местных властей, работники культуры... Высоцкий начал песню про джина, помните: «У вина достоинства, говорят, целебные...» И вдруг кто-то из «чиновников от культуры» вскочил на сцену, схватил микрофон и закричал: «Немедленно прекратите это безобразия!» Володя сказал что-то резкое, повернулся, ушел со сцены. Как ни уговаривали, быстро уехал... Этому я сам был свидетелем.

Высоцкий очень тактично и уважительно относился к публике. Да, он не всегда отвечал на записки, особенно в последнее время. Ведь обычно там были просьбы исполнить ту или иную песню, и это могло бы продолжаться бесконечно. Но бывали и другие вечера — все зависело от ситуации, от его состояния, от настроения... Во всяком случае, Володя всегда знал, какой песней в какой аудитории поставить точку.

«Гамлет» в театре поставлен на Высоцкого, и спектакль полностью ассоциировался с Володей. Его Гамлет менялся, становился старше, мудрее... и другого Гамлета не могло быть. После премьеры я был за кулисами. Володя идет после вызовов такой отрешенный, весь в себе... Я его поздравила, он никак не реагирует... «Володя, я же искренне тебя поздравляю...» — «Старик, я понимаю, что искренне... Ты же не артист...»

Ввод Золотухина в эту роль? Я думаю, что Любимов просто хотел предупредить Володю, даже немного припугнуть... В театре дисциплина, репертуар, а Высоцкому была нужна свобода — и творческая, и человеческая.

Да, в последнее время каждый спектакль с его участием становился событием. И теперь все, связанное с Высоцким, для нашего театра, можно сказать, святое. Недавно в театре снимали две группы Центрального телевидения — Натальи Крымовой и Эльдара Рязанова. Нужно было установить декорации, повесить громадный шерстяной занавес из «Гамлета». И никаких разговоров: раз для Володи — это надо, это святое...

В теперешних публикациях, мне кажется, Володю показывают слишком однобоко. А ведь он был разным и не стеснялся этого. Да, срывался. Случались прямые, жесткие разговоры с Любимовым. Юрий Петрович, я думаю, знал о громадной внутренней силе Высоцкого, но все-таки недооценивал его как барда, как поэта. Только после смерти Высоцкого понял его истинную величину. Как главный режиссер, как руководитель он многое прощал Володе. И в определенной мере продлил его сценическую и творческую жизнь.

С начала этого года в театре идет работа по созданию музея Высоцкого: нашли помещение, собирают экспонаты. Архив Театра на Таганке, документы и материалы о Высоцком, которые теперь хранятся в ЦГАЛИ, постараемся вернуть. Память о Владимире Высоцком нужна всем нам, и его музей в театре обязательно будет.

Апрель 1987

Инна Александровна, с какого времени вы помните Высоцкого?

С 1949 года. Володе было одиннадцать лет. Жили они в квартире номер четыре.

А кто еще жил в той квартире?

Я не всех помню. Северина Викторевна, портниха, жила через стенку. Причем, когда Высоцкие уже переехали отсюда, до конца дней Северины Викторовны Евгения Степановна ездила к ней, помогала, ухаживала. Еще одна соседка — Нина Борисовна. Не знаю, где она работала. Была такая тихая, спокойная квартира. У Семена Владимировича и Евгении Степановны всегда было очень много народу. Хлебосольный, гостеприимный дом.

А жили там: бабушка, Лида с мужем, потом родился ребенок... Для всех хватало места. И Леша приезжал — брат Семена Владимировича, и фронтовые друзья Высоцких. И всегда для всех был «и стол, и дом».

Вы помните маленького Володю?

Конечно.

Как он тогда выглядел?

Выглядел очень симпатично, всегда такой аккуратненький. У меня была собака, большая овчарка Фрина. И когда мы выходили во двор, Володя это в окно видел и выскакивал в любую погоду, если не был в школе. Они с Фриной

и играли, и обнимались, а то садились друг против друга и — глаза в глаза... Он ее очень любил.

Двор был большой, зеленый, с голубятней. Играли в волейбол... В общем, хороший был двор. Очень дружный. Летом Женя иногда увозила Володю на дачу. Тогда Семен Владимирович служил в Киеве, и они под Киевом снимали дачу, чтобы Володя был на воздухе. А когда он приезжал, оставались еще сентябрь, октябрь, а весной — май, половина июня, все это время проходило во дворе, на улице.

Дворовые компании?

Во дворах тогда, конечно, было много шпаны. Особенно на Малюшенке и в Лиховом переулке. А вот в нашем дворе блатных почти не было. Московские дворы в то время все-таки — особая атмосфера. Например, в нашем доме все знали друг друга и не просто знали — дружили. Был даже красный уголок, где занимались с детьми, когда родители уходили на работу. До войны летними вечерами во двор выносили патефон и танцевали...

Вы жили тогда и сейчас живете на четвертом этаже и, конечно, встречались на лестнице...

Естественно. У нас не было лифта, а наверху жил его друг Толя Утевский, и Володя без конца туда бегал. Они с Толяном дружили, а Евгения Степановна дружила с Толиной мамой.

Лида, Лидия Николаевна — племянница Евгении Степановны, она много делала для Володи...

Очень, очень много! Володя ее обожал. Я помню, как он переживал, когда Лида вышла замуж! Женя его успокаивала, Володя плакал в ванной: «Лидик выходит замуж, Лидик от нас уйдет!»

Лидия Николаевна рассказывала про детство Высоцкого?

Конечно, она очень много знает. Я-то его видела, так сказать, от раза к разу, а Лида все время там была. Она и занималась с ним, и в школу ходила.

Семен Владимирович был суровым отцом, не помните?

Ну, Семен Владимирович вообще очень суровым быть не может! Суров, но справедлив. Он человек военный, занятый. Естественно, все ложилось на плечи Евгении Степановны. В школу ходила именно она, если Володя что-то там натворит...

Конечно, более тесное и близкое общение с Высоцким у вас было, когда он подросток. А когда это началось?

В качестве очень близкого человека Володя стал бывать у нас с 1958 года. До этого у нас были просто соседские отношения. А бывать он у нас стал часто, когда я вышла замуж за Леву Кочаряна. Тогда уже все начали здесь бывать.

Высоцкий очень тепло вспоминал об этом времени.

Во-первых, для всех нас это было время становления. Один что-то написал, второй — напечатал, третий — получил постановку, четвертый — закончил фильм... Володя Акимов сказал мне: «Мы все, оставшиеся в живых, тоскуем по Большому Каретному». Потому что никогда больше не было такой дружбы и такого единения.

«Кочарян учил Высоцкого жить», — так говорят многие друзья Владимира Семеновича. Все-таки Левон Суменович был старше, и жизненного опыта у него было, конечно, больше.

А вы знаете, что Лева и Толя Утевский настояли, чтобы Володя пошел в театральное училище?

Нет. А как это было?

Это было без меня, но Володя мне рассказывал: «Если бы не Лева и Толян, я бы остался в строительном». Вы знаете, тут не было ни у кого никаких особых отношений — тут были общие дружеские отношения. Никто не дружил с кем-то персонально. Здесь встречались все: Вася Шукшин, Андрей Тарковский, Артур Макаров, Володя Акимов, Эдик Кеосаян, Леша Сахаров, Олег Стриженов, Инга Окуневская, Витя Суходрев, Гриша Поженян, Толя Гарагуля, Аркаша Бочкарев и Зина Попова — все были очень близкими людьми. Пожалуй, больше других Володя любил тогда Олега Стриженова. Олег к тому времени стал кинозвездой.

Вообще, он не был демократичным никогда, но с Володей никогда не задавался — у них были очень добрые отношения. Володина песня «Серебряные струны» была любимой песней Олега.

Из своих одноклассников Володя привел к нам только Гарика Кохановского. А Володя Акимов попал к нам совершенно без помощи Высоцкого. Просто на одном из фильмов они работали вместе слевой, и он стал у нас бывать. Я даже не знала, что Акимов учился вместе с Высоцким, это выяснилось потом, когда Володя стал у нас бывать. Естественно, я была старше и его одноклассников не знала. Бывал здесь и Олег Халимонов, которого Володя очень любил. Олег работал тогда на судах дальнего плавания и иногда звонил из разных морей и океанов. Однажды телефонистка говорит: «Сейчас с вами будет говорить Морис Торез...» Как так? Торез недавно умер... А просто Олег плавал тогда на танкере «Морис Торез».

А вот из Школы-студии Высоцкий привел и Севу Абдулова, и Жору Епифанцева...

В этой компании Высоцкий был одним из самых младших?

Конечно, но в этом доме Володю любили, и здесь все были на равных. В этой компании все были личностями, причем личностями самостоятельными, незаурядными. Ну, может быть, в магазин бегали чаще Володя Акимов и Володя Высоцкий. Все-таки, действительно, они были помоложе...

У Кочаряна было очень развито чувство справедливости, мне об этом многие говорили.

Да, это точно. Лева вообще не терпел, когда при нем кого-то унижали.

Расскажите историю, когда Стриженов вернулся из Японии...

Мы пошли в ресторан «Узбекистан». И Володя говорит: «Олег, я сейчас тебя опозорю». — «Да ты с ума сошел. Как это ты меня опозоришь? Я — Стриженов, меня все знают...»

И вдруг Володя бросается к нему в ноги, а это было часов в двенадцать... Ну все смотрят, естественно, на Стриженова — он очень красиво одет, только из Японии... Так вот, Володя бросается в ноги — и на всю улицу: «Горе горькое по свету шлялося!»

Ваша квартира была основным местом сбора. А в других местах вы бывали?

Да, периодически. Но штаб-квартира была здесь. Во-первых, каждый мог прийти к Лева или просто в дом. Ведь иногда Лева уезжал в экспедиции. Именно здесь праздновали все дни рождения. А потом, квартир толком ни у кого не было, а у нас — довольно большая. Это сейчас у всех квартиры, кооперативы, а тогда с жильем было трудно. И любили, любили ребята Большой Каретный.

В какой-то период этот дом стал вторым домом для Высоцкого. То есть он мог просто остаться ночевать или даже жить некоторое время...

Да, конечно. Он жил тут и работал, и уезжал отсюда, и сюда приезжал. Как-то Лева уезжал в Ленинград, делать какие-то пробы. А Толя Утевский и Володя поехали его провожать. Предупредили меня, что вернутся ночевать сюда, потому что Толян жил уже довольно далеко. Сказали: «Инуля, не волнуйся, проводим и приедем ночевать. Дверь не запирай». Я и не запираю. Поезд ушел где-то около двенадцати ночи... Час — их нет, два — их нет, и никто не звонит. Вдруг утром звонок из Ленинграда: оказывается, они в Ленинграде — Володя, Лева и Толян.

Почему и как?

Пришли провожать, сели в поезд. Поговорили. «А почему бы нам не съездить в Ленинград?» — «Ну давайте съездим». Вот и поехали. Все очень просто.

Был интересный случай, когда в квартире осталось ночевать столько народу, что Высоцкому не хватило места...

Володя пришел поздно, все уже спали — и не только лечь, прислониться негде было. Буквально все занято.

А Лева был ужасно изобретательный человек: он положил Володю в ванну, а так как стелить уже было нечего, налил теплой воды, а под подбородок положил досочку, чтобы он во сне не захлебнулся. И всю ночь бегал, подливал ему горячую воду. Я говорю: «Ты чего?» — «Володька простудится, надо ему теплой водички подлить». А Володя утром встал — так здорово! И спать было удобно, и чистый... Прибегает ко мне: «Я самый чистый, мне первому завтракать». Было такое...

Жили шумно, весело. Однажды поздно вечером после съемок решили поужинать. А в рестораны уже не пускают. Володя говорит: «Пойдем в «Арагви», пустят, сегодня моя смена...» Приходим — дверь закрыта. Володя стучал, стучал, рвался, рвался... Не открывают. Он снова. Дверь наконец приоткрывается, высовывается рука — и Володя получает в челюсть. Дверь мгновенно захлопывается. Володя потрогал челюсть и говорит: «Нет, ребята, сегодня не моя смена».

А какие песни пели в вашем доме?

Разные: русские народные, романсы, военные песни, и очень модные тогда так называемые блатные. У нас главными певцами были Олег Стриженов, Саша Шворин, даже не Володя. И все сами аккомпанировали себе на гитаре. Гитара всегда была у нас, она и сохранилась — вот та, первая Володина гитара. На ней автографы Высоцкого, Утевского, Стриженова... Именно на этой гитаре Володя аккомпанирует себе на единственной оставшейся записи 1965 года. Она была записана летом, перед отъездом Игоря Кохановского в Магадан. Тогда они решили заново переписать все песни, потому что первые пленки были очень плохого качества. Да еще нажмут не на ту кнопку, сотрут кусок и переписывают снова.

Вы в числе очень и очень немногих людей, которые помнят, как записывались первые песни Высоцкого.

Я помню, как была написана самая первая песня. Это было в 1961 году. Я хорошо это помню, потому что Лева работал тогда на «Увольнении на берег», а Володя там снимался. Да, тут Акимов проследил — он действительно снимался во всех фильмах, где работал Лева. И вот тогда Володя написал песню «Татуировка».

Причем он подошел ко мне и говорит: «Инуль, ребята не верят, что это я написал, ты уж подтверди». Когда появились первые его песни, мы их не очень-то и выделяли. А я почувствовала их силу так... Мы были в Одессе, и Володя пел на квартире у Толи Гарагули. И когда он запел военные вещи, я увидела слезы на глазах старых моряков. Понимаете, они — плакали! Тогда меня это потрясло.

А вы никогда не видели, как он писал свои песни, то есть карандашом на бумаге?

Может быть, он когда-то в блокноте и писал... Но в принципе у меня было впечатление, что песни из него будто лились. Он этими песнями разговаривал с друзьями. Это был способ общения с друзьями.

И тут же, на ходу, он их перерабатывал. Были песни, которые он только что записал, а потом приходит и говорит: «Левушка, ты знаешь, давай еще раз». Потому что он уже что-то переосмыслил.

А как происходила сама запись?

И днем, и ночью они очень серьезно работали, записывали, потом слушали. Если что-то закрипело, значит, надо еще переписать. У нас на магнитофоне «Днепр-II» все клавиши были одинаковые, не на ту нажмешь — сотрешь запись. Поэтому все пленки были «ущербные» — а их переписывали помногу раз. Но и Лева, и Володя получали колоссальное удовольствие от этих своих сеансов звукозаписи.

Какие-то конкретные случаи вы узнаете в его песнях?

Например, строка «Недавно головой быка убил» связана вот с таким случаем. Всей компанией мы выходили из ВТО, и привязались какие-то пьяные парни. Драка! И Лева кого-то головой ударил в живот... Я даже помню, как они ночью записывали эту песню и дико хохотали.

В какой мере первые песни связаны с его собственным детством?

Каждая песня была чем-то вызвана — какой-то ассоциацией, каким-то знакомством, каким-то случаем. А что ка-

сается дворовых песен — ничего такого в его юности не было. У нас был очень интеллигентный и порядочный дом. И Володе негде было встретиться со своими песенными персонажами, и с гражданином Токаревым негде было встретиться. Единственное общение такого рода у него было с Гераскиным — нашим участковым. Гераскин прекрасно знал всех нас.

Нет, все-таки соприкосновения были: например, когда Утевский был на практике в соседнем отделении милиции. Помните, тот самый «черный пистолет»...

Почему на практике? Толян тогда уже в МУРе работал, и у него был свой законный пистолет. Тогда он часто приходил к нам и, конечно, самые интересные моменты, самые интересные случаи из своей работы рассказывал.

Так это его вполне законный пистолет упоминается в песне?

Но пистолет был и у Семена Владимировича. Ствол был залит баббитом, и Володя с ним играл. Это Женя мне потом рассказала. Хотя пистолетов было гораздо больше — и у Гладкова был, и у Скорина, все они тогда работали в милиции. Но в принципе эта песня была посвящена Утевскому. И только ему! Он тогда уже здесь не жил. «Нет, нет да по Каретному пройдешь...» Володя просто подарил ему эту песню. Песен тогда еще было очень мало, поэтому каждая запоминалась. Вот почему запомнилась «Татуировка»? Да потому, что именно «Татуировку» он написал первой. А потом какое-то время песен не было. И вдруг сразу появилось несколько, и среди них — «Где твои семнадцать лет?..» А какую же вторую песню он написал?.. «Желтое, зеленое...», что ли? Ее записывали в Севастополе, в гостинице, у нас в номере.

А какой это год?

Все это было в 1961 году. Володя там снимался в «Увольнении на берег».

Вы точно помните?

Ну а как же! А когда приехали, был записан уже целый комплект песен.

Очень жаль, что эти первые пленки не сохранились. А кто, вы говорили, очень необычно прореагировал на первые записи Высоцкого?

Лева дал послушать первые записи одному известному кинорежиссеру. Тот сказал: «И ты этого человека пускаешь в дом! Он же вас обворует!»

Расскажите, пожалуйста, про буклетистые пиджаки. Сколько их было?

Один. Он всегда ходил в этом пиджаке. То есть, я не знаю... может, у него еще был такой пиджак... Но то, что он всегда ходил в буклетистом пиджаке, — это факт. И он всегда был элегантным. Этот пиджак всегда у него был «тип-топ».

В одной из анкет любимым местом в Москве Высоцкий называет Самотеку — Самотечную площадь.

Да, там было кафе с тентами — они вечно полоскались, оторванные ветром. Мы называли его «Рваные паруса». А рядом — сад «Эрмитаж». Если зайдешь туда вечером, обязательно кого-нибудь из знакомых встретишь, потому что все наши ходили в «Эрмитаж». Там была танцплощадка, две эстрады, клуб, игротека, кинотеатр.

Вы помните дебют Высоцкого в «Современнике»? В спектакле «Два цвета»? Что это была за роль?

Я теперь толком не помню. Собственно, и роль была не очень, и дебют оказался неудачным — его не взяли. Он сказал там, что гулял по Ростову и встретил Федьку Колото-го и Левку Кочаряна...

То есть вставил в текст Кочаряна. А огорчился, что его не взяли в театр?

Огорчился. Во-первых, тогда было просто безвыходное положение, не было работы. Во-вторых, театр есть театр. А в Театре имени Пушкина, по-моему, с ним не очень хорошо поступили. Володя мог где-то и сачкануть, но в работе он был обязательный человек. А работы не было, не было и денег. Лева устроил Володю в фильм «Живые и мертвые». Есть такое понятие в кино — «актеры окружения». Снимаются они немного,

но главное — получают постоянную зарплату. И на «Стряпухе»... Лева просто «приказал» Эдмонду Кеосаяну взять Высоцкого. Но отношения у них складывались сложно. Честно говоря, Кеосаян два раза выгонял Высоцкого. И Лева дважды уговаривал его... Мы получили очень интересное письмо от Володи из станицы Усть-Лабинской, где снималась «Стряпуха». Оно стилизовано под чеховский рассказ «Ванька Жуков»: «Дорогой Левон Суренович, приезжай поскорей, Кеосаян бьет меня селедкой по голове...»

А что рассказывал Высоцкий, когда в 1964 году его приняли в Театр на Таганке?

Во-первых, он был счастлив, что работает. В Театре миниатюр он все-таки помыкался... И нравился ему Любимов, нравился. И потом — театр! Театральный он актер, он вообще прежде всего — актер.

Кто-нибудь из актеров Театра на Таганке бывал у вас?

Нет, никто.

А Людмила Абрамова?

Люся, конечно, бывала у нас. Она и сейчас заходит ко мне... 1964 год. Вот здесь, в этой самой комнате, серьезно разговаривают Володя и Люся Абрамова. Она ждет второго ребенка, а Володя говорит: «Денег нет, жить негде, а она решила рожать...» Входит Лева, сразу все понял. «Ты — молчи! Ты — рожай!» Я это хорошо запомнила. Тогда родился Никита.

Вы вместе с Высоцким были в Одессе...

Это было в 1967 году. Мы жили у моей подруги Вали Веденчук. Она работала директором букинистического магазина. Огромная библиотека, интеллектуальный дом... А каждое воскресенье устраивался обед. Артур Макаров — удивительный кулинар — готовил... И собирались все наши, кто в это время был в Одессе...

И на одном из таких обедов болгарский актер...

Нет, это было не на обеде. Просто вечером пришли ребята, и этот Стефан Данаилов сказал Володе: «Пой!» Воло-

дя говорит: «Я не хочу». Тогда Данаилов достал деньги и бросил Володе в лицо. И Лева этим Данаиловым сломал тахту.

А когда Высоцкого забирал военный патруль?

Это было не в Одессе, а в Севастополе. Снимался фильм «Увольнение на берег». Володя Трещалов, Лева Прыгунов и Высоцкий приехали в город на обеденный перерыв. Приехали в морской форме. Наша база была в городском Доме офицеров. Жарко. Трещалов, Прыгунов и Высоцкий вышли попить газировки. Подходит патруль, а они не приветствуют. Офицер спрашивает: «Почему не приветствуете?» Ну а они отвечают: «Да пошел ты...» Их забрали и увезли в комендатуру. Закончился перерыв, приходит машина, режиссер туда-сюда, а актеров нет. И кто-то ему говорит: «А ваши актеры давно в комендатуре, сейчас их на "губу" отправляют». Недоразумение разъяснилось, но это им понравилось. И потом, как только обеденный перерыв, они начинают фланировать по улице и никому честь не отдают. Но это уже была игра.

Расскажите, как Кочарян и Высоцкий покупали джинсы...

Хозяин хотел за джинсы восемьдесят рублей, а они почему-то хотели их купить за пятнадцать. Хозяин не соглашался. Володя ему бросался в ноги, целовал колени. Хозяин бросил джинсы и убежал. Но они его догнали... У Левы было двести рублей, вечером они приехали без копейки. Я спрашиваю: «Где деньги?» Отвечает: «Ну мы же не могли так дешево...» За пятнадцать рублей купили джинсы, а на остальные деньги угощали хозяина.

Это был 1967 год, и Высоцкий приехал в Одессу после знакомства с Мариной Влади...

Володя приехал из Москвы, он тогда снимался в фильме «Служили два товарища». Подходит ко мне на пляже: «Иннуля, надо поговорить... Слушай, у меня роман с Мариной Влади...» Когда об этом узнали в съемочной группе, все просто умирали от хохота. «У него роман с Мариной Влади. Это какая Марина Влади? Подпольная кличка "Как ее зовут?"». Никто не поверил.

Как вы считаете, Высоцкий был счастлив?

Нет, он был невезучий. Когда, казалось бы, все наладилось — квартира, жизнь, творчество, — он ушел из жизни. Как будто Леву повторил.

Но ведь многие утверждают, что он никогда не жаловался на жизнь.

Никогда. Не только не жаловался, он всегда был очень оптимистичным.

В вашем доме что-нибудь напоминает о том времени?

Все. Но, к сожалению, Володины письма, записки и телеграммы мы выбросили вместе с мебелью, когда делали капитальный ремонт. Лева сказал: «Абсолютно все — на свалку!» Мы выбросили всю мебель, в одном из ящиков стола были облигации — об этом мы вспомнили гораздо позже. Квартира была абсолютно пустой, мы спали на трех раскладушках. Но это было уже давно... Понимаете, целая жизнь прошла. Многих уже нет на этом свете. Кто мог знать, что Лева умрет в сорок лет, а Володи не станет в сорок два? Первое время ребята собирались два раза в год — в день рождения Левы и в день его смерти. А теперь — все реже и реже. Я понимаю: у всех давно другая жизнь.

Октябрь 1987

С Володей Высоцким мы познакомились в 53-м или 54-м году, он еще учился в школе. На Большом Каретном, теперь улица Ермоловой, в этом самом «первом доме от угла», как поется в Володиной песне, жили два моих друга — Анатолий Борисович Утевский и Левон Суренович Кочарян, мечтавший стать кинематографистом. Он и стал им позже, но успел снять всего одну картину. Это был любопытнейший человек, очень способный, с замечательным характером. Из породы тех людей, которые нужны друзьям в любую минуту и которые никогда не оставляют их обделенными.

И в этом же доме жил Семен Владимирович Высоцкий с Евгенией Степановной. Володя очень часто у них бывал, но едва ли не еще чаще — в одной компании с Утевским и Кочаряном, и они меня с ним познакомили.

Володя оказался самым младшим в этой компании (поэтому я называю его сейчас Володей, а не Владимиром Семеновичем: до его смерти я не знал такого обращения к нему — Владимир Семенович, для меня он всегда был Володей). У него даже появилась кличка Шванц, — потому что он бегал хвостиком за старшими, хотя вскоре стал полноправным членом компании. Очень своеобразный человек, с очень ясными глазами — легкий, веселый, общительный. Этаким врун, болтун и хохотун, как он часто себя называл. Правда, до определенного момента. Когда сталкивался с тем, что его не устраивало, глаза становились жесткими и прозрачными.

Тот факт, что мальчик-школьник стал полноправным членом компании людей не просто взрослых, но уже

имевших свою, зачастую очень непростую биографию, говорит о многом. Надо учитывать время, в которое развиваются те или иные отношения, происходят те или иные события... В нынешней молодежи меня раздражает невероятный инфантилизм, отсутствие стержня, крепости на излом. Люди нашего поколения, нашей компании были в молодости совсем другими. Но когда я начинаю размышлять, почему это так, я понимаю, что мы были счастливые... Все хорошо помнили, а многие знали войну (я уехал из Ленинграда в 1943 году подростком, Юра Гладков воевал с тринадцати лет). Все много работали в разных областях, все много ездили, и по своей и по чужой воле.

Время, в которое мы росли, нас определенным образом формировало. А послевоенные годы, когда я некоторое время учился в школе, были примечательны тем, что страну, на мой взгляд, захлестнули блатные веяния. Не знаю, как у других, а у нас в школе и во всех дворах ребята часто делились на тех, кто принимает уличные законы, и на тех, кто их не принимает, остается по другую сторону. В этих законах, может быть, не все обстояло правильно, но были и очень существенные принципы: держать слово, не трусить, не продавать своих ни при каких обстоятельствах. И это накладывало определенный отпечаток на наше поведение, на судьбу. Законы двора были очень жесткими. И вот по этим законам в дворовой коммуне формировался и Володя. И ему повезло — он навсегда сохранил ту легкость, общительность, которую многие из нас уже потеряли. А у него это осталось. И уже тогда было ясно, что он — художник, что он — талант. Он всегда мечтал быть актером. А отец хотел, чтобы он имел какую-либо «настоящую» профессию, а потом уже другое.

Володя поступил — если память мне не изменяет, хорошо сдав вступительные экзамены, — в строительный институт. Проучился там недолго: я на год уезжал, а по возвращении с удивлением узнал, что Володя — студент Школы-студии МХАТ. Вот приблизительно так все развивалось.

Я не буду соблюдать точность и строгую последовательность событий, попробую восстановить факты в общих чертах и примерной последовательности. Хорошо помню,

что довольно долгое время Володя совсем не играл на гитаре. Играть так, как в последние годы, он, на мой взгляд, стал незадолго до смерти. Все песни, которые знал, а знал он их бесчисленное множество – романтические уличные песни и полублатные, он исполнял тогда с уклоном в юмор.

А вот когда начал учиться в Школе-студии, стал относиться к песням более серьезно, с большим отбором; его интересовали авторские вещи. Допытывался, кто автор, кто он такой, и приходил к каким-то открытиям и находкам. С удивлением узнал, что многие песни, которые считались старыми, блатными, написаны профессиональными литераторами и большей частью в лагерях. Не он один, многие удивлялись: «Ну как же, эту песню чуть ли не отец мой еще пел!..» А оказывалось, что песня написана не так давно и совершенно неожиданным человеком. А потом в песнях, которые пел Володя, вдруг возникали новые куплеты. Спрашиваю: «Откуда ты их знаешь?» – «Не знаю откуда!» А оказывается, он их сам сочинил. Еще позже появилось ритмическое постукивание по столу или, как рассказывает актриса Жанна Прохоренко, учившаяся вместе с ним в Школе-студии МХАТ и близко его знавшая, по перилам лестницы. Она тоже хорошо помнит некоторые его ранние песни, которые он пел, аккомпанируя себе ритмическим постукиванием по перилам лестницы. Воспоминания Жанны очень помогли, когда мы уже после смерти Володи устанавливали даты его песен при составлении картотеки.

Большой Каретный... Мы все там жили – Толя Утевский, Лева Кочарян, часто приходил Володя Акимов. Когда Кочарян женился на нашей общей приятельнице, их трехкомнатная квартира на четвертом этаже надолго стала нашим общим домом. Правила общежития у нас сложились вполне определенные: мы были близкие друзья, а значит, жили, по сути дела, коммуной. Восстанавливая это время в памяти, я обнаружил, что, если применить более позднее определение, все мы тогда были тунеядцами. Был такой период, когда это каралось. Меня однажды даже решили выселить из Москвы, хотя я к этому времени занялся переводами, уже напечатал два или три переводных романа, несколько пове-

стей, пьесу и прочее, но нигде на службе не состоял. При этом определенный ценз заработка, который тогда существовал, я перекрывал с лихвой, а это было подозрительно. За меня вступился «Новый мир», руководимый тогда Александром Трифоновичем Твардовским. И меня в Москве оставили, но пришлось вступать в группу литераторов.

Для окружающих мы были тунеядцами потому, что почти никто из нас не работал, то есть все мы работали и работали много, но как? Без выдачи зримой, весомой, а главное – одобренной продукции. Никто нигде не состоял и ничего практически не получал. Володя вместе с одним нашим товарищем написал «Гимн тунеядцев» на мелодию известнейшей песни. Гимн этот регулярно исполнялся, с большим подъемом. И даже в нем проскальзывало то, что держало эту компанию:

И артисты, и юристы
тесно держим в жизни круг,
есть среди нас жида и коммунисты,
только нет среди нас подлюг!

И припев был:

Идем сдавать посуду, ее берут не всюду.
Работа нас не ждет, ребята, вперед!

Я был и остаюсь убежденным интернационалистом. Это сейчас я пообмялся, а тогда при мне сказать «армяшка» или «жид» – значило немедленно получить по морде. Точно так же реагировали и все наши ребята. Крепкая была компания, с очень суровым отбором. Многое можно было бы восстановить по рассказам, стихам, песням.

Сейчас все обрастает легендами, но я могу совершенно точно утверждать, что боксом, например, Высоцкий не занимался. Хотя об этом говорят близкие ему люди. Я не понимаю, зачем Володю приукрашивать? Он из тех личностей, которые в приукрашивании не нуждаются. Володя был крепким физически, много для этого тренировался, но нерегулярно. Боксом занимались Лева Кочарян, Юра Гладков и я. А Эдик Борисов, который появился в нашей

компании позже, был чемпионом Союза по боксу. Это к тому, что культ силы у нас наличествовал постоянно. Ребята были крепкие, никто не хотел отставать. И часто мерялись силой — и ставя локти на стол, и иначе.

Любопытно, что блатной мир считает Высоцкого «своим». Я не один раз общался с людьми, которые клялись и божились, что они вместе с Володей сидели. Хотя он никогда в таком «замазан» не был, но знал довольно серьезно и крепко людей из этого мира, хорошо знал. Некоторые очень любили его, и он их тоже, надо сказать. Но сам никогда ни в чем замешан не был.

Однажды на Большом Каретном сложилась такая ситуация, что работающим среди нас оказался один Володя. Закончив Школу-студию МХАТ (я тоже присутствовал на его дипломном спектакле «На дне»), он получил предложения сразу от нескольких театров. Но он был человек разборчивый. Поработал сначала в одном, потом в другом. Как он говорил о себе позже, сначала стал «Вовчик-премьер», потом «Вовчик-дебютант», потом «Вовчик-непроханже»...

Он дебютировал в «Современнике», в спектакле «Два цвета». Но совет «Современника», куда входили Ефремов, Табаков и другие известные и уважаемые люди, не смог простить ему одной вещи. В зале сидели его друзья (мы все пришли, естественно), и он позволил себе текст пьесы слегка «интерпретировать». Я не помню точно имени персонажа, в роли которого он выступал, но помню, что речь шла о друге этого персонажа: мол, у меня был где-то друг такой-то. А Володя вставил: «А вот у меня был друг Лева Кочарян...» Прodelал он все это успешно, но «мэтры» «Современника» были шокированы и решили, что не надо его брать в театр. Так и появился «Вовчик-непроханже»...

Из Театра имени Пушкина исключал его Равенских много раз. Потом Театр миниатюр... «Вовчик-миниатюр».

В Театре Станиславского Володя не работал, но мы там бывали. В этом театре, если войти со служебного входа, на втором этаже есть такой небольшой коридорчик, и вдоль него — несколько комнат, где жили актеры. В одной из комнат жил Женя Урбанский. А рядом, — большой репетиционный зал. Вот там мы и собирались иногда. Кстати, при-

ходили две компании гитаристов — из Испании и из Индонезии, мои друзья, прекрасные ребята. Они замечательно играли и пели, а танцевали просто как боги. Женя Урбанский играл на гитаре очень хорошо. И пел — это вы знаете — прекрасно. Володя тогда еще неважно играл на гитаре и очень ревниво относился ко всем поющим. И вот когда все сходились в этом репетиционном зале (конечно, это затягивалось до самого утра), начиналось что-то вроде соревнования... И тогда, по-моему, Володя и Женя соревновались особенно.

В нашей компании было принято... ну как вам сказать? — выпивать. Сейчас я пью немного, но не только потому, что стал старше и болезненнее, просто редко бывает такой душевный подъем, такое созвучие душ в компании, когда хочется это делать дольше, чтобы беседовать, развлекаться... и для этого пить, иногда ночи напролет.

Мы пили не тупо, не для того, чтобы просто пить до опьянения. Была нормальная форма общения, подкрепляемая дозами разного рода напитков. К определенным датам (особенно ко дням рождения кого-то из нас) мы всегда готовили какой-нибудь капустник. Разыгрывали сами, да еще записывали попутно на магнитофон, когда он у нас появился.

А появился он так. Был период, когда материальные дела наши стали настолько плохи, что пришлось посягнуть на святая святых — наше жилище. Рыдая, мы разрешили Кочаряну сдать на время (на полгода) его квартиру. Это означало, что всем нам придется на это время фактически остаться без крова. И поселились мы у Володи Акимова (сейчас он сценарист, уже седой, но отчества его, ей-богу, не вспомню). Он жил в коммунальной квартире в огромной, 40-метровой комнате, окна которой выходили во двор. Комната была заставлена старинной мебелью, на стене висели каска с надписью «Если завтра война?», бурка отца и его же шашка. Там мы жили довольно долго, пока кризис не стал всеобъемлющим. И тогда мы уговорили Володю обменять эту 40-метровую комнату на меньшую в том же доме, с доплатой. И мы переехали туда — из 40-метровой в 20-метровую. Причем в счет доплаты нам дали старый магнитофон, кажется, «Спалис», едва-едва работающий. Вот так у нас появился магнитофон. Мебель

мы под шумок продали и купили на эти деньги диван-кровать, шкаф, два кресла и журнальный столик. Потом кто-то из нас с первых своих дивидендов купил еще и обеденный стол. Потому что журнальный столик был для нас просто мал — каждый вечер меньше пятнадцати человек не собиравались. А постоянно жили в этой комнате четверо. Как разворачивались события в этом жилище к концу дня, когда все нормальные люди отходят ко сну? Либо продолжалось общение, либо — если укладывались спать — диван занимала единственная супружеская пара, составлялись кресла для другого ложа, а на полу расстилалась бурка, на которой ложился Володя Акимов, хозяин комнаты. Была еще раскладушка для почетных гостей. А тот, кто приходил позже, укладывался где-нибудь в углу на газетах. Поскольку все время приходили люди, хозяин комнаты сразу заворачивался в газеты и ложился на пол в углу, потому что знал, что все равно кто-нибудь придет и займет его место. Сам он тоже не работал нигде, но в течение пяти лет поступал во ВГИК. А когда наконец поступил — и именно на режиссерский, и именно к Ромму, как мечтал, — его с первого курса взяли в армию.

Нас окружало много замечательных людей. Например, участковый Гераскин. Роскошный мужик с буденновскими усами, он очень часто нас навещал в связи со всякими жалобами на нас. Когда мы только переехали в новую комнату (а курили все нещадно), наша единственная постоянная дама, прибираясь, не учла, что окна теперь выходят уже не во двор. И, смахнув со стола кучу окурков, вывалила все это за окно. А за окном — Садовое кольцо... Звонок в дверь, дама спряталась в шкаф. Участковый, товарищ Гераскин, вошел вместе с пострадавшими, усыпанными пеплом, стал шуметь. За столом в это время сидели только трое, потому что четвертый как раз перед самым происшествием сказал: «Вы мне все надоели», — и лег на диван спать. А поскольку спать ему мешали, он забрался внутрь дивана. Когда начался весь этот страшный гвалт, в самую решающую минуту приоткрылся диван, и оттуда показалось лицо... Тут даже выдавший виды Гераскин отступил в коридор со словами: «Ну уж это чересчур!»

Вообще-то Гераскин очень часто выручал нас, когда кто-то за что-то попадал в милицию, выпивал с нами, ры-

дал, рассказывал свою фронттовую биографию, очень интересную — как был в штрафном батальоне и так далее.

Помню, как Володя Акимов поступал во ВГИК. В райвоенкомате был такой майор Толпегин. Только на моей памяти наш друг получил четырнадцать «последних серьезных предупреждений» из военкомата по поводу неявки на призывной пункт. Во ВГИК Акимов в итоге поступил, а Толпегина за то, что так и не смог привлечь его вовремя в армию, понизили в воинском звании. Позже мы с ним познакомились и даже разговорились по душам. Помню, Володя сказал ему: «Пришел бы просто, выпили, поговорили бы, а то все повестки, повестки!»

В нашей компании многие пели, играли на гитаре. Да еще приводили разных людей, начиная с тех, кто по электричкам пел, и кончая настоящими блатными персонажами. Володя очень любил эти песни. Вы, наверное, помните, какое ошеломляющее впечатление произвели первые песни Окуджавы? Их мы тоже пели. У Володи тогда репертуар состоял не из его песен: «На Перовском на базаре», «На Тихорецкую состав отправится» и другие. Однажды, это уже когда «правда восторжествовала» и к нам вернулась наша квартира на Большом Каретном и мы все стали что-то зарабатывать, произошел такой эпизод. Часов в девять утра раздается звонок — Володя. «Ты дома? Сейчас буду!» Как всегда, первый вопрос: «Что принести?» Он никогда не забывал спросить об этом. Я отвечаю, мол, лежу больной, принеси чего-нибудь поправить и поесть. Вскоре Володя появился. Что он принес? Пришел с гитарой, которую ему недавно подарили. Поначалу он только постукивал по деке и по струнам, а к тому времени уже научился брать несколько аккордов и очень ловко себе аккомпанировал. Подсел к моей постели, спел песню, сказал: «Это тебе». По-моему, это была одна из первых его песен. А потом вынул две бутылки «Карданахи» и говорит: «Ты знаешь, меня научили, как лихо открывать бутылки». Поставил бутылку на стол, воткнул в пробку вилку: «Сейчас я ее толкну, она упадет, перевернется, ударится доньшком, и пробка вылетит сама». Я отвечаю: «Бутылка же разобьется! Я тебя тогда убью». Володя все-таки проделал всю процедуру. Бутылка плашмя упала на пол и разбилась. Володя берет вторую бутылку, собираясь проделать с ней

ту же операцию, а сам становится в позу готовности к прыжку — к двери. Бутылка переворачивается, ударяется донышком, пробка вылетает. Володя говорит: «Ну вот видишь! А ты боялся...»

Почти все Володиные песни периода Большого Каретного имеют конкретный адрес. Помните «Бить человека по лицу я с детства не могу...»? Как-то мы ехали в троллейбусе втроем: Володя, Миша Туманишвили — он тогда только появился в нашей компании — и я... И когда подъезжали к старой Арбатской площади, в троллейбус ввалилась большая компания. Кто-то из них стал приставать к девушке. Миша, естественно, не мог не заступиться. Они — на него, мы — на них. В общем, началась потасовка. Мы вывалились из троллейбуса на Арбатской площади. Их было больше, я только успевал пригибаться от свистящих кулаков. Володя тоже с кем-то «машется». Я оглянулся назад, там — Миша... Ну все в порядке, думаю, прикрыт, могу заняться передними. И в это самое время очень сильно получаю сзади! Потом, когда все кончилось, я Мише говорю: «Как же так? Ты был сзади, а мне оттуда навесили? Как это называется?» Миша ответил гениальной фразой: «Артур! Люди разные. Ты без размышления можешь ударить любого, а я с детства не могу бить человека по лицу!» Володя просто покотился со смеху: «Миша, родной! О таких вещах заранее предупреждать надо!»

К ранним блатным песням Володи отношение разное, не все их принимают. Я же их очень высоко ценю. В Ленинграде живет один мой родственник. Я ему дал в свое время переписать так называемую «золотую пленку» (мы уже тогда ее так называли) — записи первых Володиных песен на нашем первом магнитофоне «Спалис». На этом магнитофоне и были записаны все первые песни Володи. Тогда он пел иначе, чем позже, — у него еще не было хрипоты, многие песни иначе звучали, во многих были совершенно другие куплеты. Это все было записано тогда и переписывалось только два раза. Так вот ленинградский родственник позвонил мне три года назад и сказал: «Слушай, помнишь, ты мне давал пленку? Она у меня так и хранится с тех пор». Я сказал: «Береги ее, я приеду». Когда я приехал, его не было в Ленинграде. Он по роду своей работы уезжает в трех-четырёхмесячные командировки. Потом

это как-то замоталось, у меня так и не дошли руки. А там есть песни, которых нет ни у кого.

Смерть Володи объединила людей самых разных. Сначала казалось, что образовалось такое же, как прежде, только новое братство — все горели желанием что-то сделать для увековечения его памяти, когда все стали собирать его записи. Как и многое в жизни, это оказалось иллюзорным... Но все же многое удалось сделать — удалось собрать довольно полную фонотеку, собрать и сохранить его литературный архив, фотоархив. Но и в этой довольно полной фонотеке нет «золотой пленки»...

Володя в короткий срок успел сделать то, что другие делали годами и десятилетиями, а теперь говорят: «Ах, как несчастливо сложилась его судьба!» Почему же несчастливо? Когда говорят, что у Володи была трудная, несчастливая биография — тошно слушать. Жизнь у него была трудная, но ведь это входит в «условия игры». Потому что жизнь — это вообще не самый лучезарный процесс. У него была нормальная жизнь, а в последние годы — невероятно счастливая. Он очень многое успел сделать, он был безмерно любим народом. Все эти разговоры: «Ах, мешали, ах, не давали!» — пустопорожние. Ну мешали, ну не давали. Но это же в порядке вещей для истинного поэта.

Сейчас идут разговоры о том, что в наше время Высоцкий получал бы звания и премии... Да, официальное признание — почести и награды — меняют и даже ломают людей. Но с Володей этого бы не произошло. Уверен, что у него наверняка появились бы смешные песни про очереди за водкой, злые песни о тех, кто так быстро «перестроился», о дамочках-патронессах на разных уровнях. Ведь множество людей, которые когда-то, как пресс, давили все живое, теперь — активные сторонники перестройки... Я убежден, что Высоцкий — будь он жив — Государственной премии не получил бы. Художник устроен таким образом, что в самом идеальном обществе он будет чувствовать себя в какой-то степени изгоем. Воистину, дай ему линованную бумагу — он будет писать на ней поперек.

Володя очень много работал. Очень много. Были у него потрясающие устные рассказы, которые, к сожалению, теперь потеряны. Все это сочинялось и для себя, к каким-то

годовщинам, и все это было невероятно интересно. Может быть, на «золотой пленке» частично что-то из них записано. Есть много автографов Володи на билетах, на наклейках от бутылок, на сигаретных пачках — это строчки стихов, какие-то заметки, иногда отдельные слова.

Счастливым была судьба Володи еще и потому, что он был при жизни признан всей страной. Если бы он захотел, он бы мог совершить революцию (небольшую, в городском масштабе или в республиканском), за ним наверняка пошли бы люди — под властью его обаяния и таланта. И в любви он был счастлив. Влюбившись, по сути дела, почти в детстве во французскую актрису (даже помню, как это было — все мы были тогда влюблены в «колдунью»), он стал ее мужем. Это сыграло колоссальную роль в его жизни. Я глубоко убежден, что если бы не Марина, он прожил бы намного меньше и намного меньше успел бы сделать. А эти заграничные периоды, скажем, Акапулько, Туамоту, были периодами очень интенсивного творчества. Сохранилось много стихов, написанных на бланках зарубежных отелей. Ему там очень хорошо работалось, потому что очень хотелось скорее вернуться и проверить все это на людях...

На мой взгляд, каждый художник, если пишет что-то всерьез, никогда не пишет «вообще» — вообще для народа, вообще для человечества, он всегда пишет в точный адрес, в адрес одного-двух-трех близких людей. Для себя, естественно, но и для близких людей, мнение которых для него важно и очень значительно.

Долгое время мы жили вместе, общались непрерывно. Перебравшись в деревню, я часто приезжал в Москву и жил дней по десять-пятнадцать... Виделись мы всегда в эти периоды плотно. А позже, последние семь-восемь лет его жизни, встречались очень редко. У него было много работы, много разъездов, в том числе заграничных. Помню, Андрей Тарковский говорил как-то, обращаясь ко всей нашей компании: «Ребята, давайте, когда станем богатыми, построим большой дом в деревне, чтобы все могли там жить». У него была такая идея — построить дом-яйцо, чтобы мы там жили все и не было бы в доме чужих людей. Идея эта, конечно, не осуществилась. Все обзавелись семьями, каждый стал жить особняком.

Удивительно, каких разных людей объединял тогда Большой Каретный. Иногда появлялись и блатные персонажи — Копченый, Батон, Миша Ястреб, еще кто-то. С другой стороны — такие разные художники, как Тарковский, Шукшин. Я называю близких Володе людей.

Участие Высоцкого в фильме Шукшина «Живет такой парень»? В то время я довольно часто общался и с Василием Макаровичем, и с Володей. Могу утверждать, что никаких разговоров о съемках Володи в фильме не было. Но надо внимательно посмотреть фильм! Кто знает, может быть, Володя и затерялся где-нибудь в массовке... Когда он говорил на просмотре: «Смотрите, вот сейчас я появлюсь!» — это могло относиться к персонажу по имени Хыц. Эпизод такой: у героя фильма намечаются неприятности с местными парнями в клубе. А Хыц подходит и говорит: «Я очень извиняюсь, в чем тут дело?!» Когда я смотрел этот фильм, то подумал, что именно с такой интонацией, с такой улыбочкой подходил иногда Володя. Так что, я думаю, его слова относятся именно к этому персонажу.

Тарковский Володю очень любил как актера. В «Рублеве» Володя должен был играть ту роль, которую сыграл Граббе, — сотника, этого «ослепителя». Хорошая роль. Но Володя дважды запил, дважды подвел. А Тарковский во всем, что касается его профессиональной работы, человек невероятно ревностный. Он был художественным руководителем достопамятной картины Кочаряна «Один шанс из тысячи». Приехала одесская группа на пробы в Москву — группа Кочаряна. Я никогда не забуду, как Тарковский пришел в первый раз для знакомства с группой. Говорили о том, о сем. Потом он сказал: «Дорогие товарищи, сегодня я наблюдал работу вашей группы. Она омерзительна. Во-первых, посмотрите, как вы одеты. Ну жарко, конечно (было тридцать градусов жары), понятно. Но ни Лев Суменович, ни я, ни Артур Сергеевич не ходим ни в майках, ни в расстегнутых рубашках. Мы все в костюмах. Мы достаточно знакомы друг с другом, но на работе не обращаемся друг к другу Лева или Андрюша, или Артур, а только по имени и отчеству. В следующий раз, когда явитесь на работу, будьте любезны соответственно друг

к другу относиться. Это ведь не только ваше отношение друг к другу, это отношение к работе». И так у него было во всем.

А Володя запил перед пробами. Это был второй случай. А первый произошел, когда Андрей на радио делал спектакль по рассказу Фолкнера «Полный поворот кругом», который мы очень любили. Володя невероятно хотел играть в этом спектакле. Точнее, быть в нем чтецом-ведущим. И тоже подвел. Андрей сказал ему (это было при мне): «Володя, не будем говорить о следующих работах. Я с тобой никогда больше не стану работать, извини». Это можно понять. У каждого свои жизненные и рабочие принципы, ничего не поделаешь...

Тарковский последние годы, находясь в СССР, жил в основном в деревне. Шукшин, когда особенно припекало, уезжал к себе — в деревню Сrostки. И я жил в деревне. Володя уезжал за границу. Но когда были поводы для встреч и мы встречались, то чувствовали прежнюю близость друг к другу.

Вспоминаю одну встречу с Володей у Беллы Ахмадулиной. Собралась компания близких людей. Раздался телефонный звонок. Белла сказала, что сейчас приедут Володя и Марина. Вскоре они приехали. Володя спел только что написанную песню (для ленфильмовской картины «Вторая попытка Виктора Крохина») «Баллада о детстве». Она произвела фурор. Потом еще что-то спел. Все сидели за столом — это было в мастерской Мессерера, мужа Ахмадулиной. Там был длинный стол, а дальше проем со ступеньками, ведущими выше, в мастерскую. Я увидел, что Белла сидит на этих ступеньках и что-то пишет. Володя пел, пел, а когда отложил гитару, Белла без всякого предварения — без всякого! — стала читать свои новые стихи. Получилось такое невольное вроде бы соревнование. Она так зажглась и в то же время так ревновала к этому вниманию, что даже не сумела дожидаться, пока воцарится молчание, и своим небесным срывающимся голосом начала читать поразительные стихи. Потом мы общались друг с другом порознь и редко, вместе практически, за малым исключением, не собирались. Не помню случая, чтобы собирались вместе, скажем, Шукшин, Тарковский, Высоцкий и я в последние годы. Не было такого. У Володи появились иные

друзья, с которыми я познакомился, по сути, только на его похоронах. С некоторыми раньше — в ту пору, когда Володя умирал, но... оставался жив. Ведь Володя умирал несколько раз. И не просто так, а именно умирал по-настоящему. Мы говорили даже, что у нас есть «своя» реанимация... Когда он умер, мы хотели везти его в театр и из театра на кладбище на этом реанимационном автомобиле. Но сначала дали разрешение на то, чтобы гроб стоял в театре столько, сколько будут идти к нему люди. А когда увидели, сколько людей идет, несмотря на закрытый из-за Олимпиады город! Я проехал вместе с товарищем на машине вдоль очереди в театр: очередь была длинной в девять километров! Поэтому в три часа все перекрыли. Везти его на реанимационной машине, естественно, никто не разрешил.

Так вот, значит, была «своя» реанимационная бригада. Но он умер совершенно неожиданно, отказал единственный, как выяснилось, здоровый орган — сердце. Он собирался поехать либо ко мне в деревню, либо на Север, куда один наш знакомый должен был забросить на вертолете дом-избу. Он хотел немножко пожить отстраненно. Он прилетел из Польши, где ему уже было плохо, зашел в Дом кино и встретил там знакомого администратора, который слезно умолял его поехать в одну поездку. Они поехали, но поездка не закончилась. В эту поездку он взял с собой фотографии близких друзей, в частности фотографию жены Кочаряна, Инны. А Левина фотография всегда стояла у него дома около кровати.

Я думаю, что последнее время он чувствовал, знал про себя все, потому что свои последние выступления начинал с воспоминаний о молодости, о старых друзьях, о Большом Каретном. По возвращении из поездки он слег. Дома в тот день у него были друзья, мать, знакомый врач. Потом все разошлись, мать он тоже отправил домой: «Ты иди, двенадцать часов». В половине первого он попросил знакомого врача позвонить мне (а я тогда не жил дома). Но потом сказал: «Нет, наверное, уже поздно, там спят, не надо — позвони утром».

Врач дал ему снотворного, посидел около него — он лежал на диване в своей комнате. Володя заснул. Врач говорил позже: «Ну я отключился, наверное, самое большее

минут на двадцать-тридцать, потому что я заснул, когда было два часа, а подошел к нему снова в половине третьего. Рука была еще теплая, но пульса уже не было».

И все-таки я еще раз могу сказать то, что раньше сказал, когда мы вернулись с кладбища. Он был необычайно счастливый человек. Счастливый потому, что наш несколько прямолинейный девиз: «Жизнь имеет цену только тогда, когда живешь и ничего не боишься», — он очень близко принял к сердцу.

Потому что Володя, если не всегда мог сделать то, что хотел, никогда не делал того, чего не хотел. Никогда! Понимаете, всякая уступка, вроде бы вызванная жизненными обстоятельствами, то есть вполне как бы оправданная, приводит к совершенно неожиданным необратимым последствиям. Ведь всех можно обмануть, кроме себя. Искусство, Добро, Зло — для этого надо самому быть непогрешимым. Иначе — это ложь, а ложь, как известно, ест душу, как ржа железо. Так вот в этом смысле Володя был счастливый человек, он не лгал.

Почему я отказываюсь от всякого рода встреч, воспоминаний? Не потому, что считаю кощунственными публичные выступления о друге. Я даже считаю, что на этом можно зарабатывать деньги. Всякий труд должен быть оплачен, ничего зазорного тут нет. Но дело в том, что когда прощаешься с близким человеком, то ведь, по сути дела, прощаешься и со своей жизнью, с большей и, как правило, лучшей ее частью. Когда приходится рассказывать о Володе, то приходится рассказывать и о своей жизни тоже. И невольно бередишь то, чего не надо бы касаться, то, что надо оставить для себя. Поверьте, это не так просто.

Чаще всего я вспоминаю один вечер... Это было летом, мы тогда жили у Акимова. Собралась вся наша компания. Сбросились — как всегда, денег было мало и, как всегда, все были голодные. Было уже поздно. Свицерского и Высоцкого послали в ресторан ВТО. Я им кричу вдогонку: «Ребята, ну хоть что-нибудь поесть. Хоть немножечко!..»

Свицерский с бутылками вернулся быстро, приехал на такси, за что и получил выволочку — нечего деньги зря тратить!.. Высоцкого нет. Сидим ждем — уже начинаем злиться... Окно открыто, поздно — на улице ни одного прохожего... И вдруг слышим шаги. Я выглянул в окно — по пусто-

му Садовому идет Володя Высоцкий. А в руке, которую держит на уровне плеча, несет что-то завернутое в белую салфетку. Заходит в комнату и ставит на стол металлическую сковороду-тарелку, в которой подают вторые блюда. «Арчик, это персонально тебе!» Бефстроганов с картошкой! Этого я забыть не могу. Ночь, пустая улица, а он идет один, несет в поднятой руке другу поесть...

Честно говоря, не знаю, как к вам обращаться. В компании на Большом Каретном вас называли Мила и...

Да, там меня никогда не называли Людмила, а тем более по отчеству, звали Милка, Мила, Миляга.

Так вот, Мила, как вы попали в знаменитую компанию Кочаряна?

Вначале я познакомилась с Артуром, а потом он начал знакомить меня со своими друзьями. Адресов было несколько, но самый дорогой — на Большом Каретном. Я помню эту большую компанию, в которой как-то непривычно относились друг к другу: с большой любовью и одновременно с большим уважением. Глава дома — Лева Кочарян, его жена — Инна... Потом появился Володя Высоцкий и его друзья, с ними вначале он был ближе, чем с нашей более взрослой компанией, в которую входили Артур Макаров, Лева Кочарян, Андрей Тарковский, Василий Макарович (Шукшин. — *В.П.*)

Вот так мы тогда и существовали, очень вместе и очень близко. Повторяю: любовно и бережно относились друг к другу. Конечно, выпивали и иногда выпивали крепко... Но была грань, ниже которой эта компания никогда не опускалась, то есть, безобразий каких-то не было и быть не могло. Нам вместе было весело, просто хорошо друг с другом.

И другое место, где собиралась ваша компания, — это квартира Володи Акимова...

Да, конечно. И вообще, это очень интересная история. В какой-то момент вся наша компания плавно перешла

к Володе Акимову. Я думаю потому, что у Кочаряна уже была маленькая дочка. И нам было неудобно там собираться. И мы все перешли в Володину квартиру, которая была чуть ближе к «Эрмитажу», — это угол Садово-Каретной и Петровки. Дом, который состоял из нескольких низеньких пристроек, и там на втором этаже была квартира Володи Акимова. И вот там собиралась наша компания... А мы с Артуром некоторое время просто там жили, потому что мы были без жилплощади и нам вообще нигде было жить.

Я старалась вести дом, семейный дом. Чтобы были все накормлены, чтобы все были сыты. А к вечеру приходили работающие друзья, в том числе и Володя Высоцкий. Он тогда работал в Театре миниатюр. И получил кличку «Вовка-миниатюр». Да, а еще раньше он работал в Театре Пушкина. Его «ушли» из того и из этого.

А как выглядела квартира?

Это была большая комната в коммунальной квартире... Налево из прихожей — кухня, ванна, туалет, а чуть направо — Володина комната.

Соседи не всегда были нами довольны, потому что почти каждый вечер в эту комнату приходили наши друзья. А наши вечерние посиделки часто превращались в ночные бдения... И соседи не очень понимали, как можно так долго веселиться.

А потом... были шалости, которые — если на них строго посмотреть — были не очень приличными. Всю эту братию нужно было накормить. Я, каюсь, несколько раз брала чужую картошку, чтобы пожарить для всей компании. Денег никогда ни на что не было, но вот на выпивон — странное дело — деньги находились всегда.

Незабываемая ситуация: пришел Володя Высоцкий и принес две бутылки портвейна. И говорит: «Ты знаешь, Арчик, я тебе сейчас покажу, как нужно открывать бутылки. Замечательный способ — вообще без штопора!» Он воткнул в пробку вилку, каким-то особым образом бутылку поставил на самый край стола... Бутылка полетела, перевернулась — ударилась об пол и разбилась. Володя жутко расстроился. «Но со второй обязательно получится». А Артур ему говорит: «Нетушки... Только через мой труп». Я еще помню, что закуска была — варенье из крыжовника. В пол-

литровой банке... То ли Миша Горховер принес, то ли Аркаша Свидерский.

Вот такая была компания... Просто мы жили, как могли, и дружили, как могли... А потом, со временем, общение видоизменилось, немножко стали расходиться, но все равно дружба оставалась.

Володя и Артур дружили как-то отдельно... Одно время Артур с Андреем Тарковским дружили, как-то камерно. Но все вместе продолжали собираться — хотя и реже — и дружить.

Володя устроился работать на Таганку и реже стал появляться в нашей компании. Но встречи были. Просто наступал момент, когда встреча становилась необходимой.

Я помню случай, когда Володя пришел — это было еще у Левы Кочаряна — и спел одну из своих первых песен. То ли «Что же ты, зараза, бровь себе подбрила...», то ли «Красное-зеленое, желтое-лиловое... Нет, «Красное-зеленое...» — это было раньше, это Володя спел мне. Но я хорошо помню, что Артур сказал: «Володя, это гениально!»

И все тогда поняли, что Володины песни — это необычно, это неординарно, что из этого выйдет что-то хорошее. Вы знаете, я думаю, что и все это понимали тогда. Может быть, не знали точно...

Артур Сергеевич однажды сказал одному из друзей — Эдуарду Борисову: «Вот сейчас придет один гениальный мальчик...»

Когда Артур представлял Володю своим друзьям, он, конечно, мог сказать «гениальный мальчик», а вот я этим похвастать не могу. Я тогда была очень молодая и не очень воспринимала, не очень понимала других. Я не относилась ни к Андрею, ни к Василию Макаровичу, ни к Володе как к великим людям. Если б я тогда это понимала, я бы и слушала больше и внимательней... А так я относилась к ним как к друзьям Артура, которых надо принимать, корчить, любить и уважать.

А какая из первых песен Высоцкого вам особенно запомнилась?

Я просто запомнила первую песню. Потому что Володя пришел и спел ее. А потом сказал: «Миляга, это тебе». По-

этому я ее и запомнила: «Красное-зеленое, желтое-лиловое, самое красивое на твои бока». Я сначала не поняла — что это Володя так плохо ко мне относится?! Так плохо, что сочинил мне песню про публичную женщину... Но потом я поняла, что ошиблась. Это, в общем-то, очень даже хороший персонаж.

А участкового Гераскина вы помните?

А как же! Замечательный человек! Однажды утром, — мы были с большого бодуна, как тогда говорилось, — кто-то постучал в дверь... У Володи Акимова была такая тахта, которая поднималась, и в это пространство мог поместиться человек. Артур стал куролесить, забрался в эту тахту... А Гераскин пришел потому, что я высыпала окурки из пепельницы прямо на улицу. И общественность взбунтовалась: а если бы эти окурки попали на головы трудящихся?! Артур вылез из этой тахты и стал объяснять Гераскину, что он должен понять: если у народа кураж, то его трудно остановить... И вообще он должен нас простить. И Гераскин понял и простил. В общем, Гераскин был свойским человеком и даже иногда очень хорошо входил в ритм нашей компании, то есть выпивал вместе с нами. Этот Гераскин однажды спас Володю Акимова... Володя познакомился с каким-то иностранцем и привел его к себе домой. А этот иностранец оказался нетрадиционной ориентации. И его с позором изгнали. (По другим свидетельствам: у этого иностранца пропало пальто. — В.П.) По-моему, Володя гнался за ним с отцовской шашкой! А это, вы ж понимаете... Это же почти международный скандал. И Гераскин как-то помог Володе избежать неприятностей.

У Акимова была шашка и бурка отца...

Да, и эта бурка была иногда последним Володиным пристанищем... Он, как вежливый хозяин, лучшие спальные места всегда отдавал гостям. И если уж совсем не было где лечь, он стелил эту бурку на пол и ложился спать.

А какие у вас сложились отношения с Инной Кочарян?

Я была тогда в очень юном возрасте и тушевалась перед Инной. Я даже побаивалась ее... Недавно, когда не

стало Артура, мы встретились с ней. И она отнеслась ко мне так, будто я — близкий и родной человек. А вот тогда этого не было... Я тогда немного боялась ее, а она ничего не делала, чтобы сблизиться. Часто она была недовольна, потому что и к ним приходили соседи и ругались... Приходили даже из соседнего дома. Конечно, ей было неприятно все это слушать. Тем более когда родилась маленькая Оля.

А лидером всей компании был ее муж — Левон Суренович Кочарян...

У меня к Лева свое, особое отношение. Я признавала его как лидера, но кое-что в нем мне не нравилось. Но я никогда ничего не говорила, потому что у меня не было права голоса... Но иногда Лева позволял себе вещи, которые не входят в понятие «хорошее воспитание»...

Все ребята — Володя Высоцкий и Володя Акимов, Аркаша Свицерский, Миша Горховер, Миша Туманишвили, Андрей Тарковский — при всем нашем разгуле никогда не позволяли себе каких-то вещей, никогда не опускались ниже какой-то грани. А Лева мог себе это позволить. И тем самым мог ранить другого человека.

Я думаю, что Володя Высоцкий тоже это чувствовал, потому что он был очень деликатным человеком. Я бы даже сказала — он был человек нежной души. И вежливый. Он всегда внимательно вас выслушивал, не было такого отталкивания — «ты мне неинтересен, и я не буду с тобой общаться».

Есть люди, которые принижают тебя, когда ты им не угоден, а есть другие люди, которые тебя поднимают, с этими людьми ты чувствуешь себя хорошо.

Как вы думаете, почему Высоцкий не был на похоронах Левона Кочаряна?

Вы знаете, это очень печально, когда уходит человек... Но я всегда думаю о тех, кто остался. Как они будут переживать, как они будут страдать. Я не знаю, почему Володя не пришел... Может быть, не хотел видеть Леву умершим?... Я тоже не могу видеть того, кто ушел... Это уже не тот человек.

Людмила Абрамова рассказала мне, что Артур Сергеевич как-то сказал Высоцкому: «Если ты не остановишься, то будешь полтинники сшибать в ВТО». И это подействовало...

Да, был такой случай. Были какие-то моменты, когда Володе можно и нужно было сказать такое... Потому что Володя трезвый и Володя выпивший — это были очень разные люди. Поразительно разные.

Для компании на Большом Каретном Артур Макаров был сильной личностью...

Да, все это признавали. Точнее будет сказать — все его слушались. Может быть, это звучит по-детски, но это было так. С мнением Артура всегда и все считались.

Помните из песни Высоцкого: «Они стояли молча в ряд, их было восемь...»? Артур Сергеевич рассказывал мне, что это основано на реальном случае...

Я должна сказать, что драк было много, есть о чем рассказать... Помню, была зверская драка у ВТО. Были Артур, Лева, Юра Гладков и мы — девушки. Артур нам кричал, чтобы мы спрятались, потому что нападавших было много, и они были чуть ли не с ручками от домкратов. А Лева же мог головой водосточные трубы сломать. И он им крикнул: «Вы хотите получить это?!» — и лбом сломал эту металлическую трубу. Но все равно они напали и была зверская мужицкая драка.

А история семьи Артура Макарова... Ведь его усыновили Тамара Федоровна Макарова и Сергей Герасимов...

Отец Артура, Адольф Вячеславович Цивейко, был рабочим, коммунистом. В 1938 году по каким-то партийным делам его вызвали в Смольный к Кирову. И когда он вышел из Смольного, как раз в этот момент, убили Кирова. А вечером его арестовали... Спасло то, что в кармане пальто был пропуск в Смольный и был отмечен час выхода.

Но потом... Ведь у Адольфа Вячеславовича мама была немка, а папа — поляк... Потом его все-таки упекли, в основном из-за мамы. Посадили на 20 лет. И в одном из лагерей он оказался вместе с Александром Исаевичем

Солженицыным. У Солженицына об Адольфе Вячеславовиче есть эпизод в «Архипелаге». Это эпизод о старике, который был подобран на улице, как умерший... А заключенные пришли в мертвецкую, чтобы хоронить умерших... Посмотрели на него, и он им показался живым. «Да это же наш дед!». Его оттерли, и он — ожил. Вот такой эпизод про отца Артура Сергеевича есть у Солженицына.

Артур был племянником Тамары Федоровны Макаровой. И во время войны в эвакуации, в Ташкенте, Тамара Федоровна и Сергей Аполинарьевич его усыновили.

Последняя наша встреча с Володей была в самом начале 70-х годов, у нас на Звездном... Мы с Артуром тогда получили квартиру на Звездном бульваре. По-моему, это был день рождения Артура, потому что были Тамара Федоровна Макарова и Сергей Аполинарьевич Герасимов.

А хронологически как все это происходило на Большом Каретном?

Если по датам, то мы там немного жили... Мы познакомились с Артуром в 1960 году. И все это на Каретном происходило примерно до 1964–1965 года. А потом мы с Артуром купили дом в Псковской области и переехали туда. В 1968 году мы получили квартиру на Звездном, в которой мы зимовали и в которой несколько раз бывал Володя. А с ранней весны до поздней осени — на весь охотничий сезон — мы уезжали в Кочегарово. Потом была другая деревня — Забровка, Осташкинского района Тверской области.

В Москве я бывала только наездами и со всеми ребятами мало встречалась. Но у меня ко всем было такое близкое, родственное чувство. И если бы ко мне кто-то из них за чем-то обратился — я бы бросила все, все свои дела, — и помчалась бы помогать.

2004

Олег Иванович, когда и где вы познакомились с Высоцким?

У меня был очень хороший знакомый, который стал потом одним из самых близких друзей — Лева Кочарян. С ним мы познакомились давно — в 1947 году, когда вместе поступали в институт востоковедения. Мы поступили: Лева Кочарян, Юлиан Семенов и я, проучились год и ушли... Разошлись по разным институтам: Лева поступил на юридический в МГУ, Юлиан Семенов в конце концов попал в Литературный институт, а я стал заниматься рисунком. И всех нас объединял Лева — все наши ребята прошли через Большой Каретный.

И у Левы Кочаряна, в его квартире на четвертом этаже, я и познакомился с Высоцким. Вова был младше всех нас и, честно говоря, тогда никто не считал его гениальным. Но он был очень общительным, открытым и широким — моментально завоевывал симпатии. И страшно смешной... Вот что в нем действительно было феноменальным уже тогда — это умение подметить какую-то черту в человеке и показать ее. И подмечал он самое смешное, попадание было абсолютно точным.

И уже тогда у него было очень развито чувство справедливости. Я хорошо помню, как он чуть не до слез обижался, если при нем кого-то несправедливо задевали. Вова тянулся к нам, к старшим, и это было видно. Я хорошо помню его в то время: живой, подвижный, румянец во всю щеку... «Ребята, а давайте я сбегаю!»

А когда вы впервые услышали песни Высоцкого?

Мы сидели у Левы, и вдруг он включает свой магнитофон — старенький «Днепр»: «Ты еще не слышал?» А я тогда Володю еще и не видел... Действительно, было интересно, — текст очень своеобразный... Лева взял гитару и сам стал петь эти песни, а я говорю: «Нет, у тебя так не получается...»

Именно Лева сразу почувствовал, что у Володи — талант, он же первый стал записывать его песни. А потом, в один из дней, пришел и сам Высоцкий, и тогда я услышал эти песни в его исполнении.

Вы встречались только на Большом Каретном?

Да, чаще всего там. Понимаете, у Левы был открытый дом, а многие наши ребята жили с родителями, потом появились жены... Так что все это происходило у Левы: у него по тем временам была очень большая квартира. Три больших комнаты. И часто было неизвестно, кто у них еще сидит, когда мы с Левой разговаривали на кухне. Звонок в дверь. Лева говорит:

— Олег, я прошу тебя, открой!

Я открываю — стоит Шукшин:

— Это квартира Кочаряна?

Он тогда первый раз пришел, и пригласил его Артур Макаров.

У Кочаряна всегда были люди: кто-то остановился проездом в другой город, кто-то вернулся со съемок и не добрался до дома... Встречались сотни раз, но чаще всего — на Большом Каретном. Только потом, когда Толя Утевский переехал на улицу Строителей, бывали и у него. Иногда поздно вечером — звонок в дверь: стоит Володя... Заходил и оставался ночевать у меня.

В те годы мы и жили как-то по-другому... Знаете, я всегда говорю: мы успели пожить! Мы как-то умели радоваться друг другу, не было никакой зависти или озлобленности. И нам было очень интересно друг с другом. Может быть, это — чувство уже пожившего человека, но мне кажется, что наша жизнь была полнее, насыщеннее, чем у теперешней молодежи... Мы читали больше, знали больше... И Володя — он же был очень эрудированным человеком.

Бывало так. Сидим у Левы... Володя:

— Ребята, сейчас я допою — и в театр. У меня сегодня «Пугачев».

— Хорошо, ты спой одну, а я побежал за такси...

Потом Володя — бегом в машину и — умчался в театр!

Вот так — просто расстаться не могли друг с другом.

Еще я помню, что Володя был на дне рождения у моего брата Вячеслава, и, конечно, все к нему приставали: спой то, спой это... И он вместо того, чтобы есть и пить, пел. И знаете: он никогда не отказывался. А потом как-то сам заводелся:

— Ой, слушайте, ребята, у меня еще одна новая есть...

А когда Володя пел, он так растрчивал себя, что у пяти здоровых мужиков не хватило бы сил.

Когда это было?

Это был 1965 год, незадолго до смерти моего отца. Могу точно сказать — 14 января 1965 года. Отец был уже очень больной, но сидел с нами и слушал Володю. И все время нам говорил: «Что он там на гитаре бренчит — это ерунда. Вы слова слушайте!»

Отец у меня был простой человек, прошел фронт... «Вы слова, слова слушайте!»

А на концертах вы бывали?

Один только раз, и дело было так... У Володи уже была громадная популярность. Я тогда работал в МВТУ, и ко мне пристали ребята из комитета комсомола института: попросите Высоцкого приехать к нам. Они знали про наши отношения, а я говорю:

— Да мне как-то неудобно пользоваться нашим знакомством... А потом, вы думаете, что у него мало таких приглашений?

Но отговориться мне не удалось.

Мы приехали в театр перед спектаклем, стояла большая толпа, и все просили билетки. И конечно, многие обращались именно к нему — Володя не умел отказывать. Заходим через служебный вход.

— Попросите Высоцкого.

Там сидела такая очень суровая бабка.

— Высоцкого? Сейчас позовем.

Володя выходит:

— Кому я тут нужен? Ой, Циклоп! (Циклоп — это мое прозвище по Большому Каретному). Ты что, хочешь на спектакль? Пошли.

— Володя, я не по этому делу...

— Быстренько, а то нам уже надо одеваться...

— Вот секретарь комсомольской организации нашего МВТУ...

Володя все понял и сказал, что раньше марта у нас выступить не сможет...

— Смогу приехать в конце марта часа на полтора. Вот только ради этого человека вам и обещаю.

И показал на меня.

И Володя не подвел. У нас прекрасный Дом культуры, и студенты приняли его великолепно! Все сразу вытащили магнитофоны, и Володя говорит:

— Я вообще-то не люблю это дело, ну ладно, студенты, пишите.

Он пел без перерыва два часа, и студенты его буквально на руках вынесли!

Володя был у нас еще раз, но я ничего про это не знал. Смотрю — висит афиша. И ко мне со всех сторон начали обращаться, главным образом наши ребята-трюкачи, потому что попасть на этот концерт было невозможно. Я как снялся у Кеосаяна в «Неуловимых мстителях», так и стал работать в кино трюкачом-каскадером. Вошел во вкус и снимался в нескольких фильмах за год. Мы только начинали как каскадеры, и все было очень интересно. Вот я и привел своих ребят на этот концерт.

Ну а потом мы встречались редко, да и смерть Левы Кочаряна нас немного развела. Лева заболел очень серьезно, но все же вышел из больницы, встал на ноги, оклемался... Он даже был на премьере своей картины «Один шанс из тысячи». В это время Кеосаян поехал снимать «Новые приключения неуловимых», и Лева говорит:

— Кес-джан, ты возьми меня с собой!

Я на Леву стал кричать:

— Куда тебя несет! Ты что, не знаешь, какая у тебя болезнь? Тебе же нельзя!

Лева же прошел тяжелейший курс лечения какой-то химией...

— Ты не учи меня! И нечего тут сопли разводить! Мне теперь все можно...

И Лева поехал, даже снялся у Кеосаяна: он там сидит на корабле в феске, пьет кофе. Это я потом уже понял: он хотел хоть на пленке остаться живым.

Вскоре Лева снова попал в больницу, но все время убегал оттуда. Выскочит, схватит такси — и домой! Боролся еще год и семь месяцев.

А вы знаете, что на Володю ребята очень обиделись? Он же не был на похоронах Левы... Я, честно говоря, не думаю, что это произошло потому, что Володя зазнался. С его занятостью, с неожиданными поворотами в жизни — все могло быть. Но тогда мы немного отделились друг от друга.

Еще раз судьба свела меня с Володей через много лет. И снова это было связано с Кочаряном. Лева снял «Один шанс из тысячи», задумал сделать картину по роману Вайнерова «Эра милосердия». Вместе с Вайнерами даже написали сценарий, там и для меня была роль, но вскоре Лева заболел...

И вот через девять или десять лет Станислав Говорухин решил снимать этот фильм и пригласил меня на роль, которую наметил еще Лева Кочарян. И на этом фильме мы с Володей снова встретились.

Первая встреча была очень интересной. Я закончил эпизод — почти всю ночь мы не спали, а утром должен был лететь в Москву. И примерно в это время прилетел Володя вместе с Аркадием Свидерским. Они вышли из самолета и идут мне навстречу. Я схватил его в охапку, даже приподнял немного...

— Да ты что, очумел! Мне же больно!

Володя буквально закричал на меня, а я же не знал, что он болен: никто и никогда не говорил мне об этом, а сам он все время скрывал. Я поставил его на землю:

— Извини, Володя...

Встреча была испорчена... Я, конечно, обиделся, потому что, когда мы встречались, мы же всегда радовались, бросались друг к другу. В общем, я «психанул» и улетел в Москву.

А потом, когда мы начали вместе сниматься, Володя подошел сам. Он был такой человек: если кого обидел, то больше сам переживал...

— Ну ладно, ты что, совсем на меня обиделся?..

Мы встречались, разговаривали, вспоминали. Но Володя часто был усталый, мрачный, раздражительный. Он к тому времени здорово изменился — мне показалось, что он очень сдал. Выглядел старше своих лет, часто плохо себя чувствовал... Даже характер у него изменился. Мы помирились, все наладилось, но уже веселых моментов не было. Работал Володя, если честно, на износ... Правда, помню, к концу съемок он немного ожил. Не знаю, успел ли он посмотреть эту картину... Мы ее закончили, наверное, в марте — апреле, а Володи не стало в июле...

Как вы узнали о смерти Высоцкого?

Ну, как узнал... Поздно вечером мне позвонил Свидерский и сказал, что умер Володя...

— Олег, завтра, часов в семь, я тебе позвоню, поедем забирать его из Склифософского.

А меня как обухом по голове ударили:

— Как, что случилось? Почему? Объясни!..

— Долго рассказывать... Умер у себя, на Малой Грузинской... А если там хватит народу, я тебе перезвоню, тогда приезжай прямо в театр.

А у меня какой-то шок, ничего сообразить не могу... Проснулся часов в шесть, сижу и жду звонка. И только в восемь часов звонит Свидерский:

— Никуда ехать не надо, все уже сделали, приезжай прямо в театр.

Пригласили, называется. Я приезжаю на Таганку часов в десять утра, а милиция уже не выпускает из метро. Я хоронил Урбанского, Шукшина, но такого же не было! Много народу — да, но чтобы столько!..

Я же не буду объяснять милиционерам, кто я и что я и какое отношение имею к Володе... Стоим мы с сыном на углу и потихонечку-потихонечку протискиваемся... Думаю: не могу я просто так уйти! Не может этого быть, чтобы я не попал в театр! Чтобы я не попрощался с Володей! Хотя, конечно, надежды мало: люди стоят в шесть рядов, а там еще милиция...

— Проходите, граждане, проходите.

И вдруг я вижу: стоит Юра Смирнов с Таганки, а мы с ним вместе снимались. Он стоит с черной повязкой, увидел меня и машет:

— Иди сюда!

А я развожу руками — как? Он протиснулся к нам, взял меня за руку, а я — сына... Вот так мы и прошли. Сначала во двор, там стояли Лева Поляков, Гурген Тонунц, другие актеры... Там нас всех собрали и через какой-то боковой вход ввели в театр, и мы влились в этот общий поток.

И знаете, что меня больше всего поразило?.. Много народу — да, много молодежи — понятно, но ведь в этой толпе стояли старушки седенькие, в черных вуалетках... Значит, и им Высоцкий был нужен.

А сейчас часто вспоминаете о Большом Каретном?

Конечно, это были чудесные годы... Вот и сейчас рассказываю и очень волнуюсь. Я счастлив, что в моей жизни было это время, были эти друзья. Мне есть чем дорожить.

Май—июнь 1988

Ну, как Бог на душу положит, так я расскажу все, что помню о Володе... Мы познакомились у Левы Кочаряна, в его доме на Большом Каретном, в этом теперь знаменитом доме. Собственно, все мы вышли из этого дома... Познакомились, когда Лева и Володя были уже в большой дружбе. До этого во ВГИКе я слышал фамилию Высоцкого, но не так серьезно и концентрированно, как у Левы.

Тогда, честно скажу, Володя произвел на меня впечатление не очень приятное. Вы, конечно, знаете, что дом у Левы был особый – там появлялись люди самых разных мастей. И в этом ряду – Володя... Он работал тогда у Равенских – то репетицию пропустит, то в третьем акте выйдет не вовремя. Я тогда еще не знал Володю – сложного и разного и куда менее однозначного, чем о нем думали. Но с очень хорошим, особым чутьем на людей. Он был куда глубже, чем его воспринимали, и мучился от этого несоответствия. Но это было потом, а тогда мне бросились в глаза его необязательность и какая-то... угловатость.

Я собирался снимать фильм «Стряпуха». Знаете, я этот фильм с собой на тот свет, конечно, не возьму. Но ведь надо было жить, и что-то жрать тоже было надо! И вот подходит ко мне Лева:

– Кес, мне надо с тобой очень серьезно поговорить. Ты должен взять в свой фильм Володю!

– Лева, что я тебе плохого сделал?! Это же камень на мою шею! Взять человека и воспитывать его!

– Ты должен! И ты будешь ему, если надо, и режиссером, и опекуном, и отцом!

И вот от шапочного, в общем, знакомства мы перешли к деловым отношениям. Надо было общаться и работать каждый день. Знаете, очень легко дружить, когда людей не связывает общее дело. А мы с Володей отработали два месяца. Он играл роль Пчелки – роль небольшая.

Станица Адыгейская около Усть-Лабинска. Конец лета. Роскошно-дешевая жизнь... Арбузы – одна копейка килограмм, при условии сдачи арбузных семечек. Все хорошо – работаем, общаемся, купаемся. Жора Юматов – каждое утро на рыбалку. Володя тоже хотел. Но мы затеяли такую небольшую интригу против Высоцкого:

– Жора, ты уходи пораньше, не бери его, а то, не дай Бог...

И все-таки Володя исчез – день нет его, второй... Нет на съемках! Наконец приезжает с милиционером на мотоцикле. Вижу, что оба слегка пьяные. Оказывается, в соседней станице – свадьба. Ну, понятно, какая свадьба без Высоцкого! Я говорю:

– Лейтенант! Вот так: съемочный день стоит столько-то... Два дня Володи не было. Ты как хочешь, но с этого дня он должен быть на месте!

Лейтенант берет отпуск за свой счет и все дни до окончания съемки живет с Володей. Этот милиционер так старался, что я даже снял его в эпизоде. И когда позже мы показывали «Стряпуху» в станице, все родственники лейтенанта были в клубе. Фильм мы досняли вовремя.

Но не это важно. Я тогда понял, что Володя человек одержимый совершенно. Самое главное для него было – карандаш и бумага. Пауза между съемками. И если на столе стояла кружка пива и лежал карандаш – Володя хватал карандаш! Он столько написал за это время – в Москву привез целую пачку стихов! По темам очень далеких от Кубани и от степей. Не знаю, какие потом появились песни, но многое, что в ту пору казалось смутным, Высоцкий видел, и наверняка. Теперь это совершенно ясно.

А в человеческом общении, в дружбе Володя был очень сдержанным. Он не находил возможным сказать несколько слов о дружбе, о товариществе, как это принято у нас – восточных людей. Хотя, подчеркиваю, – я его другом не был.

Володя вернулся в Москву и исчез. Я вас уверяю, что любого артиста можно найти в Москве, любого! Володю

же найти было невозможно, и пришлось мне озвучивать его другим актером. Когда все это закончилось, мы у Левы устроили «суд чести». И я должен сказать, что Володя признал свою ошибку.

Потом заболел Лева Кочарян. Знаете, какой это был человек! На похоронах я увидел Яна Френкеля, который плакал навзрыд.

— Но ты-то почему?

— Когда я играл на скрипке в ресторане, я жил с маленькой дочкой в подвале на Трубной. Лева об этом знал и, когда приходил к нам, всегда оставлял сверток — то колбаса, то цыплета табака. Вот такая ненавязчивая, но неизменная доброта. Я его никогда не забуду!

Юлиан Семенов... Уже позже он как-то говорит мне:

— Я тоже хочу помочь дочке Кочаряна.

Я спрашиваю:

— А что вас связывало слевой?

— Мы учились в Институте востоковедения. Однажды поехали вместе отдыхать. Денег было мало, мы сняли комнату наверху, довольно далеко от пляжа. Я тогда был серьезно болен — туберкулезом, и подниматься мне было очень тяжело. И вот Лева каждый день носил меня на своей спине.

Такой Лева был человек! И вот Кочарян болеет месяц, два, три — Володя не приходит. Однажды Лева мне говорит:

— Знаешь, Володя приходил. Принес новые стихи — потрясающие!

И начал мне про эти стихи рассказывать. А Володя ведь не был в больнице, просто кто-то принес эти стихи, а Лева сказал, что Володя приходил.

А в конце болезни громадный Лева весил, наверное, килограммов сорок. И вот как-то он мне говорит:

— Хочу в ВТО! Хочу, и все!

Поехали, сели за столик, заказали. Смотрю — проходят знакомые люди и не здороваются. Леву это поразило:

— Слушай, Кес, меня люди не узнают. Неужели я так изменился?!

Лева умер. Володя на похороны не пришел. Друзья собирались в день рождения и в день смерти Левы. Повторяю, я — человек восточный и очень ценю эти жесты. Володя в эти

дни не приходил на Большой Каретный, и я долго не мог ему этого простить. И избегал встречи с Володей, даже когда бывал на спектаклях в Театре на Таганке.

И вдруг мы столкнулись с ним в коридоре «Мосфильма». Володя спрашивает:

— Кес, в чем дело? Скажи мне, в чем дело?

— Сломалось, Володя... Я не могу простить — ты не пришел на похороны Левы. Я не могу...

— Ты знаешь, Кес... Я не смог прийти. Я не смог видеть Леву больного, непохожего. Лева — и сорок килограммов... Я не смог!

Вы знаете, Володя был очень искренним, и все слова были его собственные.

Не сразу, через некоторое время, я все же понял Володю и простил. Нужно было время, чтобы понять Володю до конца... Это случилось, когда я каждое утро просыпался и говорил жене:

— Опять видел Леву во сне — больного, худого, беспомощного. Ну хоть бы раз он мне приснился здоровым! Ну хоть бы раз...

Вот тогда я понял и простил Володю.

Каждое время создает своего героя. Герои, наверное, нужны. Но, я думаю, то, что я рассказал, Володе не повредит.

Январь 1989

Я родом из Одессы. Поэтому, когда поступила в ГИТИС на актерское отделение, жила в студенческом общежитии, на Трифоновке. Впервые увидела Володю Высоцкого в 1957 году, такого экспрессивного юношу, всегда чистенького, аккуратненького, в неизменном в то время буклированном пиджаке. Он жил напротив нашего общежития, у Рижского вокзала. Я, как мы все, не думала тогда, что он станет такой крупной величиной, мы только вступали в жизнь.

Мы собирались часто, и он был в нашей компании, он был наш. Пел, играл на гитаре. В то время пел блатные песни или, как он позже их называл, дворовые, с традициями городского романса, отличающиеся простотой изложения и однонаправленностью темы в сюжете. Но тогда мы не думали о таких литературоведческих терминах, как «традиции городского романса», и большинству из нас нравился гораздо больше Стасик Сорокин, который пел действительно самые настоящие романсы и — хорошим голосом. Володя то и дело хватался за гитару, прерывал Сорокина, и тогда мы все дружно кричали: «Замолчи, перестань, дай послушать Стасика!»

Володя уже тогда хрипел, только совсем немного. Но и такого хрипа было достаточно, чтобы мы — и я тоже — недоумевали: как он будет с таким голосом существовать на сцене? Но, как видите, он даже создал свой, неповторимый стиль из той особенности, которая в иных условиях и у другого человека считалась бы очень досадным недостатком и даже препятствием для актерской профессии.

Володя был прост в отношениях, очень добр, тонко чувствовал не только настроение, но и сущность каждого. Мне кажется, — нет, я твердо уверена в этом, — что ему достаточно было лишь немного поговорить с человеком, и он уже знал о нем все, видел его насквозь, как своеобразный духовный рентгенолог. В связи с этой его чертой между нами однажды произошла сцена, которую я, пока жива, никогда не забуду, за которую простила бы ему все, если б когда-нибудь в чем-нибудь он был бы предо мною виноват. Правда, вины за ним в отношении меня не знаю никакой.

Итак, иду я по улице, в кармане ни копейки, даже на хлеб нет. Зарплата у меня, актрисы театра имени Станиславского, 69 рублей в месяц. Вижу Володю, он куда-то очень спешит. Но — приостановился, спросил, как поживаю. «Ничего, нормально». — «До свиданья, Лина». — «До свидания, Володя». Пошли в разные стороны. Вдруг он возвращается, догоняет меня, кладет мне в руку три рубля: «У меня тоже не густо, больше нету. Но ты, по-моему, сегодня даже не завтракала!» Как он это узнал?.. По голодным глазам моим? Я сжала эту трешку в кулаке, вымолвила «спасибо» и только через минуту очнулась, чтобы посмотреть ему вслед. Я-то ведь знала, что он живет, в основном, тоже на малую зарплату актера театра имени Пушкина. Три рубля в те годы! Я могла их растянуть на целых два дня, правда, очень скудного пропитания, но именно на те два дня, которые отделяли меня от следующей полочки.

Я долго посещала знаменитую компанию Левона Кочаряна, Утевского, Кохановского и других, — там было много интересных людей. Но потом и компания распалась, и я за Ивана Александровича Пырьева замуж вышла. И о Высоцком я несколько лет ничего не слышала. Конечно, какие-то наши актерские, кинематографические новости о нем не могли не «просочиться», но я выключилась из всего, что не касалось Ивана Александровича, фильмов, съемок, нашего с ним дома. Тем более что Иван Александрович побаливал, и я старалась уделять ему побольше времени и внимания.

Осенью 1967 года в Москве гастролировал театр Товстоногова, и мы с Иваном Александровичем были на одном из спектаклей. А после заехали на часок в гости

к знакомым. Там я услышала: «Ну и дела же с этой Ниной...» Голос певца показался мне знакомым, текст — выразительным, своеобразным, особенно для того времени. Я спросила: «Кто это?» Хозяева поразились: «Как, ты не знаешь?! Это ведь Владимир Высоцкий, это — номер один, талант, знаменитость!»

Когда не стало Ивана Александровича, так случилось, что частой гостьей в моем доме стала добрейшая женщина, актриса театра Вахтангова Варвара Александровна Попова. Она меня поддерживала, во многом помогала. Приходил и Володя — по старой памяти Трифоновки и кочаряновской компании, вообще по старой дружбе. Он все перебирал струны гитары и пытался петь для Поповой: «Варвара Александровна, Варвара Александровна, я вам спую!» Но она — любительница классики, Большого театра и бельканто — при первых же звуках любой Володиной песни приходила в шоковое состояние. Что говорить, Володя — не бельканто, но никогда на чужой стиль не претендовал. У него была своя, совсем особенная стезя.

Пришел день, когда я уезжала в Ленинград, на премьеру фильма «Братья Карамазовы». В квартире моей я оставила Володю Высоцкого и Игоря Кохановского, не боясь никаких нежелательных последствий, а даже радуясь тому, что в квартире кто-то поживет в мое отсутствие. Когда я вернулась — очень скоро! — я не поняла, в чей дом попала, такой вид имело мое жилище. Володя отчаянно извинялся, показывал стихи, которые мне посвятил, пока я была в краткой отлучке, но я молчала и только руками отмахивалась. Потом он ушел, и я принялась за уборку. Выбросила массу бутылок из-под шампанского, кучи окурков, подмела пол, помыла пепельницы. Увидела и стихи, посвященные мне, они лежали у телефона. Но я так была на Володю сердита, что изорвала листок в мелкие клочья. Увы, сделанного не воротишь. Через много лет я как-то приводила в порядок свои бумаги, складывала в разные ящики документы: по темам. И вдруг, разбирая содержимое шкапулки, увидела старый пригласительный билет, а на нем — написанные Володиной рукой стихи, посвященные... нет, не мне, Марине Влади. До сих пор не знаю, как с ними поступить...

Да, пока я была в Ленинграде, Володя у меня в квартире не только «забавлялся» шампанским. И не только писал

стихи. Счета, которые я вынуждена была оплатить за его телефонные разговоры с Парижем, достигли сотни рублей. Сейчас это вроде небольшая сумма, но в те времена это было очень существенно, можно было купить две пары лучших импортных туфель. И вот, когда мы снимались с Высоцким в «Опасных гастролях», к нему в Одессу приехала Марина. Подкатила на «Волге», Володя тотчас увидел ее, подлетел к ней, затем последовал долгий-долгий поцелуй, как иной раз бывает в фильмах. Одесситы, окружившие их, были в полнейшем восторге: «Ой, вы посмотрите сюда, это же Марина Влади!». Поселилась наша романтическая пара не в гостинице, а на даче — или у Говорухина, или у Юнгвальд-Хилькевича. И вот когда они, после недавней встречи, сидя на скамейке, радостно ворковали о чем-то своем, я торжественно подошла к ним с пачкой телефонных счетов и произнесла: «А за любовь надо платить, ребята!» Марина тотчас отреагировала: «Конечно, конечно».

Высоцкий был прекрасным партнером. Всегда очень внимателен и добр, заботлив. В кадре, в сцене не выпячивал себя. Наоборот, старался, чтобы выгоднее выглядел партнер. Может быть, потому что знал, что он и так, и эдак — все равно Владимир Высоцкий? Нет, нет, это он по природной доброте своей всегда стремился помочь.

Вообще мы с ним снимались мирно, дружно. Однажды, правда, я огорчила его. Я была очень нарядной в одной из сцен, на высоких каблуках, в огромной шляпе с мощно поднятыми страусовыми перьями — по моде 20-х годов. Он попросил: «Сними каблуки!» Я ответила: «Как?! Что это будет за туалет, что за вид будет у меня?!». Он предложил второй вариант: «Тогда сними эти перья! Такую высокую прическу себе устроила!» Но я снова отказалась и перья со шляпы не стала снимать. Что делать? Он попросил меня немного изогнуться вбок, чтобы я все-таки смотрелась ниже ростом. И я припала на одну ногу... Так нас и сняли.

В 1968 году меня пригласили на картину «Хозяин тайги», и хоть роль была главная, я сниматься не хотела. Понимаете, Грушенька в «Братьях Карамазовых», Достоевский, и вдруг — «Хозяин тайги», какая-то бабенка типа трактирщицы. Очень уговаривал Володя, долго уговари-

вал: «Да мы никогда вместе не снимались, к тому же тебе нужно сняться и в такой роли!» — «Да не хочу я, именно эту роль и не хочу, это не моя роль, это не мое дело!» — «Твоя, твоя. А ты кто, собственно, такая? Да ты простая, деревенская девчонка и есть, ну и сыграй эту Нюрку! Сможешь, сможешь!» Наконец, я решилась. Надо было отвлечься от черных мыслей, от одиночества после смерти Ивана Александровича. И мы все поехали в деревню Выезжий Лог, что в трехстах километрах от Красноярска. Там должны были происходить съемки. Да, это Володя «доканал» меня тогда, он ведь заводной, одержимый. Сумел убедить, что мне надо переключиться, что я справлюсь с ролью.

Выезжий Лог... Сибирь, природа, деревня, далеко от Москвы. Да, вот то, что это было далеко от Москвы, так далеко от цивилизации, от глаз людских, могло размагнитить многих... Тут мог быть и отдых для души, отвлечение от «суеты городов», кстати, из песни Высоцкого. Размагнитить — значит, ничего не стоило и запить тем, кто этому подвержен. Многие так и «отдыхали». Но не Володя. Он был тогда в каком-то ожесточении против пьянства. Он совсем не пил, даже когда хотелось согреться от холода, вечером, в дождь. И — что было уже совсем забавно — очень свирепел и налетал, как ураган, на тех, кто принимал «ее, проклятую»!

Знаете, в «Хозяине тайги» есть сцена, в которой он ожесточенно пинает, сбрасывает в воду одного из членов бригады, просмотревшего по пьянке сильнейший залом деревьев на реке. Он, как на врага, смотрит на бутылку, читает с сарказмом этикетку: «Ах, особая, московская!» и — выливает содержимое в реку... Мне тогда показалось очень искренним и жизненно достоверным такое антиалкогольное ожесточение, но, оказывается, это было еще и фактом его биографии!

Да, он в то время называл пьющих «эти алкоголики», очень всерьез произносил просто пламенные речи против алкоголизма. Прямо как врач-профессионал, находил убедительные аргументы против возлияний. И так было в продолжении всего съемочного периода в нашем Выезжем Лог! Там он много писал. Написал свою знаменитую

«Баньку». Я как-то прочитала воспоминания Золотухина о том, что якобы при нем происходил этот творческий процесс. Будто бы Высоцкий даже консультировался с ним по ночам о значении кое-каких местных, сибирских, слов, будил его. Не зря Золотухин сделал при этом существенную оговорку в рассказе — как, мол, скажу, так, мол, и было: свидетелей нету. На самом же деле Высоцкий впервые показал нам «Баньку», собрав всех нас в местном клубе. И Золотухин познакомился с этой песней вместе со всеми, он впервые тогда «Баньку» услышал, это было видно по его реакции.

Володя мне тогда помогал. Он прекрасно видел мое тяжелое состояние и очень меня поддерживал. Я ему очень доверяла, он прекрасно поправлял текст сценария, который, конечно, желал лучшего. Да, он вмешивался и в построение роли, и я тогда уже убедилась в том, что он мог бы прекрасно ставить фильмы как режиссер.

Потом у меня произошел забавный разговор с тогдашним Председателем Госкино Романовым. Пришел день — почти всегда неизбежный, — когда мы, наконец, сдавали наш фильм. В одном из залов Комитета смотрели «Хозяина тайги», а в эталонном зале показывали «Братьев Карамазовых». Я, в вечернем платье, торжественная, — между двух фильмов! — стояла в фойе. Подошел ко мне Романов и сказал:

— Какая прекрасная роль, как вы ее сыграли! Я хочу вас с ней поздравить, я просто потрясен!

— Да, — отвечаю, — Алексей Владимирович, это же «Карамазовы», Достоевский...

— Нет, я о Нюрке из «Хозяина тайги»...

Потом я редко видела Володю. В 1976 году, помню, он часто нам звонил — я в 1976 году вышла замуж за Олега Александровича Стриженова, — все рвался подарить какую-то новую, необыкновенную пластинку Олегу. Но это откладывалось.

Последняя встреча произошла в 1979 году, на аэродроме в Шереметьево. Я встречала Олега из Германии, а он — Марину из Франции. Промчался мимо меня, как метеор, не заметил, даже толкнул чуть-чуть. Потом понял, что это я, приостановился: «Ой, Линка!» Увидев выходящего Олега, поцеловался с ним, снова вспомнил о давно

предназначавшейся ему пластинке и — помчался дальше. Для него нигде не существовало преград, он ведь не был обыкновенным смертным. И его пустили — прямо на летное поле! — встретить Марину. Да, может быть, у него и было много женщин, романов, были жены, но легенда оставит только ее имя — как любимое, как самое важное для него.

Да! Я сказала, что последняя встреча с Высоцким была у меня в 1979 году? Увы, она была в день его похорон. Я от Олега Александровича услышала, что Володя умер. Не поверила. Отмахнулась и пошла на кухню — поставить какую-то сумку. Но уже через минуту пришлось поверить... Я знала, что у него нехорошо с сердцем, издавна нехорошо. Он все боялся, как чувствовал, — он ведь многое видел наперед, я об этом уже говорила! — он боялся остановки сердца, всегда этого боялся. Чуть неважно себя почувствует и сразу: «У тебя есть кардиамин? Нет кардиамина?! Тогда вези меня в поликлинику, пусть мне срочно дадут кардиамин!» Может быть, он далеко не со всеми обнаруживал свои слабости, но мы очень уж давно знали друг друга. К тому же и у меня не все ладно было с сердцем. Володя умер! Мы пришли в Театр на Таганке с Олегом Александровичем, прослушали речи тех, кто его любил, и тех, кто его не любил, кто завидовал ему при жизни и потому не имел права говорить, но все-таки произнес те же слова... Мы с Олегом принадлежали к третьим: к тем, кто его любил и молчал. И мы молча положили цветы к его ногам... Вот и виделись редко в последние годы, и у каждого была своя, торопливая, спешная жизнь... Но мир наполовину опустел оттого, что он умер...

7 марта 1992

С Владимиром Высоцким мы познакомились осенью 1964 года. После длительного плавания у меня был большой отпуск — месяцев пять-шесть. В Москву мы приехали вместе с моим товарищем — Сергеем Лиманчуком, тогда он тоже плавал на больших танкерах. Бывали в разных компаниях, на разных квартирах: Сергей выдавал «морскую травлю», а я ему «ассистировал». Вначале познакомились слевой Кочаряном, а потом уже на его квартире — с Высоцким. Рассказывали там разные морские истории, которые Володе очень нравились. И целую неделю — практически каждый вечер — общались...

Он очень интересовался морем и моряками и дотошно нас обо всем выспрашивал. Некоторые вопросы тогда казались наивными. Например, чем отличаются океаны? Мы не понимали тогда, что он просто напивался этой стихией. И так оказалось, что среди моряков я стал его первым товарищем, а потом и другом.

Тогда он меня просто поразил — таких ярких рассказчиков я не встречал. Именно в то время начинались его знаменитые рассказы про собаку Рекса. Все смеялись невероятно. А потом мы же захватили его самые первые песни. За эту неделю Володя спел их все и не по одному разу. При расставании договорились встретиться через год на юге. Иногда из каких-то морей и океанов звонил ему по радиотелефону прямо в театр. Представляете, какое впечатление производил там звонок из Индийского океана или из Кильского канала?! Ведь мы были тогда совсем мальчишками, и это было в стиле, в духе времени...

Летом 1967 года я пошел в отпуск. Володя снимался в Одессе в фильме «Служили два товарища». Мы встретились, и вот тогда общались часто и много. Времени было больше, и город уже был мой — Одесса. Однажды Володя говорит: «Понимаешь, я обещал Лева Кочаряну сыграть в его фильме «Один шанс из тысячи», но у меня никак не получается... Попробуй, мне кажется, что ты подойдешь...»

Оказывается, у них давно был такой замысел — снять фильм своей компанией, которая чаще всего собиралась в доме Кочаряна. Этот фильм вообще задумывался как экспедиция друзей, как коллективное приключение. Лето, Крым, Черное море... Андрей Тарковский и Артур Макаров делали сценарий, Лева Кочарян был режиссером, в фильме снимались Толя Солоницын, Аркадий Свидерский, Хари Швейц... Вот тогда я со всеми и познакомился.

А предложение сниматься оказалось вполне серьезным. Я приехал, Лева говорит: «Сядь на велосипед, будем делать пробы...» Сняли короткую сцену, Лева понравился. Вот так я и снялся в роли, которую должен был играть Высоцкий. Кочарян этот фильм — «Один шанс из тысячи» — успел закончить, но вскоре его не стало...

В 1968 году снова встретились в Одессе, Володя снова снимался на Одесской студии. Разные дома, разные компании... Вдруг Володя спрашивает: «А знаете ли вы, какое самое лучшее место в окрестностях Одессы?» Все стали называть разные красивые места. «Нет, поехали, покажу». Это место называлось Санжейка — очень живописный обрывистый берег, абсолютно пустой. И вдруг прямо в дикой скале — бар! Это было так неожиданно, даже фантастично... Разумеется, бар был сделан для съемок. В этот вечер снимался эпизод у костра...

Съемки закончились, но Володя до самой осени, и довольно часто, прилетал на озвучивание, работал и над песнями. Однажды в доме не оказалось гитары — помню, что он заканчивал тогда песню «Корабли постоят и ложатся на курс...» У Володи тоже не было — он как раз заказал гитару одному старому мастеру. Поехали прямо на музыкальную фабрику, гитара была уже готова. Звучала она очень хорошо, мы сразу же заплатили деньги. Володя работал с этой гитарой, кажется, даже записывался... Потом

он улетел в Москву, а гитара осталась у меня. И до сих пор хранится в нашем доме. В 70-м году — я тогда уже жил в Москве — приехал Володя: «Хочешь автограф на этой гитаре?» — «Конечно, хочу». Но потом разговор перешел на другие темы, и про автограф забыли. Но гитара не лежала без дела — он играл на ней у нас, однажды брал на концерт...

К Одессе Высоцкий относился особенно. И в этом городе его так любили!.. Конечно, важно, что как киноактер он все-таки утвердился именно на Одесской студии. Потом он очень ценил одесский юмор. Август, идем с моря в Отраде... Вдоль тропы в город рыбаки торгуют бычками. Почти все торговлю уже закончили. Стоит мужик, у него две или три кучки — бычки живые, прыгают, смешиваются. Рыбака окружили женщины, тянут свои рубли... Он поднимает голову: «Ша, дамочки! Деньги сейчас меня не интересуют!» Володя несколько раз вспоминал про это, повторял услышанные слова...

К морякам Высоцкого тянуло, он знал, что они не подведут. Помню один разговор в Одессе — мечтал пойти на флот, поплавать с год, сходить в заграничку... У него, как у ребенка, разгорались глаза от наших рассказов — заходы в Кувейт, в Танжер... Очень хотел побывать на моем танкере — должен был прилететь в Новороссийск, когда мы заходили туда. На судне об этом знали, более того, Высоцкий был внесен «в судовую роль» — в список людей, имеющих право подниматься на борт. Прилетели Тарковский, Макаров, Жанна Прохоренко, а Володя не смог...

Морские песни... Когда он работал над песней «Спасите наши души», то спрашивал меня, как из-под воды подаются сигналы SOS. А я по второй морской профессии подводник и рассказывал ему все, что знал об этом. Как ложатся на грунт, как выстреливают буй... Помните, в песне: «Локаторы взвоят о нашей беде...» Я ему говорил, что локаторы не воют... Но в песне так и осталось.

Очень много мы общались в начале семидесятых. Володя с Мариной снимали квартиру на Матвеевской, а я жил на Юго-Западе. Тогда мы вместе нашли самую короткую дорогу — без светофоров и без ГАИ, она называлась «тропа Хо Ши Мина». По этой дороге часто ездили друг к другу — быстро и без контроля. Телефонный звонок: «Как

там флот? Есть идея...» Часто заезжал просто так. Да, моя жена Вероника очень вкусно готовит — Володя это ценил...

Прекрасно помню день, когда что-то важное решилось в судьбе Володи и Марины. Это было в декабре 1970 года. Я тогда учился в академии — упорно занимался науками и языками. Неожиданно они приезжают вместе: подали заявление и получили разрешение из посольства. Они были счастливы — скоро станут мужем и женой... Просидели тогда весь вечер и полночи. Марина вспомнила о дне знакомства: «После спектакля попали в ресторан ВТО... Володя подсел ко мне и говорит: «Я вас люблю. Вы будете моей...» Я посмотрела на него — небольшого роста, шустрый... Говорит не совсем всерьез, но и не совсем в шутку... Я не сразу поняла смысл и силу его песен. Но когда мы стали вместе бывать в разных компаниях, я видела, какое ошеломляющее впечатление его песни производят на слушателей. Стала прислушиваться, вникать... Прошло немного времени — и я влюбилась по уши...» На Матвеевской они снимали трехкомнатную квартиру — кто-то уехал в длительную зарубежную командировку. Одна комната была довольно большой, ее можно было назвать студией. Марина привезла очень оригинальную надувную пластиковую мебель. Володя купил полупрофессиональную quadroустановку «Акай». Костя Мустафиди установил и настроил аппаратуру. И вот тогда Володя стал записывать куски, целые песни — стал работать с магнитофоном. И тогда же Костя начал записывать и писал все подряд два года...

Костя Мустафиди эти два года дневал и ночевал на Матвеевской, а потом вдруг пропал начисто. Я спросил у Марины, куда девался Костя. Оказывается, он стал давать советы, как и что писать.

В 74-м году я был свидетелем, как Володя и Марина вместе работали над песней «Так случилось, мужчины ушли...». Я сидел часа два, и все это время они репетировали один куплет песни. Володя просто ставил песню, как режиссер. А Марина — настоящий профессионал — терпеливо трудилась, хотя это было и нелегко. Поэтому совсем не случайно песни Высоцкого в исполнении Марины звучат так органично.

Володя и Марина приезжали ко мне, когда я работал в Лондоне, и мы уговорили Володю выступить в посольст-

ве. Коллега мой просто умолял организовать концерт. Володя говорит: «Да я же не собирался... Ну ладно, раз так нужно...» Советская колония в Лондоне довольно большая, а зал посольства небольшой. И было столько желающих попасть на концерт, что бросали жребий — кому идти. Начало концерта было немножко настороженное, но после пяти-шести песен публика раскачалась. Проводили Володю очень тепло, подарили ему какую-то необыкновенную зажигалку. Кстати, при первом нашем знакомстве он попросил меня привезти зажигалку. Мы увиделись только через два года, и я вручил ему этот подарок. Володя говорит: «Слушай, Олег, по-моему, ты — первый человек, который не забыл... Тебе скажу — это для отца». Вообще, когда видел какую-нибудь интересную зажигалку, начинал крутить ее в руках, рассматривал, хвалил... Вел дело к тому, чтобы подарили.

Жизнь на Матвеевской... Это был, как мне кажется, спокойный и очень плодотворный период Володиной жизни. Он очень много работал. Тут определенную роль сыграло то обстоятельство, что место было неблизкое — на метро не доедешь. И вокруг совсем немного людей. Это были легкие, яркие годы.

Любил розыгрыши. Один я хорошо помню. Наш общий приятель собирал старинные часы и для пополнения коллекции дал объявление в «Вечерку». Володя берет это объявление, набирает номер и нудным старческим голосом начинает: «Я тут прочел ваше объявление... У меня где-то валяются старые часы, — назвал часы работы очень известного французского мастера. — Они, правда, не идут, надо будет их смазать. Я вам потом позвоню...» И бросил трубку. Наш приятель в трансе — такие часы не каждый музей имеет, заполучить их — мечта любого коллекционера. «Смазать... Он же их сломает!..» Приятель не спит целую ночь.

На следующий день звонок. «Это я, Михаил Немович. Вы мне скажите, пожалуйста, что у вас за коллекция...» Приятель перечисляет. «Нет, мне кажется, что вы не очень серьезный коллекционер». И снова бросает трубку. Приятель перестал не только спать, но и есть... Дело серьезное. Володя набирает номер: «Да вы не волнуйтесь. Часы у меня не совсем настольные. Скорее настенные... А еще точ-

нее — башенные...» И уже своим голосом: «Леша, они висят на Спасской башне, сходи посмотри».

О Франции, о Париже, конечно, рассказывал. Когда вернулся в первый раз, вспомнил такой забавный эпизод. Был конец зимы, он идет по улице мимо магазина и видит в витрине персики. Роскошные персики, и цена — шестнадцать франков. «Знаю, что Марина любит персики... Конечно, дороговато, ну ничего... Плачу шестнадцать франков — мне протягивают один персик». Кстати, Марина как-то призналась, что долго жить в Париже Володя не мог. «Месяц — это для него было много... Просто до смешного доходило — домой, и все...» Была передача на парижском телевидении. Володя мне рассказывал, что два перевода его песен на французский язык были сделаны специально для этой передачи.

Многие песни Высоцкого я знал еще с начала 60-х годов, слушал по многу раз, привык и, честно говоря, не очень восхищался ими. Когда в феврале 1975 года к нам в Лондон приехали Володя и Марина, — я не видел его два года, не слышал его новых песен, — Володя спел «Купола» и еще несколько новых вещей... Они меня просто поразили: «Володя! Ты — гений!» Он перебирал струны — положил на них ладонь, поднял голову: «Ну вот, наконец и ты это признал...»

Стихи мне тоже читал. Думаю, что стихи он показывал только очень немногим людям. Запомнил — и очень близко к тексту — его слова: «Меня все время подмывает запеть стихи. Не печатают, не издают, спую — дам им жизнь».

Темп жизни Высоцкого? Знаете, каждый человек может или должен регулировать как-то свой темп жизни. Володя, может быть, переоценил свои силы... Кроме работы — театра, кино, стихов и песен, — он очень много делал для друзей. Иногда прилагал просто колоссальные усилия. Кстати, друзья часто и не просили, и не настаивали на этой помощи.

Я переехал в Москву, получил квартиру. Пустые, неудобные, необжитые комнаты. Вероника расстроена: уехали от моря, от друзей, новый город, новая жизнь... Приехал Володя, видит такое дело... Сел прямо на пол, прислонился к стене. Начал с морских песен, потом перешел на веселые... Расшевелил нас немного и говорит: «Ну все, едем

в мебельный!» Начали колесить по мебельным, выбирать обстановку... А ведь у него наверняка были свои, и важные, дела.

Высоцкий и Тарковский. Они довольно часто встречались в одной дружеской компании, но вне этой компании, мне кажется, общались редко. Помню, что Володя предложил сценарий фильма, и Тарковского его идея заинтересовала. Он сказал, что надо будет серьезно поговорить. Некоторые песни Высоцкого Андрея просто восхищали. «Банька», например. Помню его слова: «То, что делает Высоцкий, может нравиться или нет. Но почему не используют его колоссальную популярность? Это же глупость! Все залы были бы забиты...»

Тарковский рассказал Высоцкому историю про Шона О'Коннери — она легла в основу песни «Про Джеймса Бонда». Андрей хорошо знал людей, которые работали у Калатозова на «Красной палатке»... Так вот, Шон О'Коннери — исполнитель роли Джеймса Бонда — прилетел в Москву. Спасаясь от поклонников, он надел черные очки, поднял воротник. В общем, замаскировался так, что ассистент, встречавший его в аэропорту, сразу его и не узнал: вышел О'Коннери с чемоданчиком — нет не только толпы поклонников, вообще никто не встречает! Неделю О'Коннери наслаждался покоем, потом уехал на съемки.

Работу закончили, и он решил хоть немного попользоваться своей популярностью. Устроил роскошный ужин для съемочной группы. Дело уже шло к концу... И тут наши ребята быстро разобрали девушек, а знаменитый Джеймс Бонд остался один. Володя стал выяснять у Тарковского подробности: кто встречал в аэропорту? Как они оставили его одного? И неужели все девушки ушли с нашими?! А через некоторое время в другой компании слышу, Высоцкий рассказывает эту историю: «И вот наш маленький черненький ассистент уводит самую красивую девушку...»

Да, последние годы он стал более замкнутым, часто бывали депрессии... Много размышлял и говорил о смерти. Было меньше общения и гораздо меньше новых знакомых. Весной 80-го сказал мне: «Я, наверно, надолго поеду к Марине... И поработать надо — собираюсь

прозу писать... И образ жизни надо резко поменять. Там будет видно...»

У меня хранятся его первые пластинки с дарственными надписями.

«Дорогим друзьям и прекрасным людям, которых всегда могу иметь в числе своих близких, — Олегу и Веронике».

«Дорогому моему другу — надежному и бескорыстному, с искренним и истинным уважением, — Халимонову Олегу».

Кстати, Володя очень радовался этим маленьким пластинкам.

Март 1987

Мой муж, Олег Николаевич Халимонов, родился под Киевом, учился в Одессе в Высшем мореходном училище. Я — одесситка, после школы поступила в университет. Познакомились мы на первом курсе. Мореходку Олег закончил в 1961-м, начал ходить на разных танкерах. К 1964 году он был главным механиком большого судна. В этом году у нас родился сын Андрюша.

Володя прилетал в Одессу каждое лето, хотя бы на день-два. И я помню концерт во ВНИИ морского пароходства примерно году в 65–66-м, когда его еще никто не знал. Он выступал в красной тельняшке, которую ему подарил Олег. Пел «Порвали парус».

А в 1967-м Лева Кочарян снимал «Один шанс из тысячи». Но в Одессе проходил только подготовительный этап — в павильонах, в самолете. Основные съемки шли в Ялте, вся компания была там. Лева не приглашал артистов, ему нужны были фактурные ребята, крепкие. Поэтому снимались и моряки, и врач, и спортсмены. Олега предложил на фильм Володя, который сам снимался в Одессе. Так что его не было на танкере Олега в Новороссийске, были Артур Макаров, Андрей Тарковский (все время напевавший: «Прощай, Садовое кольцо...») и исполнительница главной роли Жанна Прохоренко. Попали в шторм, лазали по штормтрапу... Андрей был главным консультантом картины: тогда положили на полку «Андрея Рублева», он был без работы, а здесь хоть немного платили.

Но в общем для нас это было очень веселое время. Лето, жара, и в основном они ездили на Санжейку. Жарили

шашлыки, там можно было и заночевать. Один раз соби-
рались устроить потасовку с моряками, это было очень
смешно. Ну, когда людям нет тридцати, это еще допустимо.

Теплоход «Грузия» — это шестидневные круизы Одес-
са–Ялта–Новороссийск–Сочи–Батуми. Ночью идут, днем
заходят в порты. Иногда еще в Туапсе и Сухуми. Но «Гру-
зия» ходила и Одесса–Марсель и заходила в Саутгемптон
под Лондоном, когда мы там жили.

«Аджария» — круизный теплоход, по тем же маршру-
там ходил, но он поменьше. А «Шота Руставели» — очень
нарядный лайнер, построенный специально для круизов.

Кстати, я как-то раз, уже значительно позже, возвраща-
ясь в Одессе с пляжа, встретила Марину с детьми и Воло-
дей после круиза на «Шота Руставели». Их привел Володя
Борцов, сказал, что нужно покормить детей — они прого-
лодались.

Ведь Володе были рады на любом корабле. Его и на
танкере Олега несколько раз вписывали в судовую роль,
когда он обещал приехать...

Когда Володя работал в «Опасных гастроях» у Хильке-
вича, Олег тоже снимался — во «Внимание, цунами!»,
в Феодосии. Но потом там все развалилось... И однажды
мы вместе обедали в маленьком ресторанчике-«глечике»
в Одессе: Володя с Мариной, Жванецкий, Карцев, Ильчен-
ко и мы с Олегом. Володя был спокоен, а Марина со Жва-
нецким бурно обыгрывали, как можно было бы снять ка-
кой-то фильм.

Когда Володя появился в Одессе с Мариной Влади, ме-
стные обывательницы удивлялись: «Она такая красивая,
что она в нем нашла?» И вот Марина пожаловалась мне
однажды, что она очень нервничает, — как он здесь, когда
ее нет. И я ей рассказала... А она, видимо, передала Воло-
де, потому что он так серьезно потом на меня смотрел.

В семидесятом Одесса была закрыта на карантин по
причине холеры, хотя никакой холеры, по-моему, не было.
Олег как раз поступил в Москве в Академию Внешторга,
мне надо было привезти ему костюмы — не в джинсах же
туда ходить. Тем более сентябрь, уже прохладно. Так нас
отправили в санаторий на обследование, потом на маши-
нах в аэропорт, там автоматчики, в Москве у трапа тоже
автоматчики, а дальше — хоть на голове ходи.

В Москве мы сняли двухкомнатную квартиру на Щел-
ковской. Володя с Мариной пришли к нам в начале декаб-
ря: «Вот, мы теперь муж и жена. Где нам только жить те-
перь? Вам повезло, такую квартиру сняли». Марина была
в дубленке и вся укутана в цветастую шаль...

Помню, в 1970-м Володя заходил к нам на Щелков-
скую с Тарковским. Они обсуждали отношения Гамлета
с его окружением. Андрей считал, что если бы Гамлет ото-
мстил за отца, то опустился бы до уровня окружающих.
У Володи было схожее мнение. Тарковский тогда соби-
рался ставить эту пьесу в «Ленкоме».

Через год мы получили квартиру на улице Волгина. Во-
лодя и там часто бывал. Очень смешно обыгрывал, какие
анонимки приходили на него в театр и лично Любимову.
Он вообще редко просто так разговаривал: каждый вечер
в какой-то роли, то в одной, то в другой. Даже если ниче-
го не обыгрывал, все равно менялась интонация. Мог иг-
рать за двух-трех человек.

А вообще он не разбрасывался в общении, очень был
в себе. Например, после премьеры спектакля «Преступ-
ление и наказание» отмечали это событие только Володя,
Володарский с женой и мы с Олегом. Это когда ему было
плохо и не было Марины, тогда мог прийти, кто хотел.
Но обычно в таких ситуациях сразу появлялся Сева Абду-
лов, прилетала Марина, его старались не оставлять од-
ного.

Однажды мне пришлось дежурить у Володи на Матве-
евской, потому что все были заняты. У него бывали жуткие
депрессии, он метался, не знал, куда деваться, рвался ку-
да-нибудь уйти. И тут говорит мне: «Я вспомнил: срочно
надо на киностудию», — и надевает курточку. А внизу ма-
шина. Если он в таком состоянии сядет за руль?! Я отвечаю
обреченно: «Тогда я тоже с тобой поеду». Володя смотрит
на меня, видит, что это серьезно: «Ну хорошо, я останусь.
Господи, какая тоска!» Мне было так его жалко!..

На третьем курсе академии Олег три месяца провел
в Австрии, вернулся в январе 1973 года. Тогда к нам при-
ходили Андрей Тарковский и Володя с Мариной, уже, ка-
жется, с Матвеевской. И 1 мая 73-го мы встречали в квар-
тире на Матвеевской. Володя уехал в Париж и оставил нам
ключи. А к нам приехали родители, и собралась большая

компания: Андрей, мы с Олегом, еще две пары и композитор фильма «Зеркало».

Зимой того же года Володя позвал Золотухина с женой, нас с Олегом — и записывал «Алису». Тогда Марина уже привезла в ту квартиру надувную мебель и аппаратуру для записи. Володя сказал, что у Золотухина абсолютный слух, что он ему очень доверяет.

У нас дома была сделана запись, где Володя говорит перед какой-то песней: «Посвящается другу моему Олегу Халимонову». Правда, потом я где-то слышала, как он посвящает эту песню Феликсу Дашкову...

Олег закончил академию, и в марте 1974-го мы улетели в Лондон, куда он был назначен в международную организацию по защите моря от загрязнения. Пришел Володя, принес огурцы для нашего сына. В то время это больше, чем персик для Марины в Париже зимой! Наш Андрей ровесник его Никиты. Он очень любил сыновей, приходил с ними к нам. Старался побольше зарабатывать — для них.

А в Лондон Высоцкий с Мариной приезжали повидаться с Олегом и посмотреть город. Володя никогда там не был — Марина хотела ему показать. Парижане часто туда ездят — за покупками, это дешевле, даже если платить за паром. Мебель для московской квартиры Марина как раз покупала в Англии.

С Володей они останавливались в гостинице, целыми днями гуляли по городу. Пробыли в Лондоне не меньше трех и не больше пяти дней. В советском посольстве попросили дать концерт, предоставили зал, и там такое творилось! Билетов не хватало, сидели, стояли, висели — только бы услышать Высоцкого.

А дома у нас собрались товарищи Олега, которые не попали на концерт. Для них Володя пел за ужином. Точно помню, он исполнил в тот раз, кроме прочего, песни, написанные для «Арапа». Олег всех предупредил: «Никаких магнитофонов!» Нам самим Володя разрешил записывать, потому что знал: без его разрешения у нас никогда ничего не включится.

Да, в 1967 году в Одессе была Людмила Абрамова — длинная девочка с огромными глазами. Красивая, очень мне понравилась. И видно было, что очень любит Володю.

Часть вторая ВОЗВРАЩЕНИЕ НА БЕГОВУЮ

Мне довелось близко знать Высоцкого, быть свидетельницей многих эпизодов его жизни, его успехов и неудач с 1961 по 1969 год. Не претендуя на роль биографа или исследователя творчества Высоцкого, не стремясь полемизировать с авторами других публикаций, я хочу только поделиться тем, что помню, тем, что дорого мне, — без сенсаций и домыслов.

В 1961 году, снимаясь на Ленфильме в картине «713-й просит посадки», он познакомился с моей двоюродной, старшей, сестрой Людмилой Абрамовой. Она стала его женой, матерью двоих его сыновей и, безусловно, сыграла в те годы очень большую роль в его творческом становлении.

Для начала — несколько слов о моей сестре. Мы с Люсей, несмотря на разницу в возрасте, дружили с детства, много времени проводили вместе. Семья наша жила просто, почти бедно. Время было трудное, послевоенное. Типичная московская коммуналка... Наша замечательная бабушка, которую любили и уважали все соседи, читала нам Гумилева, переводила с листа Киплинга... Люся, еще учась в старших классах школы, ходила в литературное объединение «Юность», писала интересные стихи. А в 1959 году поступила во ВГИК на актерский факультет. Училась у Михаила Ильича Ромма (это его единственный актерский набор). Атмосфера в институте была творческая, интересная. Я тогда бывала во ВГИКе почти на всех спектаклях — зачетных, курсовых. Люся играла в инсценировках Хемингуэя, в «Сейлемских ведьмах» А.Миллера,

играла Федру... Как представительница ВГИКа работала на Первом Московском кинофестивале. Однажды ее избрали «Мисс ВГИК». Конечно, за красоту, но не только. Человек яркий, незаурядный, одаренный, она училась блестяще, увлекалась философией и эстетикой, ей предлагали всерьез заняться режиссурой, звали сразу после защиты диплома в аспирантуру. Закончила ВГИК она с отличием.

И вот, еще на третьем курсе, ее неожиданно пригласили сниматься на «Ленфильм». Надо сказать, тогда для нее съемки не были самым важным событием в жизни. Преподаватель ВГИКа известный балетмейстер А. Румнев создавал в то время первый театр пантомимы, в котором Люся собиралась работать вместе с большинством своих однокурсников. Это было главным делом, которому планировалось посвятить долгие годы, а съемки — небольшой эпизод в творческой судьбе. Но случилось так, что именно этот «эпизод» круто повернул всю ее жизнь...

Когда Людмила приехала из Ленинграда, я пришла к ней на Беговую, где она жила тогда вместе с родителями, бабушкой и дедушкой. Она быстро провела меня в свою комнату, вернее, в закуток, выгороженный в двухкомнатной квартире, и познакомила с молодым человеком — актером Володей Высоцким.

Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется» (это была одна из немногих не его песен, которую он любил и часто пел). Держался просто, одет был бедно — старенький свитер, простенький пиджачок. Пел здорово — мурашки по коже... Общаться с ним оказалось сразу очень легко, так, словно мы давно уже знакомы. Я поняла, что этот человек очень дорог сестре, и это с первой же встречи определило мое к нему отношение. Он не был тогда ни знаменит, ни богат, напротив, испытывал трудности, неудачи. С работой — плохо, песни сочинять только-только начал, — блатные, жаргонные, пел их лихо, восполняя литературные и музыкальные огрехи невероятным темпераментом. Говорил простым, отнюдь не интеллигентным языком, чем поначалу шокировал нашу профессорскую семью (дед наш был профессором-энтомологом, почитал литературу Востока, верил в благородство людей и терпеть не мог Маяковского).

Людмила — яркий человек, остроумный рассказчик, и все ее окружение, ВГИКовские друзья, и атмосфера в доме, в семье, где она выросла, — все это не могло, наверное, не привлечь такого человека, каким был в то время Владимир Высоцкий. А был он наблюдателен, любопытен, его интересовала всякая жизнь, в любых проявлениях. Он подмечал иногда совершенно неожиданные подробности и штрихи. Интересную информацию схватывал буквально на лету, впитывал, пытался осмыслить по-своему. К новым людям относился доброжелательно, иногда настороженно, легко уязвимое самолюбие скрывал за внешней раскованностью.

С момента его появления вся наша жизнь пошла по-другому. Володя сочинял песню за песней, мы ждали их, мы буквально жили ими. От души смеялись, слушая «Рыжую шалаву», «Нинку с Ордынки»... А «Штрафные батальоны», «Парус», «Спасите наши души» глубоко потрясали своим драматическим пафосом. Володя менялся буквально у нас на глазах — рос духовно, культурно, творчески. Он сам как личность и его талант, которые, казалось, существуют как бы отдельно друг от друга, все больше соединялись в единое целое...

Позже Люся говорила, что неудачи в Володиной актерской судьбе тогда в большой степени становились стимулом для создания песен. Потребность в реализации была огромная, но она не находила выхода ни на сцене, ни в кино. В песнях же он выкладывался и как автор, и как актер. Он создавал и проигрывал свои маленькие моноспектакли, и мы часто были первыми зрителями и слушателями. Многие фразы из его песен входили в нашу жизнь, повторялись при каждом удобном случае. Особенно любили мы цитировать «Письмо на сельхозвыставку» и «Ответ». Я и сейчас считаю, что это одни из самых лучших юмористических песен Высоцкого.

Тогда, в начале шестидесятых, авторская песня, едва зародившись, быстро расцвела, радуя своих приверженцев и почитателей и раздражая чиновников от искусства, обывателей, воспитанных на бодреньких маршах и песнях о Сталине. Мы (я имею в виду мое поколение) были без ума от песен Окуджавы. Однажды удалось попасть на его концерт — слушали как зачарованные. Это было настоящее

откровение. Песни его запоминали на слух, переписывали на листочки — магнитофоны были редкостью. Галича знали мало, а то, что знали, не всегда нравилось. Видимо, из-за свойственной молодости ограниченности не могли оценить по-настоящему глубину его творчества, силу гражданской позиции...

Высоцкий был моложе «родоначальников» авторской песни, как бард он сложился позже, но для нас он был *свой*, доступный, его песни входили в нашу жизнь естественно, органично, занимали в ней существенное место. И оценивали мы их тогда очень субъективно, в первую очередь через отношение к самому Володе, находясь под сильным впечатлением от его человеческого обаяния и яркого темперамента.

Для Люси все, что касалось Володи — его песни, его трудности в театре (несколько раз выгоняли из Пушкинского!), многочисленные поездки с концертными бригадами ради заработка, переживания, связанные с приглашениями сниматься в кино и следовавшими за этим отказами по трудно объяснимым причинам, — все становилось главным содержанием жизни. В 1962 году у них родился Аркаша, еще через два года — Никита. Володю забота о детях, в общем-то, не обременила, хотя он и радовался их появлению, и любил их, и думал о них, и всегда, повсюду возил с собой их фотографии. Но его жизнь, собственная, творческая, мало изменилась после рождения детей. Он был так же свободен, так же уезжал на съемки, на концерты, на гастроли. Люся с самого начала все заботы о детях взяла на себя, и Володя был благодарен ей за это. Вообще — я очень хорошо это помню — он всегда с гордостью говорил о своей жене, ценил ее остроумие, образованность, знание русской поэзии, к которой по-настоящему приобщила его именно Люся. Она читала ему Гумилева, Ахматову, Цветаеву, Мандельштама, они размышляли вместе о Булгакове и Льве Толстом, о Рерихе и Дали...

Володя часто сочинял по ночам и каждую песню обязательно пропевал, проигрывал Люсе. Он ценил ее мнение, советы, дорожил ее оценкой. А Люся беззаветно, безоглядно помогала ему, вкладывая в это свой ум, талант, знания, вкус. Ей почти всегда все нравилось. И хотя ранние Володины песни, с точки зрения поэтической, далеки от

совершенства, даже в них Люся выделяла яркие, неожиданные, удачные образы и обороты, восхищалась этими удачами, о недостатках говорила тактично, чтобы, не дай Бог, не задеть самолюбие, не обидеть. И хвалила, не жалея чувств и слов, потому что считала, что человеку творческому совершенно необходимо, чтобы его хвалили, чтобы то, что он делает, восхищало окружающих, особенно тогда, когда так трудно все дается, когда не снимают, не публикуют, пластинок не выпускают. И я думаю, такая вера в Володин талант, в неминуемый успех, которая была у Люси и которую она внушала ему, очень помогла ему в те трудные годы, помогла в итоге стать тем Высоцким, которого узнал весь мир.

Мне кажется, она видела в его песнях даже больше, чем сам Володя, — она находила в них и глубину, и образность, и подтекст и незаметно, ненавязчиво подталкивала его к тому, чтобы он писал лучше, точнее, поэтичнее. Это — мое мнение. Люся всегда считала, что Володя все создает сам, что никто ему не нужен — ни редактор, ни соавтор, ни советчик, и отрицала какое бы то ни было свое участие в его творчестве. Но со стороны-то виднее, особенно когда все это происходит у тебя на глазах. Я хорошо помню Володины интонации, когда он полушутливо-полусерьезно говорил: «Правда, Люся?» или: «Правда, Люсечка?» В те годы очень многие Володины друзья, так же, как и он, восхищались его женой и, конечно, видели, какое влияние оказывает она на самого Володю, на его творчество, и говорили об этом. Теперь почему-то все об этом забыли или делают вид, что забыли...

К 1964 году, к тому моменту, когда Ю.П. Любимов зачислил его в новую труппу своего театра, Высоцкий написал уже довольно много песен, и среди них — «Большой Каретный», «Тот, кто раньше с нею был», «Серебряные струны»; были уже и «Братские могилы», и «Штрафные батальоны», и «Антисемиты», и «Бал-маскарад», и «Песня о звездах», и «Песня физиков». Чуть позже появились «Подводная лодка», «В холода, в холода», потом — песни к фильму «Вертикаль». Люся тогда восхищалась образом «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал...» Занятая детьми, домашними заботами, она успевала и слушать новые песни, и советовать, и помогать, и —

обязательно — сидеть на спектаклях театра в первом ряду. Бывало, Люся плакала, глядя на сцену, и, видя ее искреннюю, эмоциональную реакцию, актеры старались «выложиться» до конца. Об этих Люсиных глазах в первом ряду знал весь театр, знал и Любимов. Люся мне говорила, что Юрий Петрович предлагал ей работать в театре. Хотел этого и Володя. Любимов тогда относился к ней с большой теплотой — и как к верной жене и надежному другу Володи, и как к интересной актрисе. Ее приглашали сниматься в кино, но она отказывалась, боясь оставить дома детей, боясь не оказаться рядом с Володей в нужный момент. Позже она снялась еще в нескольких фильмах: «Восточный коридор» — Беларусьфильм, «Не жить мне без тебя, Юстэ» — ЦТ, и других, но в конце концов отказалась от актерской карьеры и сменила профессию.

В то время Люся иногда выезжала с Володей на гастроли, даже играла в некоторых спектаклях. Потом она стала появляться в театре все реже и реже, и наконец ее совсем перестали видеть там. Не знаю, что послужило тому причиной, не берусь судить об этом, но уверена: если бы Люся работала тогда в театре, рядом с Володей, и была бы не только его женой, но и партнером по сцене, в творчестве, вся их жизнь могла бы сложиться совсем по-другому...

Прожили они вместе семь лет. Скажу, что знаю достоверно. Это были очень трудные годы для них. Во-первых, потому, что жизнь с таким человеком, как Владимир Высоцкий, не могла быть спокойной, размеренной, благополучной. Не таков он был по своей натуре. Кроме того, жить им было в общем-то и негде, и не на что. Жили они то у Нины Максимовны на Рижской, то у Люсиных родителей на Беговой, вместе с многочисленными родственниками, то у друзей... Но все это было временным жильем, и Володя всегда чувствовал, что, как бы хорошо к нему ни относились, он вносит напряжение в чужую жизнь, вынуждая всех придерживаться его графика, его «ночного» режима, и все идут на это, любя его, но испытывают при этом большие неудобства.

В те годы Володя часто бывал у нас, на улице Вавилова, где жили мы с моей мамой, родной тетей Люси. В этой квартире он любил петь, чувствуя себя совершенно свободным. Не донимали соседи, можно было спокойно от-

бывать ритм ногой по полу — первый этаж. Можно было ночью, поздно возвращаясь из театра, запрыгнуть прямо в окно моей комнаты, где мы с Люсей ждали его. Иногда, когда он пел у нас ночью, соседи тихо выходили из своих квартир, собирались под дверью и слушали, но никто не врывался с угрозами. Делились своими впечатлениями с нами они уже на утро. Бывало, Люся с Володей жили у нас по нескольку дней, а то и недель. Это было интересное, веселое время. Конечно, мы слушали Володю — его песни, его замечательные устные рассказы, полные юмора, и Люсины рассказы, не менее остроумные, много разговаривали, играли в разные игры — в «шарады», например, или сочиняли коллективно рассказы и стихи, в которых действовали все присутствующие, играли в «ассоциации», задумывая друг друга и общих друзей и знакомых и разгадывая, кто именно задуман, по ассоциативному ряду вопросов. Эти забавы с элементами фантазии, творчества Володе очень нравились, и он всегда при этом руководил, был заводилой. Иногда он до того увлекался процессом игры, что раздражался всерьез, если у кого-то что-то не получалось, сердито покрикивал на нас — как режиссер на нерадивых актеров. Я думаю, эти игры для него были тогда своеобразными спектаклями, давали ему дополнительную возможность профессиональной реализации.

Надо сказать, что Володя совершенно не переносил, чтобы его записывали на магнитофоны. Мы с этим считались, и если в доме появлялся кто-нибудь с магнитофоном, на него шикали, чтобы он убрал свой аппарат подальше. В этом неприятии магнитофонов был, конечно, элемент наигранности, актерства, но в нашей компании было принято поступать, «как Володя скажет», и мы не смели нарушать правила игры. Позже об этом можно было только пожалеть, потому что в других домах Володю записывали несмотря ни на что, и он как-то мирился с этим. В результате у разных людей сохранилось много его записей, хотя и низкого качества, но совершенно уникальных. У нас же, где он пел действительно много, где можно было записать его даже на профессиональный магнитофон, принесенный с киностудии, не сохранилось ни одной записи тех лет. Но ведь на первой своей плас-

тинке он написал мне на память: «Леночка-сестричка, не слушай этого! Слушай меня наяву!» Как же мы могли нарушить установленную Володей и охотно принятую нами заповедь?!

Нечто подобное происходило и с фотографиями. У нас установилось некое мнение, что Володя гипнотизирующе действует на фотокамеру, и если у него нет настроения сниматься, то на пленке все равно ничего не получится. Случайному техническому браку мы приписывали мистические свойства. Но ведь на самом деле, из всех многочисленных кадров, заснятых мной на улице Вавилова, получилось лишь несколько!

Все это казалось нам тогда легко восполнимым: мы думали, что Володя будет жить и петь рядом с нами вечно и никакая запись не сможет заменить живого голоса, никакая фотография — живого лица...

Позже, когда у Высоцких появилась малогабаритная двухкомнатная квартира на четвертом этаже пятиэтажной «хрущевки» в Новых Черемушках (большое достижение по тем временам!), новоселье решили отпраздновать у нас на Вавилова. Нина Максимовна согласилась остаться с детьми в новой квартире, гости ненадолго заходили туда «на экскурсию», а потом отправлялись к нам — иначе бы все просто не разместились.

Володя любил праздники, любил готовиться к ним. Помню, как он жарил цыплят «табака», стоя одной ногой на табуретке, а другой прижимая крышку сковороды. Он считал такой способ наиболее эффективным и впечатляющим. Когда народу собиралось много, Володя с таким же успехом вставал ногами на крышки двух сковородок сразу, при этом еще что-то изображал, рассказывал, шутил. Зрелище было потрясающее!

Праздники и игры, конечно, скрашивали жизнь, отвлекали от неприятностей, но они проходили, кончались, оставались в памяти отдельными приятными эпизодами. Были и настоящие радости, и настоящее горе, трудно сейчас сказать, чего больше. Именно эти годы во многом определили дальнейшую творческую судьбу Володи, потому что это было время поиска, духовного обогащения, творческого роста; горизонты расширялись, формировалась гражданская позиция, уголовно-блатной, дворовый ре-

пертуар отходил в прошлое. Мысли и душу Высоцкого заполняли новые, необходимые ему темы.

Никогда не забуду 31 мая 1967 года — первый Володин творческий вечер в ВТО. В ожидании этого вечера он сам очень волновался, переживал, а вместе с ним и все его близкие. И не без основания: до последнего момента не было полной уверенности, что вечер состоится, что его не отменят, не запретят в последний момент (подобный печальный опыт был прежде). Никаких афиш, практически никакой рекламы, дабы не создавать излишний ажиотаж. Такая нарочито «тайная» подготовка вечера, конечно, не могла не беспокоить и не возмущать Володю: а вдруг придет совсем мало людей, зал окажется пустым? Все тексты песен «литовались» заранее, проводился жесткий отбор. Я тоже тогда перепечатывала Володиные песни на старой бабушкиной машинке, чтобы хоть как-то помочь в подготовке к концерту.

И вот наконец 31 мая. Народ толпился у здания ВТО задолго до начала вечера. Опасения оказались напрасными — на этот раз не запретили! А то, что было потом, превзошло самые смелые ожидания. Не очень большой зал буквально разламывался от публики. Приходилось сидеть на стульях по трое. Те, кто вошел в зал позже, стояли в проходе, на подоконниках, цепляясь за занавески...

Замечательное вступительное слово Александра Аникста сразу задавало вечеру определенный настрой, серьезно-уважительный и по отношению к Высоцкому, и по отношению ко всему Театру на Таганке, который он представлял. Каждая песня сопровождалась одобрительными возгласами и громкими, искренними аплодисментами — и в зале, и даже на улице под окнами...

К тому моменту, когда судьба развела нас с Высоцким, он был уже очень известным, одним из ведущих актеров Театра на Таганке, сыграл немало ярких ролей в кино, написал многие из знаменитых своих песен и был любим самой широкой публикой. Короче говоря, вполне сформировавшаяся творческая личность, ничего не осталось от того начинающего актера в потертом пиджачке, которого мы впервые увидели в 1961 году.

Наши с сестрой личные судьбы складывались по-разному, но всегда оставалась теплота отношений, взаимная

привязанность, мы часто встречались, иногда жили вместе подолгу. И до сих пор, встречаясь, вспоминаем все, связанное с Володей, в мельчайших деталях и подробностях, вспоминаем больше хорошее, трогательное, смешное, чего уже никто не помнит. Люся как-то сказала, что для нас все это так живо и так естественно потому, что мы как бы остались там, в том времени, в той жизни, а все остальные давно вышли оттуда, увлеченные потоком других событий. Я воспринимаю эту мысль как некий образ, символ. Конечно, у всех нас, и у самой Людмилы, давно уже сложилась своя, совсем иная жизнь. Муж моей сестры Юрий Овчаренко, человек сложной, интересной судьбы, инженер по образованию, пробовавший себя в разных профессиях, в том числе и в журналистике, много поездивший и повывавший, помог Людмиле вырастить и воспитать ее сыновей. Аркаша стал профессиональным кинодраматургом, Никита — актером и режиссером. У Людмилы с Юрой выросла дочь Серафима. Дети очень любят друг друга, дорожат друг другом. Но... все это лирическое отступление. Для нас важны не подробности частной жизни Владимира Высоцкого и Людмилы Абрамовой. Для нас важно то, в какое время Владимир Высоцкий был с нами и что и какой ценой он сумел создать в это свое (наше) время. Ведь славу ему принесла именно эта его жизнь, те годы, — с начала шестидесятых до начала семидесятых, — когда немыслимым образом песни его, не изданные, более того — запрещенные, знал весь народ. Затраты духовных и творческих сил в то его (наше) время — сравнимы ли они с Парижем, Голливудом, которые были потом?!

В 1965 году, приехав со съемок «Стряпухи», Володя — рыжий, крашенный — на мой день рождения подарил мне гитару. Я на гитаре не играю. Он и сказал, что дарит ее для того, чтобы всегда, приходя к нам в дом, мог играть на ней и петь. С тех пор гитара висела на почетном месте, и никому не разрешалось прикасаться к ней, кроме Володи.

За это время несколько гитар Высоцкого были разбиты, потеряны, но моя оставалась в целости и сохранности. И хотя Володя появлялся у нас теперь не так часто, гитара всегда ждала его, чтобы в любой момент оказаться под рукой.

И вот в 70-м году, когда мы с Люсей вместе жили на Беговой, вдруг позвонил по телефону кто-то из наших знакомых и сказал, что в какой-то французской газете опубликовано сообщение об официальной женитьбе Высоцкого на Марине Влади. Это не было неожиданностью, и человек, позвонивший нам, даже не предполагал, какую это вызовет реакцию... Не помня себя, в каком-то жутком эмоциональном порыве, я схватила со стены гитару и разбила ее в щепки! Жалобно застонали порванные «серебряные струны»... Через минуту я, конечно, пожалела о том, что сделала...

Детский, глупый поступок. Но тогда вдруг возникло ощущение настоящей потери — у нас отняли часть нашей жизни... Он ушел от нас навсегда, ушел в неведомый, чужой мир. Теперь мы сможем только издалека, из нашего общего прошлого, из нашей общей юности, которая нам была так дорога, следить за ним, слушать его. Издалека, а не так, как раньше, сидя на полу вокруг него и заказывая наперебой то одну, то другую песню...

Конечно, были встречи с Высоцким и потом — у Людмилы, у сыновей, — почти до последних дней его жизни. И у меня — случайных, коротких — в Доме кино, в аэропорту «Адлер», на спектаклях Таганки, в домах друзей. А тогда, когда я сгоряча разбила гитару, никто из нас не думал, не мог предположить, что настоящая потеря будет позже — 25 июля 1980 года...

Мы с Люсей приехали на Малую Грузинскую, до последнего момента не веря, что это произошло на самом деле. Оставалась какая-то слабая надежда на чудо, на то, что это опять — слух, неправда. Мы приехали рано. Народ стал толпиться у дома позже. Была тишина. В квартире соседки сидела Нина Максимовна и растерянно повторяла одну и ту же фразу: «Ну как же это?.. Девочки, ну как же это?..» Стало страшно. Потом мы увидели Семена Владимовича — молчаливого, почерневшего лицом. Он провел нас в ту комнату, где на большой широкой застеленной кровати, весь в черном, лежал Володя... Кто-то еще был в квартире, приходили люди, — плохо помню. Наверное, это были друзья его последних лет, люди, ему близкие. Но все в каком-то тумане... Год или два потом песни его слушать было невозможно — перехватывало горло...

Сейчас, в бесчисленном потоке воспоминаний, публикаций, фильмов и передач о нем становится все труднее разглядеть облик живого человека, отделить правду от неправды, истину от вымысла. Но я позволю себе процитировать одно из выражений, которое часто произносит Булат Шалвович Окуджава: «Время все расставит на свои места...» Хочется верить в это.

1990

Первый раз я увидела Высоцкого, когда он шел с Людмилой Абрамовой. Они были очень молоды. Или только что поженились, или еще были женихом и невестой – точно не знаю. Когда-то мы с Людмилой жили в одном доме, тогда ее звали Пуха... И вот вижу, она идет, а рядом с ней – молодой человек. Они держатся за руки, и вокруг них такая прекрасная аура! И можете себе представить, я сошла с тротуара и пошла по мостовой, чтобы не мешать этой паре. А они будто летели над землей. Были в каком-то таком особом состоянии, что и меня это захватило. Они прошли мимо, меня не замечая. А я даже не поздоровалась, чтобы не нарушать этого состояния. И Володя был такой молодой и красивый, таким я его больше никогда не видела.

А потом Юра (Юрий Васильевич Васильев – известный художник, муж Елены Васильевой. – *В.П.*) работал вместе с Юрием Петровичем Любимовым над спектаклем «Павшие и живые».

Это Юрий Васильевич первым в Союзе прямо на сцене зажег вечный огонь?

Да-да, это он придумал... И вот Юра приходит домой обедать – а приходил он домой, потому что театр был рядом, мы жили тогда на Ульяновской. Пришел и говорит: «Сегодня в театре Юрий Петрович смотрел молодых актеров. Высоцкого он взял. По-моему, приходила пробоваться и что-то читала Людмила Абрамова...» Вы знаете, я привыкла, что в детстве мы ее звали Пуха... Хорошо помню – большие, очень красивые, голубые глаза. Да-

да, Юра сказал, что она такая замечательная. А я уже знала, что они с Володей поженились.

Меня пригласили на спектакль «Десять дней, которые потрясли мир». Помню, тогда всем в фойе прикалывали красные бантики. Володя ко мне подошел, в матросской форме, — он уже знал, что я жена Юрия Васильева, — подошел и приколот мне на блузку бант, — вот тогда мы познакомились и немного поговорили.

А на «Галилее» я уже ходила на репетиции. Ведь Любимов предложил Юре сыграть главную роль... И Юра начал репетировать. Ему было очень тяжело, — у Галилея огромные монологи. Он уходил в театр на целый день, приходил усталый: «Я не могу, я весь измучился...» Он даже свою основную работу забросил. И однажды мне говорит: «Нет, больше не могу. Высоцкий сидит в зале, во втором ряду, и смотрит... А я — старый дед — на сцене». Месяца два он ходил и репетировал, а потом отказался.

Юрий Васильевич оформлял «Пугачева»...

Да, это было очень красиво: деревянный помост, цепи, топоры... Я недавно делала каталог выставки Юрия Васильева и поместила туда фотографию Высоцкого с этими цепями.

А какие отношения были у Высоцкого и Васильева?

Всегда очень хорошими, но близкой дружбы не было. Как-то раз Володя с Мариной Влади и Бэлла Ахмадулина пришли к нам. Говорили о сестре Марины, которая тогда была тяжело больна. Марина плакала, Володя ее успокаивал.

Володя очень часто бывал у наших друзей — Делюсиных. Вот там мы встречались. Володя у Делюсиных пел. Я помню, что Лев Петрович его записывал.

А отношения Васильева и Любимова?

Ведь Юра оформлял один спектакль на Таганке, когда еще это был старый Театр драмы и комедии, и главным режиссером работал тогда Плотников. Они вместе поставили «Ничего подобного» Дыховичного и Слободского.

А когда в театр пришел Любимов, Юра продолжал там бывать. Они с Любимовым познакомились и подружи-

лись. Юра был человеком интересным, очень хорошо рассказывал: и о своей жизни, и о своих знаменитых учителях. И все это он умел передавать в лицах, так что актерские данные у него безусловно были. Потом Юрий Петрович пригласил его оформлять спектакль «Павшие и живые», и Юра предложил эти три расходящиеся дороги и Вечный огонь. Да, ведь у них был еще один замысел — спектакль по Твардовскому «Теркин на том свете». Юра придумал оформление — тот свет! — и интересные костюмы, но спектакль им запретили.

Расскажите, пожалуйста о том, как Юрий Васильевич снимал посмертную маску...

Юра видел Володю буквально за два-три дня до смерти. Там, на Малой Грузинской, была художественная выставка, Юра шел на эту выставку, а Володя выходил из машины, — и они обнялись перед подъездом.

И вот рано утром двадцать пятого звонит Юрий Петрович: «Юра, такой ужас! Володя умер. Приезжайте». Юра взял сына, — Миша уже был студентом Строгановки, — и они поехали на Малую Грузинскую. Сын помогал — надо было развести гипс, подмешивать, размешивать... И они сделали эту маску. Юра говорил мне: «Что там со мной было!» Ему было очень тяжело, очень... А ведь до этого Юра снимал довольно много масок.

А эта фраза вашего мужа о том, что лицо Высоцкого ему помогало, — с чем это связано?

Знаете, в чем дело... Ведь у Высоцкого была отечность, лицо и шея отекали. И было трудно снять слепок. А потом вдруг — раз! Как-то сразу все получилось. Как будто Володя сам вышел из этой формы.

А сколько было сделано посмертных масок?

Я уже не помню, кто и сколько заказывал. Но были сделаны маски из металла. Юра заказал их в Строгановке — фамилию мастера я забыла (фамилия мастера — Гурченко. — В.П.). И Юра ему сказал: «Только чтобы было всего три маски — близким, родным и в театр — и все». И еще Юра сказал, что форму надо разбить: «Вы мне обещайте, что форму разобьете, чтобы потом не было бесконечных

отливок». Этому мастеру Юра дал специальный рецепт (сплав меди и серебра. — В.П.), мастер рецепт выдержал и действительно разрушил эту форму. Я знаю, что одна маска была у Марины, вторая — у Любимова, а третья — в театре. И почему-то эта маска, которая была у Дупака, куда-то делась.

Знаете, Юра ведь делал слепок руки Высоцкого. Вообще таких слепков он делал много. У нас — одна комната, где висят руки друзей Юрия Васильевича. Много слепков я отдала... Назыма Хикмета — в Литературный музей, Булата Окуджавы — в семью... Но вы знаете, иногда они не сохраняются. А ведь каждая рука неповторима, это большая коллекция — ученые, писатели, поэты. Может быть, ее надо было сохранить целиком...

2004

Вы помните, как Высоцкий появился в вашей семье?

Моя сестра Людмила училась тогда во ВГИКе, и вокруг нее была целая стая ребят — веселых и интересных. В этой компании было много не москвичей, — так они просто дневали и ночевали на Беговой. И среди этих ребят появился еще один — явно старше, самостоятельнее и мощнее других. Тогда Людмила в Ленинграде снималась в фильме «713-й просит посадку», она прилетала и улетала, и Володя заходил за ней. Когда съемки закончились и они вернулись в Москву, Володя уже зачистил к нам. А ранней весной 1962 года они поженились...

Я не могу сказать, что именно с этого вот момента я помню Высоцкого. Такого не было. Но осталось впечатление мощи, энергии... Эта энергия всегда его окружала — это абсолютный факт...

Вы помните свадьбу?

Со свадьбой тогда было плохо... Мы просто их поздравили по-домашнему. Сохранилась любительская киноплёнка 1962 года. Снимали у нас на даче — Володя еще совсем молодой, Людмила ждет первого ребенка... А вот дальше идут уникальные кадры, снятые самим Высоцким, мы видим мир его глазами. Свадьба же была в 1966 году.

Своей квартиры у них никогда не было... Можно ли говорить о бесприютности в их жизни?

Еще с войны у нашего поколения — в современном понимании этого слова — приюта, или уюта, действительно

не было. Это с одной стороны. А с другой — он нам был и не нужен. Мы, жившие в коммуналках, знали другое — чувство коллектива... И крик «Наших бьют!» объединял нас гораздо прочнее, чем теперешняя жизнь в отдельных квартирах.

Другой момент. У Володи, как он много раз сам говорил, было две мамы... Все-таки Евгения Степановна на самом деле была ему как мать. Так что по крайней мере два дома у Высоцкого были. А когда Людмила привела его к нам и сказала: «Вот мой муж», — у него появился дом на Беговой. Он туда приходил к себе домой, и к нему относились как к члену семьи...

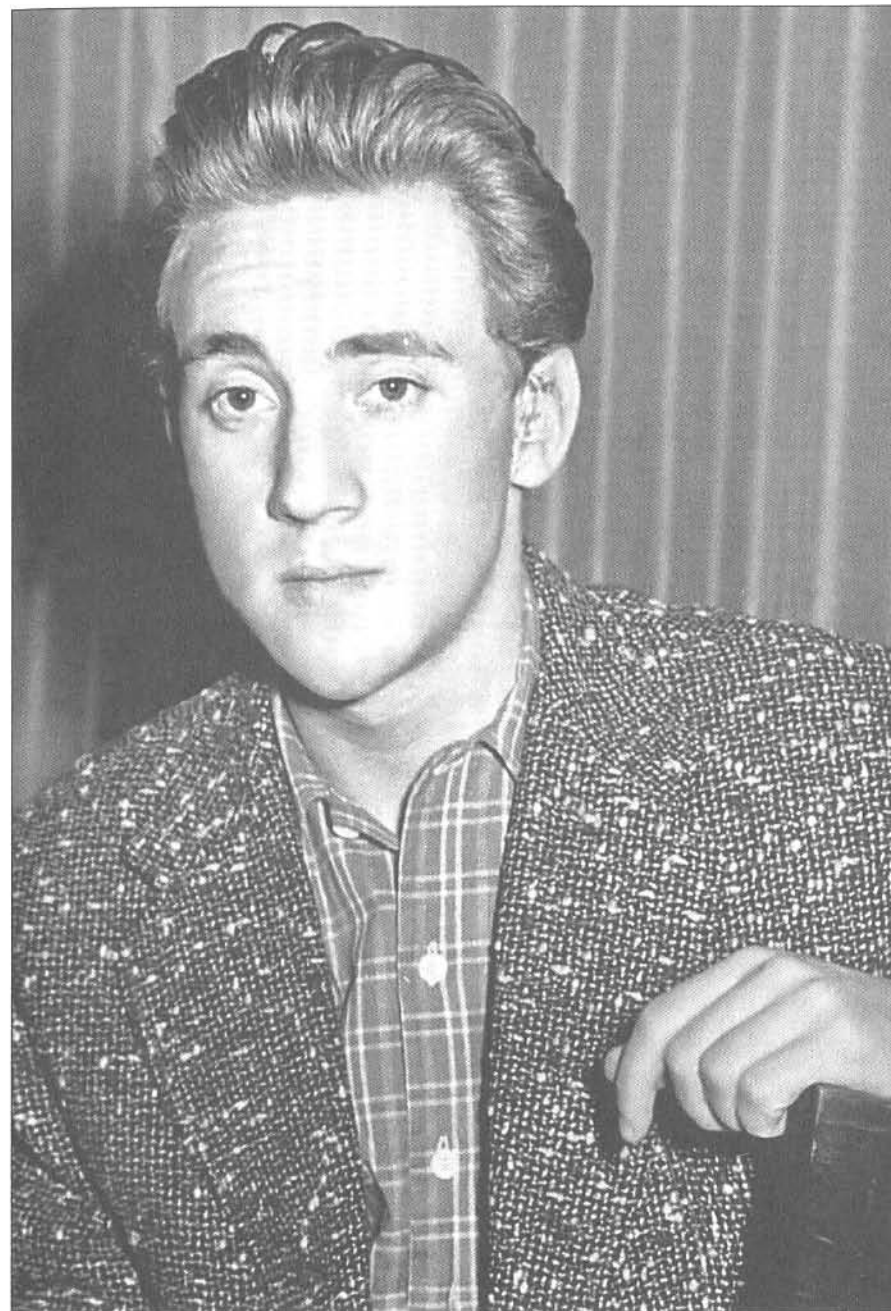
А потом Нина Максимовна и Володя получили двухкомнатную квартиру на улице Шверника, они довольно долго жили там. В одной комнате — Нина Максимовна, а в другой Володя с Людмилой и детьми. По тем временам квартира была неплохая, был даже встроенный кондиционер. Это экспериментальный дом в Черемушках, во дворе — фонтан... Позже Людмила и Володя с детьми жили на Беговой, родители переехали в «Химки» и в «Медведки».

Вы общались с Высоцким, быть может, в самое интересное время — время его становления, время появления первых песен. А сразу ли вы их оценили?

Тут очень интересная история. Первые песни Высоцкого мы, конечно, знали — тогда они ходили по Москве в очень плохих магнитофонных записях. Но мы их никак не связывали с Володей. Хотя давно с ним уже были знакомы, давно спорили и обсуждали самые разные вещи. А когда мы услышали, что это Володины песни, то даже постеснялись его об этом спросить. И я «втихаря» спросил Людмилу: «Вот эти песни, неужели это Володя поет?» — «Конечно, а вы что — не знали?!»

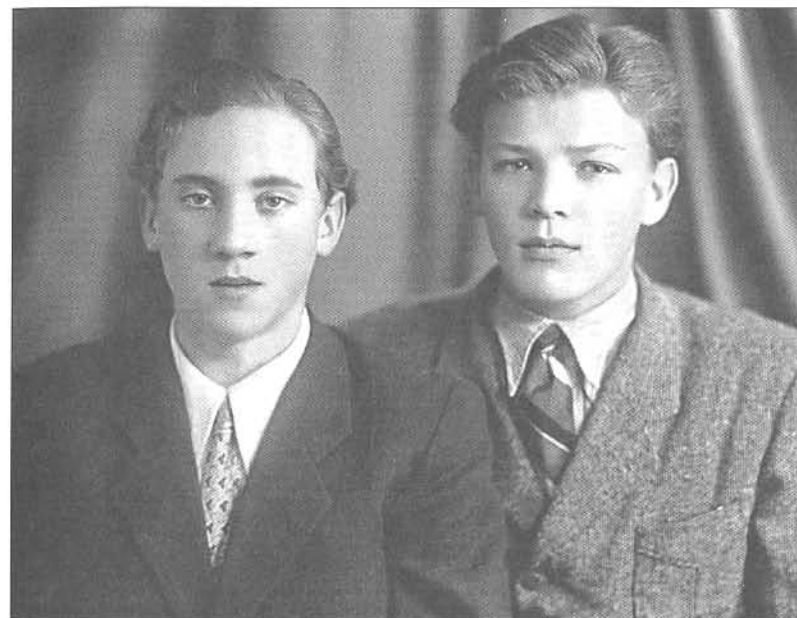
Песни начала 60-х годов не были концертными, они были квартирными, камерными. И манера исполнения была другая, тоже более камерная. Но и при этой манере громкость была такой, что стекла дрожали.

И еще одна очень интересная деталь — Володя тогда ничего не записывал на бумаге, все песни он помнил. Он мог, конечно, какой-то кусок написать в письме, какую-то строчку записать на клочке бумаги, но все свои песни тог-

Володя Высоцкий с отцом Семеном Владимировичем и мачехой Евгенией Степановной Лихалатовой. Эберсвальде (Германия), 1947

С Владимиром Акимовым. 1953

9 класс 186-й московской школы. Второй слева в первом ряду – Владимир Высоцкий, третий – Игорь Кохановский. 1954

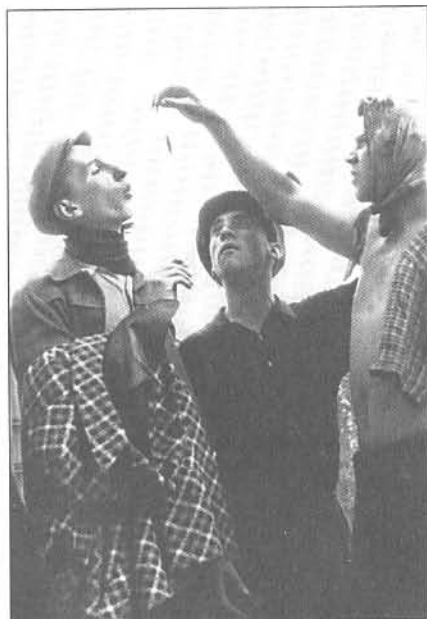

С матерью
Ниной Максимовной.
Москва, 1950

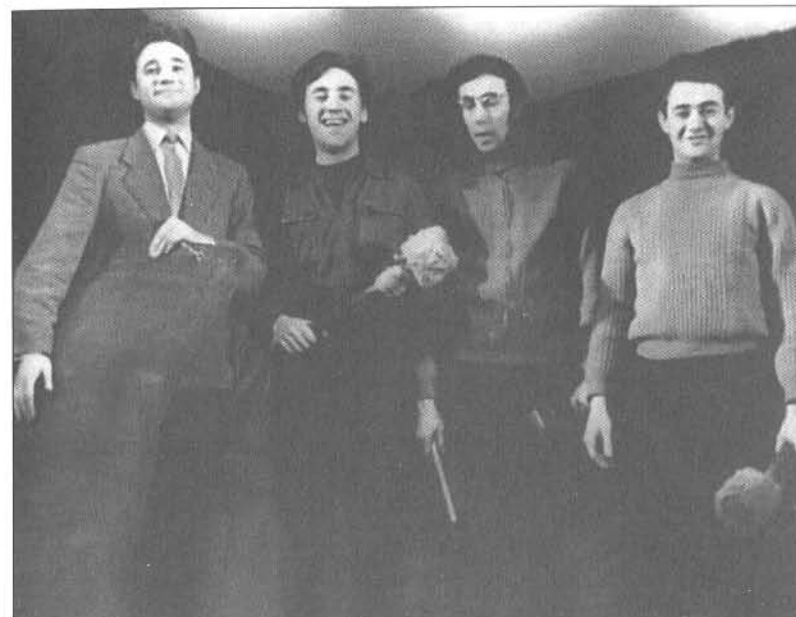

Перед поступлением
в Школу-студию МХАТ. 1956

Однокурсники. Геннадий Ялович,
Владимир Высоцкий и Валентин Буров

На последнем курсе. В центре – Владимир Высоцкий и Валентин Никулин

Сцена из студенческого спектакля

Выпускники актерского факультета. В. Высоцкий – первый слева в нижнем ряду, 1960

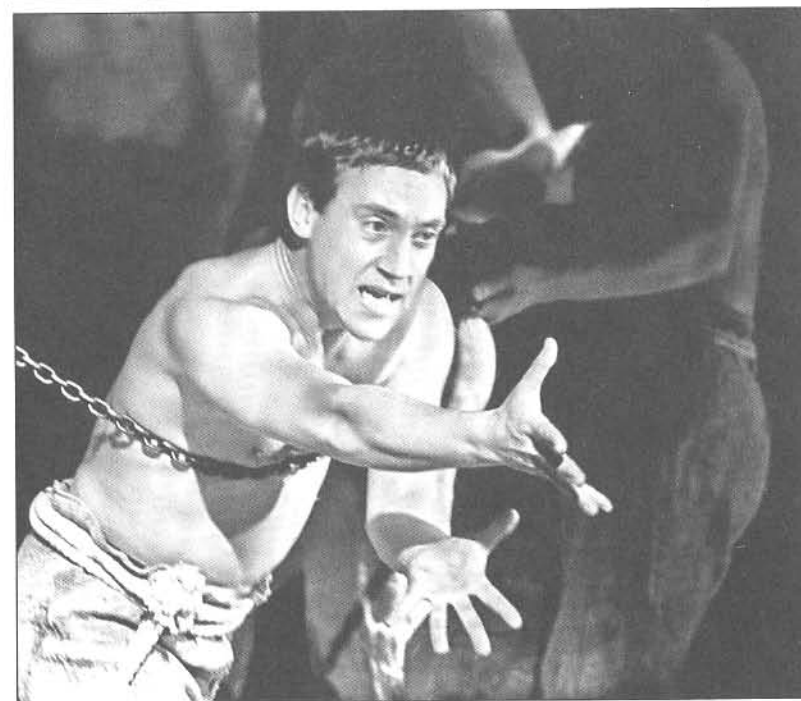
С Юрием Любимовым

Валерий Золотухин, Борис Буткеев и Владимир Высоцкий в фойе Театра на Таганке перед началом спектакля «10 дней, которые потрясли мир». 1965

Театр на Таганке.
«Павшие и живые». 1965

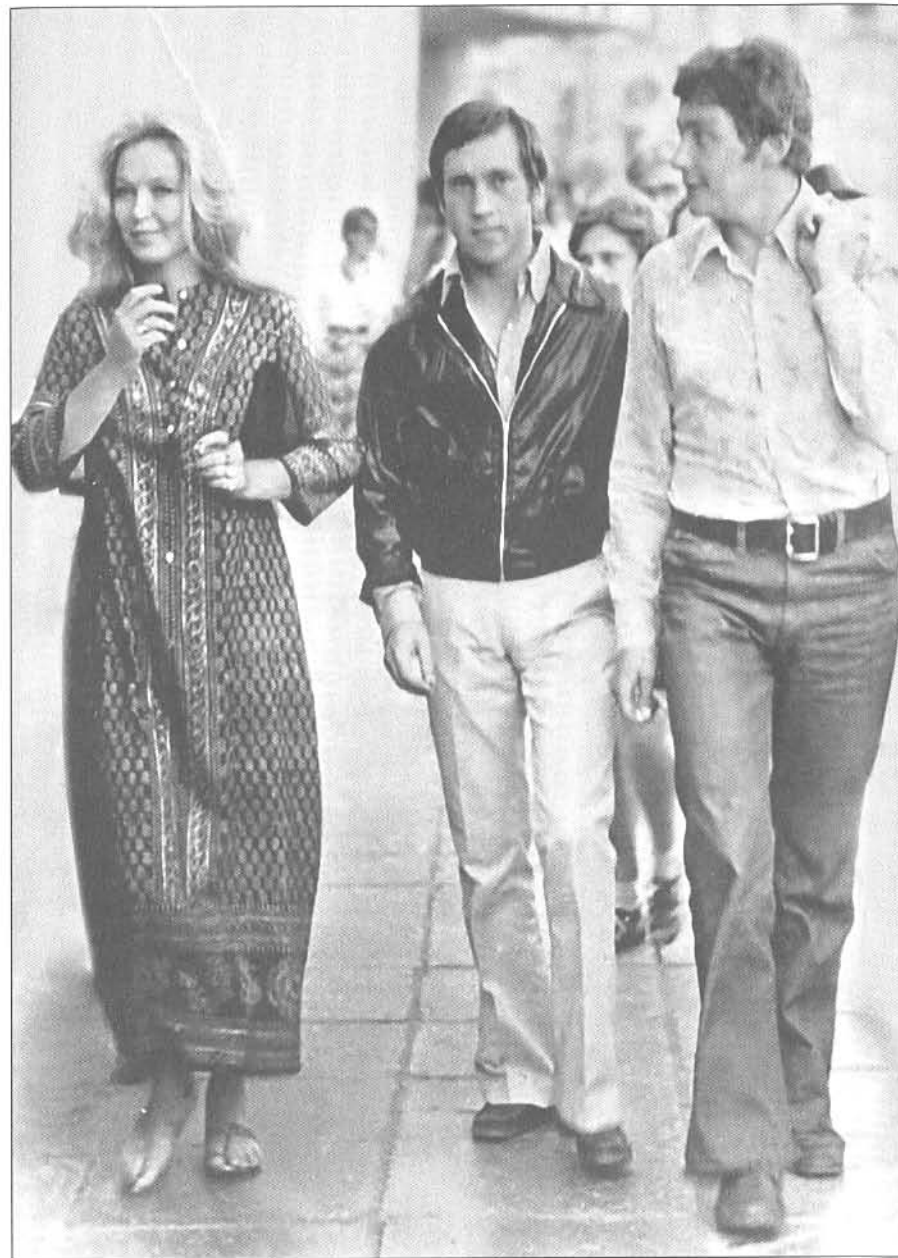
«Пугачев»,
Монолог Хлопуши. 1967

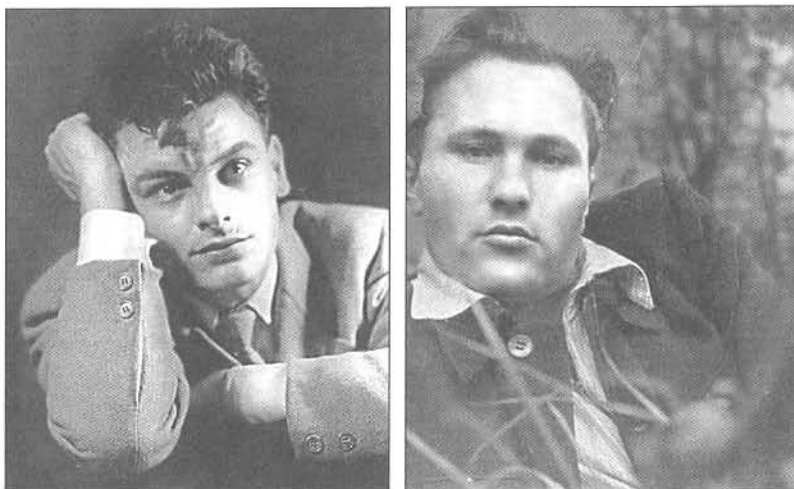

С Людмилой Абрамовой. 1961

Л.Абрамова с сыновьями Аркадием и Никитой. 1963

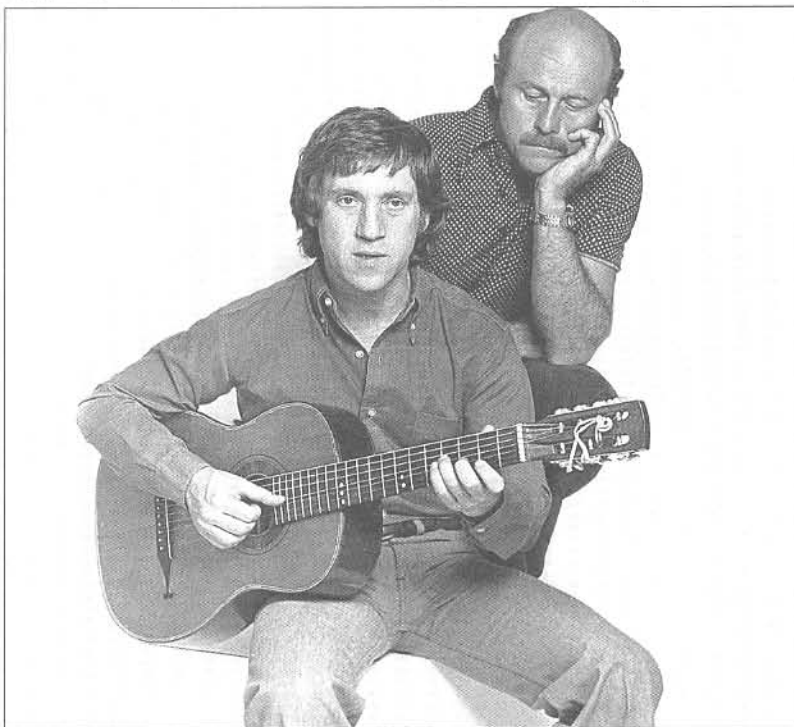

Марина Влади, Владимир Высоцкий и Всеволод Абдулов
на 8-м Московском кинофестивале. Июнь 1973

Андрей Тарковский и Василий Шукшин, 1950-е годы

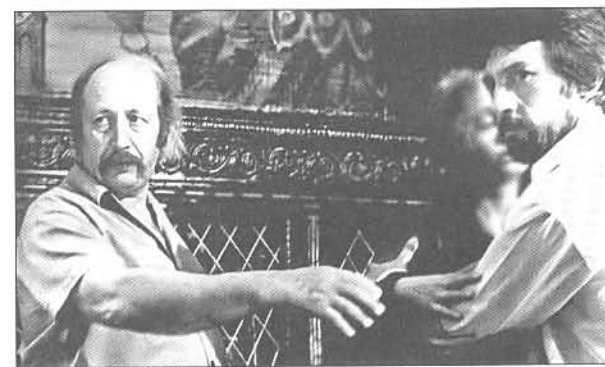
Владимир Высоцкий со Станиславом Говорухиным: 1960-е годы

С Геннадием Полокой на съемках фильма «Интервенция» (1968)

На съемочной площадке фильма «Сказ про то, как царь Петр арапа женил» (1976). С Александром Миттой

С Михаилом Швейцером во время съемок «Маленьких трагедий» (1979)

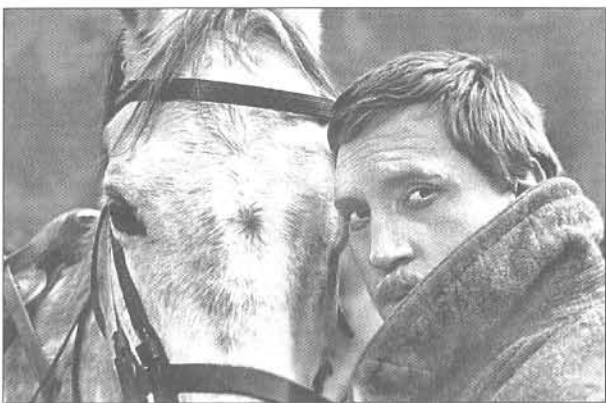
В.Высоцкий
и С.Крамаров
в кинофильме
«На завтрашней
улице» (1965).
Режиссер
Ф.Филиппов

С.В.Золотухиним
в «Хозяине
тайги» (1968).
Режиссер
В.Назаров

«Служили два
товарища»
(1968).
Режиссер
Е.Карелов

В.Высоцкий,
Л.Пырьева
и Е.Копелян
в фильме
«Опасные
гастроли» (1969).
Режиссер
Г.Юнгвальд-
Хилькевич

С.Л.Максаковой
и О.Далем
в фильме
«Плохой хороший
человек» (1973).
Режиссер
И.Хейфиц

«Место встречи
изменить
нельзя» (1979).
Режиссер
С.Говорухин

В. Высоцкий, Т. Лукьянова, Т. Додина, А. Колокольников и Н. Губенко на гастролях в Ленинграде. 1965

В. Спесивцев, В. Золотухин, В. Высоцкий, Ю. Любимов, Б. Хмельницкий, В. Смехов. Навои, 1973

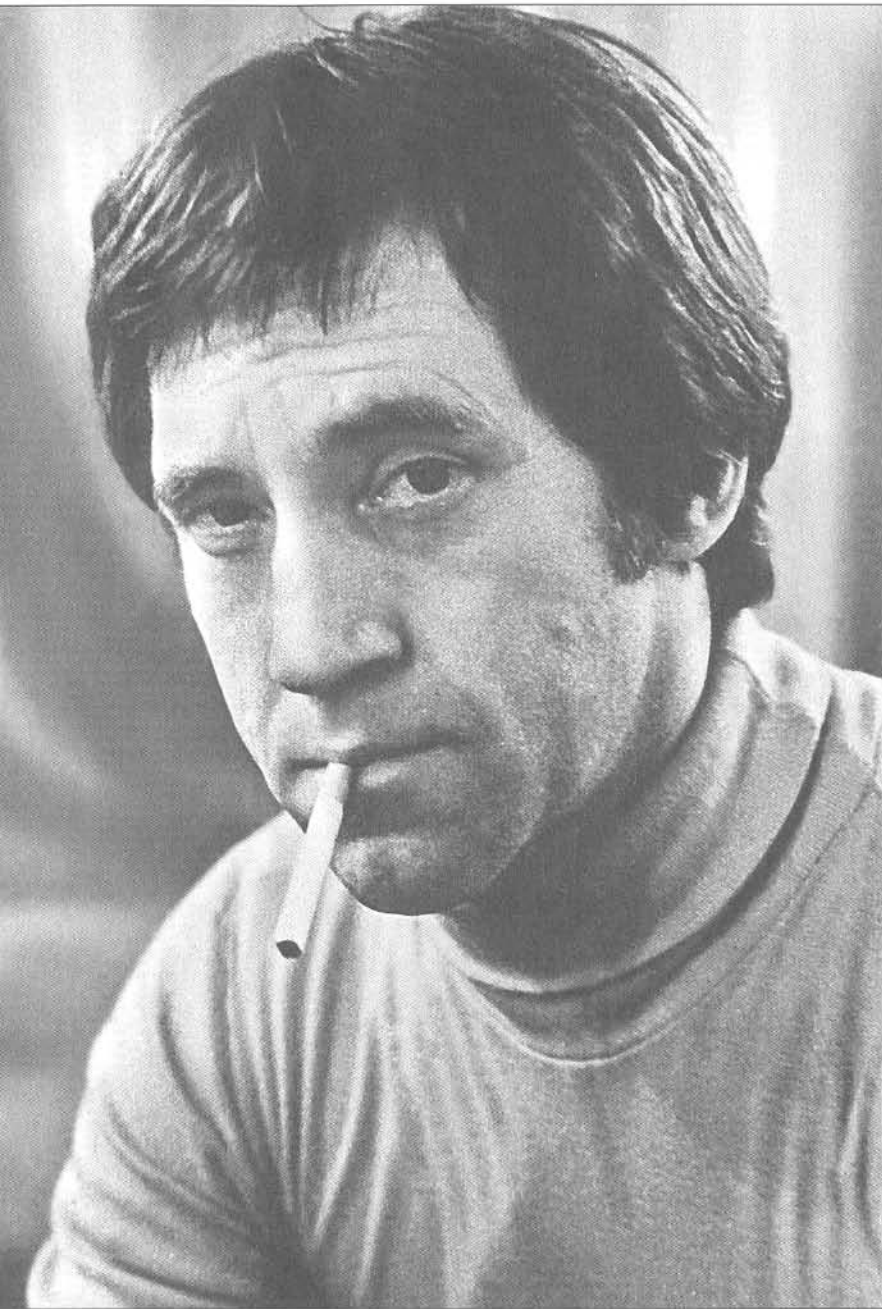

На шефском концерте. С Иваном Бортником. 1970-е годы

Театр на Таганке. В. Высоцкий — Свидригайлов за кулисами после премьеры спектакля «Преступление и наказание». Слева — директор театра Н. Дупак, справа — главный художник театра Д. Боровский. 1979

«Гамлет». Один из последних спектаклей, сыгранных В. Высоцким

да он знал наизусть. А в 1968 году, когда Высоцкий стал довольно много выступать с концертами, выяснилось, что некоторые песни он стал забывать. Тут мы напряглись, что могли, вспомнили, что-то «сняли» с пленок, тогда впервые появились напечатанные тексты его песен, впервые сделали «рубрикатор» — сгруппировали песни по темам. Эта рукопись 68-го года существует, Высоцкий ее видел, список согласован с ним. Практически это подлинник, хотя он написан и не его рукой. К этому времени было около 180 песен.

Что касается названий песен... В Москве, где он чаще выступал, считали, что песни надо называть так, как Высоцкий их объявляет. Например: «Песня о конькобежце на короткие дистанции, которого заставили бежать на длинную...» и т.д. А в Ленинграде, где достоверной информации о названиях не было (к ним доходили записи, в которых все это было вырезано — экономили пленку), стали называть песни по первой строчке. И в этом «рубрикаторе» 68-го года были сверены московские и ленинградские записи, тогда и появился первый список песен.

Концертов стало больше, и материально они стали жить лучше. Тогда Володя купил очень приличный по тем временам магнитофон — переносной «Грюндик». Мы его настроили, показали, как он работает, но Володя его так и не освоил, и они его очень быстро продали. Это была первая, к сожалению, не удавшаяся попытка Высоцкого самому перейти от фольклора устного к фольклору магнитофонному.

Расскажите, пожалуйста, как и когда проходили записи?

Поздняя осень или начало зимы 1964 года, точнее никто не может вспомнить. Домашний концерт в Лефортове — это вторая относительно качественная и длинная запись, на ней более 50 песен записано в одну ночь. А первая подобная запись была сделана в общежитии ВГИКа примерно на год раньше. Записей к этому времени было довольно много, но все они очень плохого качества. Пленка считалась хорошей, если можно было разобрать все слова. А эта запись сделана настолько удачно, что в какой-то мере отвечает современным требованиям. Сделана она на магнитофоне «Днепр-II» — по тем време-

нам это лучший отечественный магнитофон. Они приехали вместе с Людмилой сразу после спектакля. К этой записи Володя долго готовился, написал порядок исполнения песен — это было у них на шпаргалке. И магнитофон, и гитара принадлежали хозяину квартиры. Гитара до сих пор цела, гитара многострадальная, потому что хозяин ее — турист. Она побывала во многих походах, а однажды я брал ее с собой в заполярную экспедицию. Комната была маленькая, а народу набилось, наверное, человек 10 или даже больше. С торшера сняли макушку, повесили туда микрофон. Володя сел перед микрофоном, говорит: «Реагируйте». Ему обязательно надо было видеть лица людей, для которых поет.

Эта пленка интересна тем, что на ней впервые появились циклы. Потом эти циклы были обобщены в 68-м году, когда выяснилось, что Высоцкий стал забывать свои песни. Было несколько перерывов, пока меняли пленку, было несколько повторов — он останавливал, чтобы переписать песню. То есть вечер был специально рассчитан на организацию такой записи. Сохранилась сама пленка, рассыпающаяся на глазах, — она неоднократно переписывалась и в Москве известна под названием «хронология». Хозяйка той квартиры, Синельщикова Анастасия Ивановна, передала магнитофон «Днепр-II» в дар будущему музею В.Высоцкого. Она очень хороший человек, очень доброжелательно относилась ко всей нашей компании. Мы могли собираться и петь чуть ли не до утра, не давая спать ни ей, ни ее мужу. В каком-то из перерывов мы пили кофе. Она говорит, что из тех чашек осталось только три. Кофеварка цела, хоть уже и не работает. Цел и ковер, на котором мы сидели. Кто-то сел на диванчик, а кому не хватило места — на ковер. Людмила подсказывала Володе по шпаргалке, что за чем должно следовать.

Делали еще несколько записей. В 1967 году записывали у нас дома, в Медведкове. Эта пленка известная, она начинается с песни «В который раз лечу «Москва-Одесса». В Медведкове писали еще раз в начале 1968 года, — записывали песни для «Последнего парада», но Володя попросил их стереть, так как они были не литованные... И еще одна запись была сделана в 1968 году на улице Шверника, где Людмила и Володя жили вместе с Ниной

Максимовной. Причем эта запись сделана скрытым микрофоном. Володя пришел домой откуда-то очень довольный. И получилось так, что он «пришел на своей песне», то есть в это время с магнитофона звучала его песня. Мы тут же убрали звук, а магнитофон поставили на запись. На этой пленке около 16 песен, впервые записана «Сколько чудес за туманами кроется» — для фильма «Хозяин тайги». Этот фильм тогда только предполагалось снимать. Там же есть песня «На реке ль на озере», которая в фильме звучит. Запись не очень удачная, потому что микрофон лежал под медведем, у них был огромный плюшевый медведь. И когда Володя стучит ногой, ритм идет громче текста и гитары.

А почему вы записывали скрытым микрофоном?

Он не хотел: «Я после спектакля вымотанный и не в голосе. Не надо...» Но поскольку пошли новые вещи, мы все-таки решили записать.

Как Высоцкий работал над песнями?

Как он писал в последние годы, я не знаю, а вот как работал тогда, 20 лет тому назад, могу сказать. Такого творческого процесса, как сесть и написать, — не было. Песня в нем все время жила, или наоборот — он жил ею. Были песни, написанные за 5 минут — стоял в очереди, ждал телефонного звонка... А такого, чтобы «пил кофе, закуривал сигару, брался за голову» — вот этого не было никогда. Я был свидетелем рождения песни «Антисказка». Огромное количество набросков про здоровенных жлобов и про то, что кот отнес цепь куда не надо... Но все наброски разрозненные — по две-три удачные строчки. А потом фраза «Это только присказка, сказка впереди». Как только она появилась, сразу была написана «Антисказка». Кто-то про наше пение под гитару сказал во время одной из записей: «Это только присказка, а сказка будет впереди», имея в виду, что будет петь Володя. А он взял эту строчку и «положил» в нужное место.

А как он владел гитарой в те годы?

Непрофессионально. Руку на грифе держал, как держат все любители. Его владение гитарой выражалось

в двух вещах. В абсолютном слухе – гитару он строил, как хотел, подстраивал по слуху, как ему было нужно. Если какая-то струна фальшивила, он сразу тянул ее на нужное место. И второе – гитара давала в основном ритм. Ритмы его гитары очень интересные и сложные. В каком-то из выступлений он говорит, что просил композиторов-профессионалов записать его «гитарный бой», и им это удалось не сразу. И сколько было рядом людей – столько было учителей, он всю жизнь учился играть на гитаре.

Предлагал Высоцкий свои песни профессиональным исполнителям?

Когда Володя понял, что перерос уровень бытового, «квартирного» романса и его песни могут волновать миллионные аудитории – как это произошло с песнями из кинофильма «Вертикаль», – он многим профессионалам предлагал свои вещи, правда, далеко не все. Знаю, что он обращался к Камбуровой, и она ему отказала. А он считал, что многие его песни можно петь и другим.

Его реакция на критические статьи?

Критика была совершенно дурацкая. Первая большая статья появилась в «Советской России» – «О чем поет Высоцкий?» Там было процитировано пять песен, из них четыре не Володины... Реакция тогда была очень горячей. Я сам бегал в редакцию: «Как так, за чужие песни ругаете живого человека?» Мне вежливо ответили, что ошибка установлена, что меры приняты, все будет хорошо. И вот до сих пор про ту публикацию газета молчит, хотя теперь дали несколько приличных статей о Высоцком. Так что первая реакция была очень горячей, а потом такие вещи его не убивали – он продолжал работать.

Отношение Высоцкого к «бардам» и «менестрелям»?

До Володи мы записывали многих. Кумиром, конечно, был Окуджава. Но вы понимаете, в чем уникальность Высоцкого? В единстве стихов, актерского исполнения и ритмического, мелодического рисунка... Вот такого сочетания не было ни у кого. Каждая его песня – это мини-спектакль одного актера. Откройте словарь на слове лирика и вни-

мательно прочтите: «Лирика есть исполнение авторского текста под аккомпанемент лиры». Его творчество – это лирика в высшем, первоначальном смысле этого слова. И в этом смысле ни соседей, ни соперников по жанру у него не было. Он считал, что каждый должен делать свое дело. Нравились ему Окуджава и Анчаров – он говорил об этом, но никогда себя с ними не сравнивал.

А как складывались ваши личные отношения?

У нас были доброжелательные отношения, очень доброжелательные. Мы были молодыми, страна была на подъеме, настроение было хорошее, и каждая встреча доставляла нам удовольствие. В театр проситься мы стеснялись, при его жизни на Таганке я был всего четыре раза, «Гамлета», например, так и не видел. А после смерти – один раз.

Где, в каких компаниях встречались с Высоцким?

У нас была своя физтеховская компания, мы встречались практически каждый день. А с Володей виделись каждый раз, когда бывали на Беговой. Если, конечно, Володя не был на съемках. Мы тогда заканчивали институт, и все наши дипломные дела проходили у него на глазах.

Володя был невероятно любознательным, он как губка впитывал любую информацию. Он ничего не понимал в наших матрицах, интегралах и во всех остальных математических понятиях, но внимательно слушал и о многом спрашивал.

Какие слова, случаи, события, знакомые вам, появлялись потом в песнях Высоцкого?

Все, что он видел, все, что слышал, все, что узнавал, – есть в его песнях. Многие вещи мы еще не уловили, не выловили – они пока существуют между строк. Например, «Песня про конькобежца...» В первом варианте было так: «Пробежал всего полкруга и упал...» – звучит хорошо. Но когда Володя узнал, что самая короткая дистанция – 500 метров – это больше круга, он переделал: «Пробежал всего два круга и упал...» Он очень внимательно следил за достоверностью всех деталей, которые попадали в песни.

Повторяю, он впитывал буквально все. Обычно люди интересуются чем-то одним, а Высоцкий — буквально всем. Наша студенческая группа увлеклась подводным плаванием. И все наши разговоры об аквалангах, о погружениях, об экспедициях Володя слышал. Потом мы организовали клуб подводного плавания «Сарган» и попросили Володю написать песню. Он очень быстро написал — «Нас тянет на дно, как балласты», но песня не получилась. Там все правильно — термины, словосочетания, ситуации, все безукоризненно. Но чего-то не хватало, и песня практически не исполнялась. Лет через пять Володя написал новый вариант, и в конце концов получилось «Упрямо я стремлюсь на дно», и это трогает людей гораздо сильнее.

Повторяю, все, что есть в песнях Высоцкого, было им увидено или услышано, пропущено через себя. Если мы пока не нашли источник, то или мы плохо знаем его песни, или плохо знаем его жизнь. Помните: «Борис Буткеев (Краснодар)...», а дальше: «...он сибиряк, настырные они...» Почему сибиряк, если из Краснодара? А в первом варианте песни «Сентиментальный боксер» было так: «Противник мой — какой кошмар! — проводит апперкот...» — и все было прекрасно. Но потом, на каком-то очередном таганском капустнике Володя вставил Бориса Буткеева. Буткеев был тогда рабочим сцены, потом стал актером Театра на Таганке, так он действительно из Краснодара. И эта строчка, взятая прямо из жизни, так и осталась в песне.

Часто ли Высоцкий пел просто так — в доме, в вашей студенческой компании?

Он практически никогда не отказывался петь — пел и по просьбам, и по заказам, пел в самых разных ситуациях. Мне тогда очень нравилась песня «Вот так оно и есть, словно встарь, словно встарь...» Вот нравилась она мне — и всё тут. Помню, я болел, мы жили тогда на Гоголевском бульваре, и Володя пришел меня навестить. Я попросил, и он с удовольствием спел эту песню... А если отказывался, то или горло болело, или уж очень был занят.

А часто болело горло?

Тогда — нет. Горло было, как говорится, луженое. И запас жизненных сил был еще громадным.

А как у Людмилы складывалась профессиональная карьера?

Вопрос этот достаточно сложный. Она — невероятно талантливый человек, от природы ей очень много дано. Пишет прекрасные стихи...

Володя не отрицал, что в первых вещах есть ее влияние. Он с ней советовался, они вместе шлифовали какие-то куски. Во ВГИК она поступила легко, хотя конкурс, как всегда, был громадный. Не могу сказать, чтобы она училась без усилий, — Мастер всегда найдет ступеньку, на которую тебе нужно подняться. Тем более что группа Михаила Ромма была очень сильной. Но актерская карьера у Людмилы не сложилась. Она снялась в «713-м...», в фильме «Восточный коридор» Минской студии. Потом телевизионные фильмы: «Не жить мне без тебя, Юстэ» и «Комната», где они снялись вместе с Володей. Конечно, двое детей... Это не способствовало актерской карьере. Кроме того, жизнь с таким мощным лидером всегда сложна...

А материальное положение? Были сложности?

Нужно учитывать вот что... Актер, если он снимается в кино, получает деньги раза два в год. Деньги, которые инженеру и не снились... Но бывает так, что недели через две их уже нет. Поэтому актерская жизнь, с этой точки зрения, довольно сложна. Я не могу сказать, что денег у них вообще не было. Родители — и те, и другие — были в общем обеспечены и помогали, так что особых проблем не было...

Марина Влади подчеркивает в каждом интервью: «Пошел плохо одетый молодой человек...» Это полуправда. В 60-е годы многие у нас имели по одному костюму, и все считали это нормальным. А с середины 60-х, когда Володя стал регулярно сниматься, стал чаще давать концерты, их материальное положение резко улучшилось, они отремонтировали квартиру, на заказ сделали мебель, она цела и сейчас.

Среди коллекционеров получил распространение текст, который называется «Кольцо». Он действительно записан со слов Людмилы Абрамовой?

Автор несколько раз встречался с Людмилой в 1981 году. И какие-то ее слова переданы совершенно точно, но очень много придумано, искажены некоторые факты. А главная беда в том, что этот текст распространялся без согласия Людмилы и без согласия автора.

Москва, 1987

Как в вашем фильме появились актеры Людмила Абрамова и Владимир Высоцкий?

В картине «713-й просит посадку», где я работала вторым режиссером, на главную женскую роль была утверждена актриса Нинель Мышкова. Но она уехала в Киев, попробовалась там в какую-то двухсерийную картину — ей это показалось интересней нашей работы, и перед началом съемок, когда все актеры были уже утверждены, мы остались без главной актрисы. Надо было в срочном порядке подобрать нужную даму, и меня отправили в Москву на поиски. Поскольку актерский ансамбль подобрался очень сильный, задача передо мной стояла непростая.

Первым учреждением, в которое я кинулась, был ВГИК. Поначалу стала смотреть старшекурсников. Согласитесь, дама на роль должна быть очень привлекательной, «зазывной», я бы сказала. Честно говоря, уже не помню, у кого училась Люся. Я увидела барышню высокого роста с очень любопытным лицом и решила: «То, что нам надо!» Мы поговорили, сели в какой-то городской транспорт, поехали к ней домой. Люсин дом показался мне чрезвычайно интересным: мама, по-моему, преподавала, а бабушка осталась в памяти как поразительный представитель петербургской интеллигенции. Мама — мы ведь с Люсей приехали неожиданно — встретила меня в спортивном костюме, небольшого росточка, крепко сколоченная. По внешнему виду я бы сказала, что она занимается штангой, гирями или чем-то в этом роде. Мы предупредили ба-

бушку и маму и, испросив разрешение во ВГИКе, в тот же день уехали в Ленинград.

Съемки начались. И не где-нибудь, а прямо в аэропорту. В костюме актрисы Мышковой временно была одета дублерша, ведь еще никто не знал, кого я привезу. Люся оказалась примерно на голову выше Мышковой. Мы загримировали ее, как сумели, и сразу поехали на съемочную площадку. Наш режиссер Григорий Георгиевич Никулин и оператор Вениамин Фаустович Левитин в один голос сказали: «Быстро в кадр!» Так начался первый съемочный день Люси, которая не знала, куда она едет, «во что» едет — она просто доверилась моему рассказу о нашем будущем фильме.

Володю Высоцкого я нашла раньше: договор на съемки мы с ним подписали еще в июле. Сейчас я прочла о Володе много разных рассказов — и очень хорошо знакомых мне людей, и совершенно незнакомых, которые почему-то оказались «очень близкими его друзьями» и которые «очень хорошо знали его семью, и маму, и папу». Я не могу отнести себя к числу этих людей, потому что занимаюсь, как правило, подбором актеров на новый фильм — для меня это самый интересный процесс: рождение актера. И только в этом качестве я была знакома с Володей.

Как-то в московском Театре имени Пушкина я обратила внимание на молодого человека с гитарой — у него было очень любопытное, неординарное лицо. Если честно, даже не помню, в каком спектакле я его видела, проходная роль. Познакомилась, записала его координаты, сказала, что обязательно вызову на пробу. Всенепременно. Мы распрощались. И я тут же встретила Бориса Петровича Чиркова, с которым очень много лет была в самых дружеских отношениях — мы даже одно время вместе работали в ленинградском ТЮЗе. А тогда он играл в Театре Пушкина. Спросил меня: «Кого выудила?» — «Высоцкого». — «Он парень очень одаренный, но ты с ним натерпишься».

Володя работал в театре только второй сезон, но, очевидно, уже показал себя не лучшим образом. Я не стала выяснять, как именно, потому что, честно говоря, меня это не волновало.

Володя приехал на пробы в Ленинград. По-моему, пробовался в один день с Валентином Гафтом. Гафт пред-

полагал играть роль, которую позже отдали Отару Коберидзе — тот первым прошел пробу. А вторым пробовался Володя. Просто подошел к камере, спел какую-то песню, был очень контактен, как-то очень располагал к себе, и мы все решили: а чего нам еще искать? Прелестный молодой человек, неординарная внешность — давайте его и утвердим. И Володя в числе других актеров был утвержден на роль молодого солдата американской морской пехоты.

Эта проба Высоцкого сохранилась?

Думаю, нет. Но много лет спустя мы встретились с Володей на картине «Сладкая женщина», которую делал Владимир Александрович Фетин. Мы очень долго добивались приезда Володи — он в ту пору был занят у Митты в «Арапе» — очень хотели, чтобы он снимался у нас. Володя по-пробовался — по-пробовался замечательно! — но снимать его нам не разрешили. Просто не разрешили. А проба была удивительная, надеюсь, она сохранилась. Однако вернемся в Ленинград.

Григорий Георгиевич Никулин был хорошо подготовлен к этой картине. Я давно работаю на киностудии, но и для меня совершенно неожиданными были такие карты режиссерской разработки. Точно указаны кресла в самолете, и кто где сидит, и кто в каком кадре занят. Словом, работать было легко: вечером точно известно, что будем завтра снимать, какой именно кадр — сотый, трехсотый или пятисотый.

Я уже говорила, что у нас такой хороший актерский ансамбль собрался, не просто актеры — люди собрались. Просто поразительно! Все друг друга любили, все друг за другом ухаживали. У нас были и пенсионеры, и молодежь. Многие получили прозвища: артиста Барушного называли «Барушной тип», Ефима Захаровича Копеляна — «Ефимом Закадровичем», кое-кого из дам — «Отаровы вдовы»... А одно прозвище я вам даже не назову, потому что вам просто станет нехорошо. К сожалению, многих актеров уже нет с нами... Например, замечательного актера Аркадия Оберберга, артиста еврейского театра. Он уже в то время был на пенсии — поразительный человек! У нас играл «господина с рыбками».

А что вы можете рассказать о Владимире Высоцком и Людмиле Абрамовой?

Очень трудно говорить о взаимоотношениях людей, если эти отношения рождаются вне коллектива. Мне кажется, что это никак не входит в функции второго режиссера. И даже первого! Почти все актеры жили в одной гостинице, много общались вне съемочной площадки. Единственное, что мы заметили: Люся иногда носила свитер Володи, ей было холодно. Нам казалось, что имеет место нормальная человеческая дружба. Во что это выльется, и в голову не приходило, и времени просто не было смотреть: «А кто там чем занимается?» Мне казалось, что это дружба, очень чистая, очень нежная. А что происходило между ними, я затрудняюсь сказать: вам, очевидно, известны заботы второго режиссера — исключительно много объектов внимания. Потом Люся и Володя поженились, у них было двое детей, мальчики...

Я до сих пор отношусь к Володе с необыкновенным уважением. Сейчас ходит такое количество небылиц о нем... На съемочной площадке Володя был одним из «младших», моложе его только Костя Худяков и Ирочка Губанова. Он был невероятно смешливым. Однажды ночью, когда мы снимали очень серьезную сцену — передавали из рук в руки бутылки с горячей водой и все должны были молчать, — Володя сквозь зубы рассказал мужчинам какой-то анекдот. В результате все актеры во главе с Ефимом Захаровичем Копеляном, тоже невероятно смешливым, просто визжали от смеха. Мы во время съемки писали звук «вчистую», не переозвучивали потом. Григорий Георгиевич злился, но когда ему рассказали «об чем речь» — тоже расмеялся, и все довольно долго не могли сосредоточиться...

Однажды, когда Володя снимался у Иосифа Ефимовича Хейфица, к нему приехала Марина Влади. Это было в «Плохом хорошем человеке». И Володя, увидев меня в кафе, закричал на весь зал: «Маша, ты посмотри, кто идет! Это же Анна Давыдовна, которая привела меня в кинематограф, — зачем ей это было нужно, одному Богу известно!» Так состоялось мое знакомство с Мариной Влади, правда, на этом оно и закончилось.

На съемочной площадке Высоцкий был только послушным исполнителем режиссерской воли или что-то привносил от себя?

Я должна сделать комплимент режиссеру Никулину: он точно знал, чего хочет, но если от актера исходило что-то стоящее, он это принимал, в противном случае старался осторожно от этого избавиться. Да и сама картина не очень-то давала возможность для актерской импровизации: весь фильм герои сидят в креслах — за исключением нескольких эпизодов — и очень ограничены в пространстве. Не разбежишься.

А сцена истерики, которую Володя сыграл, была настолько удивительна, что повторить ее точно так же, как он сыграл ее поначалу, было просто невозможно. И реакция всех окружавших его актеров на эту сцену была очень точной, поэтому снимать второй дубль не было необходимо. А больше у него по сценарию и не оказалось возможностей показать свое «что-то такое».

Он не пел тогда?

Конечно, пел! Гитара была его постоянным спутником, неотъемлемой частью. Не могу сказать, свои ли песни он пел, — в ту пору никто ничего о Володе не знал, и я в том числе. Просто появился на съемочной площадке симпатичный парень с гитарой, между делом что-то брэнчал, рассказывал много любопытного, интересного. Иногда срывался. Приходилось приостанавливать съемку, лечить.

А кто лечил и как?

Сами. Крепким чаем, кофе. Он ведь добрый был парень. Люди в таком состоянии ведут себя очень разнообразно, а он смеялся, сам веселился и всех веселил. Но чем больше смеялся Володя, тем больше нам казалось, что дела вот-вот пойдут совсем не смешно. Конечно, долго мы из-за него не стояли — снимали кадры, где он не был занят. А потом Володя приходил в себя, и мы работали дальше. Я не могу сказать, что он был в таком состоянии, что с ним невозможно было работать — просто чуть больше нервозности, чуть больше смеха... Всего чуть-чуть больше.

Геннадий Иванович Полока рассказывал, что на съемках «Интервенции» Копелян был буквально влюблен в Высоцкого.

Я думаю, что более тесный контакт у них появился позже, на других картинах. На нашей не видела, чтобы у Володи был какой-то безумный контакт с кем бы то ни было. Володя ведь в те годы еще не был такой заметной фигурой. Нет, Боже сохрани! Самым уважаемым человеком из нашей актерской братии был Владимир Иванович Чесноков, его нежно любили все.

Были сняты какие-то кадры, которые не вошли в картину при сдаче?

В сценарии был эпизод, довольно большой, священник призывает пассажиров самолета покаяться перед смертью. Каждый относится к этому по-разному и при этом больше раскрывается как человек. Не могу вспомнить, почему вырезали эту сцену – нужно просмотреть замечания комиссии по приемке фильма: что именно им там не понравилось. Помнится, в этой сцене как-то раскрывалась связь героини Люси Абрамовой с Гюнтером, ее отношение к подпольной борьбе. Там выяснялось, что дети, которых она выдает за своих, вовсе не ее дети, а погибшего подпольщика. Там, по-моему, многое проясняло и дополняло замысел по каждому основному персонажу.

И американский солдат, которого играл Володя Высоцкий, тоже как-то реагировал на предложение исповедаться и покаяться, но как – уже не вспомню: слишком много прошло лет.

Почему «713-й просит посадки» никогда не показывают по ТВ?

Я тоже удивляюсь, что такая хорошая картина где-то «заночевала»! Может быть, ее прижали потому, что там большую роль играл актер Лев Круглый, который «уехал»? Допускаю, что именно это послужило поводом... Мне кажется, пришло время выпустить ее еще раз. Прокатывают же «Вертикаль», да и другие старые фильмы с Володей.

Мне очень дорого, что Володей сейчас так интересуются. Единственно, чего очень не хотелось бы – чтобы

это обростало комом всяких лишних разговоров. Не надо восторгаться и обожествлять, не надо выискивать недостатки. Факты, больше фактов, случаев из жизни, со съемок, спектаклей, гастролей – и читатель сам поймет, каким был человек, творчеством которого он заинтересовался.

1990

I

История нашего знакомства... Очень долгое время, пока в это не вмешался некий Абычев, она казалась мне замечательной и даже судьбоносной. И Володя сам ее много раз рассказывал. А сейчас мне очень трудно об этом говорить...

Если следовать фактам, то это было так. Мне предложили — практически без проб — войти в картину «713-й просит посадку». Актриса, которая уже работала, отказалась. И я поехала в Ленинград: снималась там я в первый раз, но была не в первый, и у меня в Ленинграде было много хороших и интересных знакомств. Поехала с удовольствием, и все мне страшно понравилось: студия, гостиница... И в кои веки вгиковцам официально разрешили сниматься! Но я была без денег: оформить-то меня оформили, а пока поставят на зарплату, пока то, пока се... Попросить аванс — мне тогда и в голову не приходило. То немногое, что было, я проела в первые два дня. А уже самые последние деньги истратила в ресторане гостиницы «Европейская», в «Восточном» зале. В такой компании: художник Гера Левкович, драматург Володин, актер Карасев, — в общем, приятная, дружеская, милейшая компания. Мы главным образом ели — не такие уж мы были пьющие люди. Просто хорошо наелись.

И поздно вечером я поехала в гостиницу, они меня провозжали. У каждого осталось по три копейки, чтобы успеть до развода мостов переехать на трамвае на ту сторону Невы. Я — уже буквально без единой копейки — подошла к гостинице и встретила Володю. Я его совершенно не зна-

ла в лицо, не знала, что он — актер. Ничего не знала. Я увидела перед собой выпившего человека, и, пока я думала, как обойти его стороной, — он попросил у меня денег. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря на холодный, дождливый вечер, он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь. Попросила денег у администратора, — та отказала. Обошла знакомых, которые жили в гостинице, ни у кого не было. И тогда я дала Володе свой золотой с аметистом перстень — бабушкин, фамильный, действительно старинный. Володя отнес перстень в ресторан: там что-то произошло, была какая-то бурная сцена, он разбил посуду. Его собирались не то сдавать в милицию, не то выселять из гостиницы, не то сообщать на студию. Володя отдал перстень с условием, что утром он его выкупит. После этого поднялся ко мне в номер — там мы и познакомились...

Собственно говоря, мы и познакомились на том, что, войдя в номер, Володя предложил мне стать его женой. Нельзя сказать, что с моей стороны это была любовь с первой секунды... Когда я сейчас себя тогдашнюю вспоминаю, то думаю, что там было очень много позы. Сколько хорошего, столько и плохого, может быть, плохого даже больше. Такая вот поза самовлюбленности, наверное, еще и потому, что меня так внезапно взяли сниматься, без проб... В общем, не самые хорошие чувства мной руководили тогда.

В тот же вечер, чтобы что-то о себе сказать, заявить себя, Володя пел. Он пел, а не объяснял мне, что он — актер, что снимается на «Ленфильме». А если бы сказал, то мы бы сразу поняли, что снимаемся в одной картине. Говорят, Володя меня знал, видел в Москве на вокзале. Об этом вспоминает Миша Туманишвили. Но у меня — никаких ассоциаций. Он пел «Вышла я, да ножкой топнула...» — и ничего, кроме песен и того, что у него не было денег, я не знала.

В моем поступке никакого особенного благородства не было, но я все-таки горжусь, что сразу увидела — это что-то совершенно необыкновенное... Все-таки я училась на актерском факультете, видела настоящих актеров, — это я отличила, это я смогла понять. Но в ту минуту я во-

обще не думала, что будет какое-то длинное будущее. Да, у меня была решимость: если я выйду замуж, то это — все! Но в этом тоже было такое... фрондерство. Даже если бы Володя оказался не тем, кем он оказался, я бы все равно — из упрямства — осталась с ним. Да, наверное, осталась бы. Но довольно скоро я поняла, что сама — первой — я не смогу уйти, и не только из упрямства. Просто не смогу. На следующее утро Володя выкупил кольцо, и мы вместе поехали на студию. Мы торопились, опаздывали...

Вы уже знали, что снимаетесь вместе?

Нет! Если верить тому, что Володя видел меня на вокзале в Москве и запомнил, он-то знал... А я совершенно не знала. Для меня понимание пришло в тот момент, когда мы оба вытащили ленфильмовские пропуска, вошли в студию, поднялись на один этаж, зашли в одну группу. И потом мы это между собой не выясняли. Но как будто что-то нас вело, как будто это должно было случиться. Ощущение точности замысла и высшей справедливости...

Мы очень хорошо жили в Ленинграде. Снимались... Ели «некондиционные» пончики в соседней «Пончиковой». Если пончики получались кривые, то их откидывали в брак. И Володя договорился, что все кривые — наши... Но по временам были какие-то деньги. Мы ели в ресторане гостиницы. Кстати, все в гостинице Володю очень любили, несмотря на тот скандал. Все очень любили.

Еще я помню, как Володя очень красиво дрался. Тогда он потряс мое воображение, почти как пением. Мы сидели в ресторане и ели бефстроганов из одной мисочки двумя вилками. И вдруг ко мне пристал какой-то мужик. Но он даже не успел начать приставать, как Володя полез драться... Бог мой! Все в ресторане повскакали с мест, скатерти и графины летали в воздухе! Именно так снимают «каскады» в кино... Володя выскочил из пиджака, выскочил из свитера, четыре человека хватают его с разных сторон, вдруг он уже на столе! Музыканты на сцене «балдели». В драку они не вмешивались, молча «болели» за Володю. И когда стало ясно, что он победил всех, — нам принесли бесплатный ужин... Все получили удовольствие.

Высоцкий работал тогда в Театре им. Пушкина. Он ездил в Москву на спектакли?

В театре он тогда как бы дорабатывал... Мы снимались по времени больше, чем планировалось: актрису сменили, чего-то не успевали... Срок, на который его отпустили в театре, кончился, ему надо было играть в спектаклях. Раз-другой он вроде бы ездил, потом как-то не доехал... И его просто уволили. Но тогда уволили довольно мирно, кажется, «по собственному желанию». Володя уже очень неохотно туда ездил, а работа в кино ему доставляла удовольствие. В картине было много потрясающих актеров, просто потрясающих! И Володя был среди них как равный — не просто по легкой актерской демократии — а потому, что они на самом деле к нему хорошо относились. Ефима Копеляна Володя полюбил, что называется, на всю жизнь. Ефим водил нас в свой театр, из-за кулис мы любовались, как он играет в «Скованных цепью». Это было замечательное время...

Вместе вы в Москву летали?

Несколько раз. Летали на ноябрьские праздники. И чтобы не тратить деньги на билеты — студия такие праздничные поездки, естественно, не оплачивала, — мы летели с летчиком, который был консультантом на картине. Звали его Спартак... А фамилия... Гриневич! Спартак Гриневич. Он нас возил в кабине самолета, безо всяких билетов.

А окончательное возвращение в Москву?

Приехали домой. Конечно, вся моя семья пришла в ужас. Не потому, что Володя показался им глупым, не потому, что они подумали: он — нечестный и неблагородный человек... Нет. Может, и у них было какое-то тщеславие: я, студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного... Человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами и сделает препозицию насчет их дорогого дитя... Во всяком случае, они приняли нас прохладно.

А у меня это отдалось потом тем, что с момента рождения Аркаши я уже думала, что буду чьей-то свекровью... Что мой ребенок кого-то ко мне приведет... И, наверное,

неплохо, что я увидела, как это ужасно, когда не с первого раза все хорошо.

И Нина Максимовна — Володина мама... Поначалу и она отнеслась к этому сдержанно. Тем более, она-то знала, что Володя еще женат на Изе (Иза Константиновна Высоцкая — первая жена В.С.Высоцкого. — В.П.).

Потом я познакомилась с Семеном Владимировичем Высоцким и тетей Женей, и одновременно с большим количеством родных Володи. В Киев уезжала мать Семена Владимировича. И там на вокзале были все: и дядя Леша (Алексей Владимирович Высоцкий) с тетей Шурой, Лида Сарнова с Виталиком... И мы все познакомились. Там мне показалось немного теплее, но в то же время я почувствовала... Да, праздничная атмосфера, да, семейная торжественность, а там, внутри, — бог знает как...

Первое время мне было обидно, что Володю моя семья не очень приняла, за исключением бабушки — ей он понравился сразу. Было обидно, что я неканоническим способом попала в Володину семью... Конечно, всех смущало то, что мы очень долго были не зарегистрированы, не «расписаны». А в то время это было важно — на матерей-одинок сходились очень недоброжелательно. Но вот честно: для нас с Володей это никакого значения не имело.

Отношение Высоцкого к детям?

Давайте разделим: отношение Высоцкого к детям и отношение Высоцкого к женщинам. Детей — даже собственных — Володя немного стеснялся. Не потому, что он к ним плохо относился, а именно потому, что уважал их, даже грудных детей уважал. Это звучит смешно, но это так. Уважал. Как мы — робеем перед высшим судом, перед высшим авторитетом. И не потому, что чувствовал какую-то вину, нет. Но стеснялся детей... Он боялся им не понравиться! Честное слово! Причем с самого начала. И никогда не подлизывался...

Дети — это много домашней работы: стирка, уборка, пеленки...

Никогда никакой домашней работой Володя не брезговал. Он и пеленки стирал, и таскал детей на руках, и бегал за молоком... Домашнюю работу он делал весело и артистично.

тично. Скучал без детей, беспокоился за них. Как многие отцы, он беспокоился даже больше, чем я, потому что просто не знал, насколько прочны у ребенка руки и ноги. Никогда с детьми не сюсюкал. Не только с нашими, вообще никогда. Никаких специальных детских словечек не было, — всегда серьезно, как со взрослыми, как с равными...

Сказать, что дети были очень сильно к нему привязаны, я не могу. Конечно, и Аркаша, и Никита больше были привязаны ко мне, к моей маме, к Нине Максимовне. Просто потому, что они Володю редко видели. Надо же понять — театральный актер вечером дома не бывает. По выходным и праздникам — тоже не бывает. А гастролы, а съемки... Но все равно он всегда помнил про них. Аркашину фотографию до дыр заносил. Никитина была маленькая, аккуратная, помещалась в бумажнике. Да что говорить, он действительно их любил.

Когда мы расстались, он приезжал, когда мог. Я, правда, не любила отпускать с ним детей. Не любила. Тут я должна объяснить одну существенную вещь. Скорей, ответить на замечание Нины Максимовны, что Володя очень переживал, когда дети учились в школе под моей фамилией. Действительно, я об этом договорилась с директором школы. Они учились под моей фамилией, пока не получили свидетельства об окончании восьмилетки. Не знаю, но мне кажется, что Володя это понял. Я ему объяснила... Не то чтобы я спрашивала разрешения, я в любом случае это бы сделала, чтобы детей не коснулись сплетни. Злых языков и грязных сплетен именно тогда, в начале семидесятых, было много. И эти сплетни не коснулись детей. Наверное, Володя был огорчен, но он понял, что это правильно. А потом ребята взяли их законную фамилию. Никита перешел в спортивную школу, Аркаша — в специальную математическую. Аркадий любил астрономию и математику, а Никита занимался баскетболом.

Ну а отношение к женщинам?

Пусть плюнет мне в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Никогда не поверю, если кто-то будет это утверждать. Никогда не слышала, чтобы Володя хоть что-то неуважительное сказал про Изу. Когда она приезжала в Москву, Воло-

дя ездил с ней встречаться — иногда у тети Жени, а чаще у Карины Диодоровой. И никогда Володя не чувствовал, что совершает неблагородный поступок по отношению ко мне. Я Изу совершенно не знала и не то чтобы ревновала, но — удивлялась. И зря удивлялась. Может, если бы я не удивлялась, Володе не пришлось бы говорить мне неправду. И если ему приходилось это делать — это на моей совести, а не на его. Это я как перед Богом говорю.

Где вы жили?

Первое время на Беговой, в квартире моего дедушки. Там жили дедушка с бабушкой, сестра бабушки, моя мама и мы с Володей. Папа не постоянно там жил, потому что его мать, моя вторая бабушка, была очень больна. Квартира была двухкомнатная. Там же родился Аркаша, потом Никита.

Квартиру в Черемушках Нина Максимовна получила, когда Аркаше был год, — это было поздней осенью 63-го. По-моему, новоселье мы праздновали как раз в Аркашин день рождения. Но там была все-таки совсем маленькая квартира. И мы жили на два дома: то у Нины Максимовны, по временам у моих родных. А окончательно к Нине Максимовне мы переехали осенью 65-го и жили там до осени 68-го.

Родители — с той и с другой стороны — помогали вам?

Конечно! Мы без этой помощи просто не смогли бы прожить. Материально? Ну что могла Нина Максимовна с ее маленьким окладом!.. Но сколько же она делала! С какой любовью, с какой тщательностью готовила Аркашино приданое, Никитино приданое... В то время ведь трудно было с детским бельишком: не то что импортную, советскую распашонку невозможно было найти. И Нина Максимовна ухитрялась при всей своей занятости где-то все это находить!

Конечно, и Семен Владимирович, и тетя Женя тоже... Они иногда и деньгами помогали, но мы сами старались решать свои денежные проблемы. Хотя, что говорить!.. Когда Володя регулярно стал получать на Таганке, это было семьдесят рублей в месяц. Почти все уходило на няню, чтобы я постоянно могла быть рядом с ним. Во-первых, я

сама хотела этого, во-вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет...

Значит, в театре вы бывали часто?

Очень часто. И только теперь я понимаю, как хорошо ребята ко мне относились. А тогда мне казалось, что они на меня косятся: вот, таскаюсь за ним! Чаще всего я сидела в первом ряду. Потому что боялась, что он забудет текст, и Володя этого боялся. Я сидела и автоматически шевелила губами. В то время у меня была неплохая память — помнила все его роли. И как «сурдоперевод» — сидела и шамкала ртом. А еще — по образному выражению Бори Хмельницкого — брызгала слезами им на колени. Я была очень эмоциональным зрителем, да и сейчас я такая... Больше всего любила ходить на «Галилея» и до сих пор считаю, что этот спектакль не был по достоинству оценен. Это грандиозный спектакль!

Общение Высоцкого в то время?

Володя был страшно общительным человеком, и я думаю, что к концу его жизни этим многие злоупотребляли, и как раз в тот момент, когда его общительность очень сильно пошла на спад...

Но тогда — в шестидесятые годы — он очень легко сходился с людьми. Правда, мог и без этого обходиться, бывало, ему просто хотелось посидеть дома, поболтать о какой-нибудь ерунде... Но на общение всегда шел очень охотно.

Я прочитала у Виктора Шкловского о том, что Лев Толстой был не слишком верным другом, менял друзей. Но это надо точно и правильно понимать... Это можно отнести и к Володе. Стоит вспомнить и Гумилева: «Только змеи сбрасывают кожу. Мы меняем души — не тела».

Это не значит, что человек предает самого себя, это значит, что человек растет, развивается. И меняет его не седина в волосах, а душевная седина — в смысле мудрости. При этом он перерастает самого себя.

Да, Володя удалялся от каких-то прежних друзей, но никогда не уходил не по-хорошему. О своих друзьях

плохо иногда говорил и говорил заочно. О женщинах — никогда, о друзьях — бывало... Ругал, обижался. Но то же самое мог сказать им в глаза. И как быстро возникала обида, так же быстро она проходила. Володя был очень отходчивым.

Он себя перерастал, а не их. Я думаю, что когда Володя стал совсем другим, чем в школе-студии, он все равно чувствовал родство, встречая студийных ребят. Не подыгрывая, не пытаясь общаться на одних воспоминаниях. Он вырастал, он уходил куда-то далеко. Но уходил не «от», а именно «куда-то». И все свое прошлое тащил с собой: и то, про которое рассказывал, и то, про которое не рассказывал.

А друзья менялись, конечно. В то время, когда мы только познакомились, казалось, что у него никогда не будет более близких друзей, чем компания Левы Кочаряна, куда входили и Володины одноклассники — Володя Акимов, Гарик Кохановский. Через некоторое время я познакомилась с Жорой Епифанцевым и с кругом Володиных студийных друзей. И был какой-то период, когда он чаще видел студийных, чем Левиных... Сейчас все склонны несколько переоценивать Володину дружбу с Андреем Тарковским и Васей Шукшиным, людьми, которые тоже стали великими. Но такой близкой, каждодневной, легкой, развеселой дружбы, как с Гариком Кохановским, или Толяном Утевским, или с Геней Яловичем, с Андреем и Васей у него не было. Во-первых, разница в возрасте. Во-вторых, разница в профессиях... И у них был свой круг близкого общения. Хотя и Андрей, и Вася очень хорошо к нему относились, что говорить... Но близости и простоты отношений не было. И не был Володя им необходим как актер... Но это их право как режиссеров. А вот для Гены Полоки он был актер. Что бы Гена делал в «Интервенции» без Володи, я не знаю...

А с кем из актеров Театра на Таганке общался, дружил Высоцкий?

Таганский круг на какое-то время оттеснил все остальное. Коля Губенко ночевал у нас, на паршивом железном диване... И Валера Золотухин с Ниной Шацкой приходили... Но это чуть позже. А когда Володя только пришел в те-

атр, он был очень дружен с Эдиком Аратюняном, Борисом Буткеевым и с Эдиком Кошманом. Вот такая была компания... Но она существовала недолго. Не то чтобы Володя их вдруг презирал, нет. Но он сознательно себя сдерживал. Все-таки они были пьющие ребята. Зину Славину любил, боялся за нее. Боялся, что Зину могут обидеть. Все мечтал для нее какой-то необыкновенный спектакль поставить. К Пушкиреву он очень нежно относился, очень. Но потом как-то очень быстро жизнь их развела. Не обида, а жизнь...

А вот обидел его тогда Арчик, Артур Сергеевич Макаров, обидел с самой хорошей целью. И Володя потом эту цель понял. Артур сказал: «Если ты не остановишься, то потом будешь у ВТО полтинники на опохмелку шшибать». Володя несколько раз возвращался к этому: «Да, я понимаю... Меня нужно было чем-то задеть». Он понял, и Арчик был друг...

А исчезновения с друзьями? Уходы в пике? Можно ли об этом говорить?

Я думаю, нужно об этом сказать. Если уж говорить, то говорить по возможности обо всем. Исчезал. Иногда на два дня, иногда на три... Я как-то внутренне чувствовала его биологический ритм... Чувствовала даже, когда он начинает обратный путь. Бывало так, что я шла открывать дверь, когда он только начинал подниматься по лестнице. К окну подходила, когда он шел по противоположной стороне улицы. Он возвращался...

Когда Володя пропадал, то первое, чего я всегда боялась, — попал под машину, «в пьяной драке налетел на чей-то нож»... И конечно, я боялась милицейских протоколов. Все мы «причокнутые» боязнь милиции, мне это казалось очень страшным.

Боялась ли я, что Володя ходил к женщинам? Нет. У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет: всё!

Конечно, я мечтала, что Володя вылечится — и этих исчезновений больше не будет. Тогда я свято верила, что стоит только обратиться к врачам, и они сейчас же вылечат... И обращались. В 1964 году, в мае, Семен Владимирович

помог устроить Володю на лечение. Тогда это не очень помогло. В 65-м Юрий Петрович убедил... И я не сомневалась, что это поможет. И помогло.

У меня даже было такое смещение в памяти: годы, в которые Володя пил, — этого времени было очень немного, и время, когда Володя вообще не пил, — это было очень долго, это была целая жизнь. Если теперь посмотреть, то получается как раз наоборот...

А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо было и с силами собраться, и сориентироваться... Кроме всего прочего, еще и — куда уйти? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас!.. Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Он уже был Высоцким, его же уже все любили... Я должна была у всех его отнять. Но если бы я знала раньше, я бы ушла раньше. Мы ведь действительно с Володей по-хорошему расстались... У нас не было никаких выяснений, объяснений, ссор. А потом подошел срок развода в суде. Я лежала в больнице, но врач разрешил поехать — я чувствовала себя уже неплохо. Приехали в суд. Через пять минут развелись... И Володя позвал меня в квартиру Нины Максимовны. И я пошла. Володя пел, долго пел, чуть на спектакль не опоздал. А Нина Максимовна слышала, что он поет, и ждала на лестнице... Потом уже позвонила, потому что поняла — он может опоздать на спектакль.

Когда я ехала из больницы в суд, мне казалось, что это такие пустяки, что это так легко, что это уже отсохло... Если бы я сразу вернулась в больницу, так бы оно и было...

Это февраль семидесятого года.

Дина Калиновская рассказала мне, что Высоцкий заезжал к вам, пел для ребят...

Да, он приезжал к нам. Когда подолгу бывал в Москве, всегда находил время. Почему-то особенно хорошо получалось под Новый год. Тогда в Москве было много шикарных немецких елочных игрушек. Были и игрушки из шоколада, в цветной фольге, на веревочках, чтобы можно было вешать на елку. Зверушки, гномики... Светлый-светлый молочный шоколад — что-то божественное. Конечно, их довольно быстро съедали...

Я помню, что мы вместе — это было еще на старой квартире — смотрели по телевизору передачу Пескова «В мире животных». Вся передача была про волков... Это не значит, что там были кадры, когда волков уничтожают с вертолетов. А Володя рассказал, что был такой киносюжет. Еще он сказал, что написал вторую песню про волков. То есть он иногда и о работе говорил, но очень мало. А я не то чтобы не спрашивала, я старалась отгородиться, я даже «Гамлета» не видела. Он однажды заставил меня поехать на «Вишневый сад». Мне это тяжело далось, я правильно делала, что не ходила на спектакли. Жить-то надо...

Последняя встреча — на Малой Грузинской?

Нет, это была не последняя встреча. Но такая встреча была. Володя тогда беспокоился, как дети будут поступать в институты... Аркаша уже перешел в 10-й класс, Никита в 9-й. И Володя позвал меня к себе на Малую Грузинскую. Я там была один-единственный раз. А до этого Володя встретился с ребятами, и что-то его беспокоило. Все, что он мне тогда сказал, можно уложить в одно предложение: куда бы ребята ни захотели поступить, хоть в Литинститут или в Военную академию, куда угодно, он это сделает. Но ему хотелось тогда, чтобы Аркаша пошел в геологический, а Никита — в институт военных переводчиков. Еще его беспокоило, какие у них друзья... Не пьют ли они? Нет ли у них каких-то рискованных связей? Я с ним немножко невольно общалась: его беспокоили дети, а я только о нем думала. И ничего умного и связного про ребят ему не сказала.

И напугалась я — у него вдруг захлопнулся замок, еле открыли. И вообще, замки, замки... И как-то уж очень он меня убеждал, что у него здоровый, совершенно молодой организм, будто ему двадцать пять лет... В Штатах так его тщательно обследовали, просветили все на свете. Он меня в этом убеждал, а мне все совсем наоборот показалось. И мрачен он был. Поэтому я напугалась.

А в последний раз я видела Володю, когда он приехал ко мне и спросил: не нужно ли мне продать драгоценности. Он может помочь. Наверное, это было в конце марта 1980 года. Он тогда привез мне «Чевенгур» Платонова и «Русскую идею» Бердяева...

Потом мы только по телефону говорили. Володя спрашивал, как с экзаменами у Аркадия. А у Аркаши были неприятности в школе, и я попросила, чтобы Володя заехал. Он обещал, но... Это было в самые последние дни июня...

Ребята у него часто бывали. Сами. А я до такой степени привыкла считать детей своими детьми, что ужасно недооценивала, как им это важно — отец. И в чем-то, наверное, я их обделила. Я считала, что Володя — это моя жизнь... И мне не приходило в голову, что для них это, может быть, важнее, чем для меня.

Но ребята у Володи бывали, последнее время особенно часто. Думаю, что Никита по-настоящему сумел увидеть его как актера. Он и на концерты ездил, и на спектаклях бывал почаще, чем Аркадий. Аркадий тоже ходил, смотрел, но как-то без энтузиазма. В детстве ему нравилось, что папа водил его в цирк и там познакомил с Никулиным. Аркаша и сейчас театр не очень любит. А Никита видел. И слава Богу.

Я думаю, есть справедливость в том, что ребята чувствуют себя по отношению к Володе не отдельно от своего поколения. Это скромнее, демократичнее и объективнее, чем если бы они привыкли быть сыновьями великого человека, ездили бы на его машинах, пользовались бы контрамарками, валютой...

И я старалась, чтобы Володя не приносил им слишком много, чтобы его приход не был какой-то материальной манной небесной. И Володя это понимал, никогда на это не обижался.

Сейчас мне кажутся дикими и глупыми вопросы: почему Никита не отвечает на письма поклонников Володино творчества, почему Аркаша не выступает на вечерах воспоминаний? И не надо отвечать на эти письма, и не надо ходить на вечера воспоминаний... Они не сувениры, не экспонаты будущего музея Высоцкого, в котором я хочу работать. Они должны прожить свою жизнь. Достаточно того, что когда Никита выходит на сцену, первые несколько минут в зале стоит громкий шепот: «похож — не похож»... Но они молодцы. Я довольна своими сыновьями.

И последнее: ваше отношение к книге Марины Влади.

Тут вот что важно сказать... Если Володя в какой-то момент выбрал другую женщину, то это его выбор. Его! Не то, что женщина вероломно вмешалась, украла, разрушила семью. Володя выбрал. Его право выбора для нас — святой закон. Мне как-то не удалось еще прочесть целиком книгу Марины, но теперь она у меня есть, и я обязательно прочту. Более внимательно. Я просто хочу, чтобы никому не приходило в голову начинать сравнивать... На кухонном уровне или на серьезном решать за нас классические вопросы: кто виноват? И что нужно было делать?

Я стараюсь документально, точно вспомнить тогдашнюю жизнь. Погрузиться в ту жизнь. Сама я не смогла бы написать — просто один умеет делать одно, другой — другое. И если бы вы не стали ходить ко мне с этим магнитофоном, сама я никогда бы не решилась. Я претендую только на документальную мемуаристику, а Марина написала художественное произведение. Это роман. И чего ж тут сравнивать!..

Володя однажды сказал мне, что я никогда не относилась к нему как к мужу, а относилась как к старшему сыну. Это, конечно, не совсем правда, но что-то в этом есть. Сейчас — с поправкой на мои пятьдесят лет — я старше Володи и отношусь к нему как к младшему. Мои дети — уже взрослые мужчины. Скоро они станут Володиными ровесниками. И я их не разделяю, — я люблю их одним сортом любви. В этом моя ошибка, но в этом и правда.

У меня на самом деле нет враждебности к Марине... Есть горечь, что у нее враждебные отношения с моими детьми. Но это пройдет.

24 мая 1990

||

Людмила Владимировна, где и как были записаны первые пленки Высоцкого?

Первые пленки, конечно, кочаряновские. Лева Кочарян начал записывать Володю в 1961 году. Тогда своих песен было еще немного. Но был, например, «Король» Окуджа-

вы, «На Тихорецкую» — в очень хорошем исполнении, но ни одна из этих пленок не сохранилась.

Говорят, на первых записях и на первых концертах вы иногда подсказывали Высоцкому слова...

На многих концертах или он считывал с губ, или я по бумажке читала ему что-нибудь новенькое, а если вы имеете в виду запись в Лефортово, то да. Мы продумали, что мы хотим записать. Это были первые циклы про шалавы, про добрых жуликов.

Меня поразило, что Высоцкий считывал с ваших губ...

Да мало ли чем я могу поразить! Только это не имеет никакого значения, то факты моей биографии. Да, семь лет я была женой Володи. Это самое большое событие моей жизни, но не надо писать мою биографию. Никто, занимаясь Володей, не должен писать собственную биографию. Если Володя нигде сам не упомянул об этом факте, пусть так и будет. Вот теперь говорят: «канонический текст»! Какие могут быть каноны?! Я понимаю, что человеку нравится именно это, но какие могут быть каноны?!

Часто возникают недоразумения: «песня была написана для такого-то фильма»... К примеру, что песня «Спасите наши души» была написана для фильма «Прокурор дает показания». С завидным упорством люди утверждали это лишь потому, что Володя вел переговоры с режиссером, что он какую-то песню в этот фильм даст. Ну и что? Песня была написана до фильма, родилась сама по себе. На заказ Володя тоже писал, писал легко, иногда совершенно гениально, а очень многие песни... Подходит режиссер и говорит: «Напиши какую-нибудь песню». А Володе хочется дать жизнь песням, которые уже есть, хорошим песням. Иногда просто не было времени писать. Для фильма «Я родом из детства» специально ничего не было написано, просто массив самых удачных песен того времени вошел в картину. Шпаликову они нравились, и Туров за них ухватился...

Вы обсуждали с ним слова, строчки, варианты?

Никогда. Я позволяла себе критические замечания только в самых крайних случаях, — просто мне очень

редко что-нибудь не нравилось. Мне с самого начала все это страшно нравилось. Были, конечно, какие-то минуты... Мое личное мнение: Володя с самого начала значительно крупнее, чем Окуджава или Галич. У Володи много раз были выходы за пределы, совершенно за пределы! — настолько, что после этого ничего не скажешь, кроме: «Ты, Моцарт, — Бог, и сам того не знаешь».

Эти выходы вне человеческого понимания, выше собственных возможностей; и их было много, и происходили они совершенно неожиданно. Идут у него «шалавы», например, и вдруг — «Штрафные батальоны»! Тогда он сам этого не только оценить, но и понять не мог. А это был тот самый «запредел». У интеллигентных, умных взрослых людей, таких, как Галич и Окуджава, — у них такого не было. У них очень высокий уровень, но они к нему подходят шаг за шагом, без таких чудовищных скачков, без запрдела.

Высоцкий часто называл Окуджаву своим учителем, даже духовным отцом...

В чем-то, может быть, и ученик... Образ человека, который вышел с гитарой и непоставленным, непевческим голосом излагает какие-то очень хорошие поэтические тексты, — в этом, может быть, да, ученик. Но все-таки Окуджава гораздо ближе к эстрадной песне, к профессиональной эстрадной песне, а не к тому открытию, которое делает Володя. К этому открытию все-таки ближе Александр Вертинский. И Миша Анчаров — без композиторов-профессионалов, которые выделяют из его песен эстрадные номера. Пока Анчаров поет сам — он там, с Володей.

И Вертинский. Ведь почему невозможно спеть Вертинского? Потому что его песня, записанная в виде однополовой мелодии, не дает никакого представления о том богатстве интонаций, музыкальных и разговорно-речевых, которыми эта песня обладала. А это и создавало образ... Чудо возникало в двигающихся пальцах рук Вертинского, благодаря тому, что он использовал не только и не просто обыкновенный ряд звуков.

Этот «запредел», эта энергетика — не только в творчестве, но и в человеке. Вы это ощущали?

Да, конечно. В 61-м году, когда я видела Володю в первый раз... Когда я осознанно видела Володю в первый раз. Своих песен у него было: «Татуировка» и «Красное-зеленое»... Эти песни, может быть, и хороши, но ему хотелось тогда показать что-то существенное, и он спел народную бладную песню, которую поет Жаров в фильме «Путевка в жизнь» — «Эх, вышла я, да ножкой топнула...»

Я впервые в жизни увидела, что такое «запредел»! Тот самый темперамент, который потом люди кожей чувствовали на каждом «Гамлете», на каждом «Пугачеве», в лучших концертах. Но я уже тогда знала с первой минуты, что Володя способен на непредсказуемое, немислимое.

Расскажите, как работал Высоцкий над песнями — карандаш, бумага, звук, гитара?

По-разному, зависело от обстоятельств, от состояния. Допустим, когда Володя писал при тысячесвечной лампочке с Валерой Золотухиным — это одна ситуация. В Черемушках — совершенно другая. По тем временам у нас была просто идеальная ситуация: двухкомнатная квартира, в одной комнате Нина Максимовна и Никита, в другой — мы вдвоем и Аркаша. И зачастую Володя, сочиняя песню, только левой рукой шелестел по струнам. Лады он брал, и это движение шелестящего по струне пальца — вот единственный аккомпанемент. Все остальное он себе представлял. Играть, даже тихо, он не мог. А когда была возможность — дети оставались в детском саду, — тогда он играл на гитаре, но тоже очень тихо.

Еще у него была привычка отстукивать ритм ногой. А мы жили в таком «картонном» доме, что это было слышно не только на этаже под нами, но и на других этажах. Работал Володя по ночам, и, конечно, соседи и шваброй в потолок стучали... В нашем экспериментальном доме с воздушным отоплением батарей не было, звонили по телефону, стучали в дверь...

А на бумаге тексты записывал?

Если было светло или можно было зажечь свет, он писал карандашом по бумаге, а если нет — на чем попало.

В поезде, в дороге почти всегда писал на обложках книг. У моего брата Валерия есть его автограф на книжке научной фантастики — это песня, которая совсем недавно стала известна...

Майор всего до Бреста,
А я всего до Минска.
Толкуем мы с майором
Каждый о своем.

Какие первые песни записаны его рукой?

Первый раз Володя записал... Или «В куски разлетелась корона», или частушки, которые он исполнял в «Десяти днях...», и только потому, что тексты надо было отдать для оформления авторских прав.

Были ли у вас какие-то случайные или странные встречи с первыми песнями Высоцкого?

У наших соседей на Беговой — Бачулисов — был магнитофон, а у меня был грудной Аркаша... значит, это был февраль 1965 года. И у соседей была запись «Сгорели мы по недоразумению». Там много было и другого — не Высоцкого. Эта песня была единственная — его, и соседи не знали, что развлекают этой «колыбельной» сына Высоцкого.

Как начались публичные выступления?

Очень просто они начались. В то время, когда мы с Володей заканчивали учебу (он — школу-студию МХАТ, а я — ВГИК), актерская зарплата была 69 рублей, а может, даже и меньше. Актерская концертная ставка — 7.50, и для того, кто мечтал заработать эти 7.50, конечно, нужны были концертные номера. Володя еще со времен студии читал сцену из «Клопа», чеховскую «Свадьбу» на много ролей, на много голосов. В общем, были у него какие-то штучки и «хохмочки», с которыми он мог выступать. А как только появилась возможность петь, он стал это делать. Допустим, подходит Первое мая — эстрады на улицах, все актеры обязаны выступать, и Володя охотно туда шел: пел частушки, читал какие-то вирши, но своего он тогда еще не пел. Концертная деятельность нищего актера не от богатого репертуара, а от пустого кошелька. Все

готовы куда угодно: на целину, на картошку, на новогоднюю елку. А потом Володя часто выступал с Васильевым, который хорошо владел гитарой. Бывало, Хмельницкий с аккордеоном. Ведь все они были разнообразно музыкальны.

Первый его авторский концерт — выступление в Институте русского языка. Когда это было? Не могу припомнить... Я из Сухуми прилетела в Москву, а Володя полетел в Одессу: или сниматься, или утверждаться на «Короткие встречи». А может быть, утверждаться на «Вертикаль»? Не помню. Из Одессы он полетел в Сванетию. Это было осенью 66-го, но в какой точно момент, я сказать не могу. Когда Володя прилетел из Сванетии, была уже поздняя осень, и он привез ящик мандаринов...

Вы не помните, как в Сухуми Высоцкий упросил Вениамина Смехова прочитать его рассказы? Это к вопросу о том, что Владимир Семенович очень многих людей «подвигал» на творчество, одного вытолкнул на сцену, другого заставил писать...

В этом смысле Володя действительно был заразительным человеком. Сухумские гастроли — это усталость всей труппы и прескверное настроение, тоже у всех... Собраться и поговорить ни у кого никакого желания не было — жарко, душно, неприятно... И вот уже перед отъездом, все уже чемоданы собирали, разговорились о литературе. Между прочим, очень много говорили об Эрдмане. Заговорили и о том, что Веня Смехов пишет рассказы и никому их не показывает. А собралось в нашем номере довольно много народу. Вот тогда Веню и упросили... И Володе понравился не юмор, а лирический, даже печальный рассказ о ребенке... Да, он многим говорил: «Пиши! Пиши! Почему ты не пишешь?»

А на следующий день обокрали Буткеева, причем украли настолько «все», что он приехал в Москву в чужих «вьетнамках». И Володя, чтобы развлечь и утешить его, стал петь не «Борис Евсеев», а «Борис Буткеев», — так это и осталось в песне...

Позже Володя любил давать ребятам заработать. Почти после каждого спектакля его рвали на части, — и он брал на концерты ребят, не только для того, чтобы самому пере-

вести дух, немного отдохнуть, но и для того, чтобы они могли что-то заработать. Он считал, что его концерты украшает Юрий Медведев.

В Сухуми была написана песня «Мы в очереди первыми стояли». С чем это было связано?

Это был вполне конкретный случай. Мы все время ходили «не жрамши». Как ни спустимся в ресторан — столы накрыты, пустота абсолютная, но никого не пускают. А в Сухуми мы прилетели из Тбилиси, где все было совершенно по-другому: там мы только тем и были заняты, чтобы удержаться и не объесться до полусмерти. Нас кормили постоянно, на каждом шагу. А в Сухуми — столы накрыты, но не для нас. И на улице поесть негде.

А как проходили гастроли в Тбилиси?

Превосходно. Тбилисская публика принимала Таганку очень хорошо. Было много интересных встреч с интересными людьми. В какой-то мере Тбилиси — это было открытие. Мы поняли, что это город величайшей, интеллигентнейшей культуры. Не побоюсь сказать, что Володя был там просто счастлив.

Самое сильное впечатление — музей изобразительного искусства. Когда туда пришли, там были молодые грузинские художники, они повели нас смотреть частную коллекцию Пиросмани в доме одного из самых крупных художников Грузии. Это было страшно интересно.

А еще мы довольно много ездили по окрестностям Тбилиси. К нашему стыду, мы с Володей думали, что все лучшее, что есть в Грузии, учится в московских институтах.

А в Сухуми была нормальная трудная работа, у всех были сорваны голоса... И все полоскали горло морской водой, заплывая подальше в море.

В вашем доме бывали Аркадий Натанович Стругацкий, Ариадна Григорьевна Громова. Расскажите, пожалуйста, об этих встречах.

С Аркадием Стругацким я познакомилась в 1966 году, когда Володя был в Сванетии. Познакомились мы с ним вместе с Жорой Епифанцевым, а когда Володя вернулся, мы ему сделали этот драгоценный подарок.

Взаимное впечатление было, конечно, потрясающим. Особенно потому, что Володя еще в Тбилиси, в гостинице, писал «В далеком созвездии Тау-Кита» и «Марш космических негодяев». Этими песнями он поверг Стругацких в состояние неимоверного восторга, в особенности песней про «Тау-Кита», потому что они в то время работали над «Улиткой». И Володя, и Аркадий очень гордились тем, что у них одновременно сработала мысль на эту тему.

А Ариадна Громова?

С ней мы познакомились раньше. Это было в один из дней пребывания в Москве Станислава Лема. Ариадна Григорьевна обладала феноменальной памятью. Задолго до этого она перевела Лему по памяти несколько Володиных песен, достала записи, рассказала о нем. И Лем выразил желание познакомиться с Высоцким. Володя был приглашен на встречу с ним к Ариадне Григорьевне. Я думаю, это было в первой половине октября 1965 года. На этой встрече Володя пел.

Говорили, на этой встрече был и Александр Галич.

Галича не было, и встречался ли Володя с ним, я не знаю. Мне недавно сказали, что они встречались в Риге, в 1960 году, но тогда я об этом не знала. Ариадна — гостеприимнейшая, очаровательная хозяйка. В ее маленькую квартирку вместились человек двадцать, наверное... А Галич пел Лему на следующий день, на квартире Шурика Мирова. Я на той встрече была недолго: не столько хотела послушать Галича, сколько получить автограф у Станислава Лема.

Вы с Высоцким увлекались тогда фантастикой, много читали. А вообще, каков был круг чтения и, если можно так сказать, — способ чтения Высоцкого?

Не люблю этот вопрос. Во-первых, Владимир Семенович личной библиотеки тогда практически не имел. Все книги, которые можно считать его собственными, вполне укладывались в один портфель. Мы начали собирать фантастику вместе в 62-м году, когда родился Аркадий. Мне тогда рекомендовали в качестве легкой литературы читать фантастику, и мой отец принес в больницу сборник с ро-

маном Стругацких «Стажеры». Вот с этого момента мы начали собирать фантастику.

А чтение... У Володи и времени не было просто так читать: взять книжку, сесть и читать, — почти никогда такого не было. Или мы куда-то шли, или у нас был какой-то народ... А вот в дороге он читал всегда. Где брал книги? У знакомых, иногда в библиотеке. На гастролях много читал. А когда мы стали собирать фантастику, Володя любил, чтобы я читала вслух. Даже не знаю, что он сам успел прочитать у Стругацких, — практически все я читала вслух, даже самые длинные вещи: «Гадких лебедей», «Обитаемый остров» — все подряд... И надо сказать, что потом мне всю жизнь этого не хватало. Прежде мало читала вслух — не было такой потребности. Ну, разве детям какие-то книжки... И уже никогда потом у меня не было такого слушателя, как Володя. Он никогда не засыпал, и я могла по десять, двенадцать часов подряд читать. Солженицына тогда читала вслух. Вот недавно мы с Веней Смеховым вспомнили, как нам дали, по-моему, «В круге первом» и документы по процессу Синявского и Даниэля. То и другое — в одном экземпляре, а нас было много, и я читала вслух: сначала о процессе... Нет, скорее всего, это был «Раковый корпус». А вот стихи (когда у Любимова шел процесс подготовки «Пугачева») Володя очень много читал сам: и Есенина, и воспоминания о нем. Недавно мне дали что-то вроде дипломной работы об образах из «Цыганочки»: «На горе стоит ольха, под горою — вишня»... Интуитивно девочка-студентка догадалась, что ольха — это откуда-то из Есенина. И точно, это именно так! Во-первых, вся песня пронизана переключкой с есенинскими образами из спектакля, и вся тема... Даже не отчаянья. Отчаянье — это, скажем, стихи про ямщика, а «Цыганочка» — это активность, это борьба с отчаяньем. Страшное, трагическое преодоление, как и тот момент в «Пугачеве», когда Хлопуша бросается на цепи, это такой же напор: «Проведите, проведите меня туда, где станет лучше!» Мне кажется, что ни оценить по-настоящему, ни понять эту песню вне «Пугачева» нельзя. А ведь многое Володе в спектакле не нравилось, но именно потому, что он врос в него, он в него кровь пролил. И если Володя где-то говорит: «Что Вы ко мне пристаёте с этими биографическими фактами? У меня в жизни

были вещи поважнее, чем биографические факты», — это святая правда. Важнее всего для него были роли, в которые он так вращал.

В «Цыганочке» очень много образов из спектакля: и «плаха с топорами», и сама тема дороги — этот подиум, эта дорога сверху вниз: на цепи, на плаху... А не нравилась ему в спектакле историческая карикатура, Володе казалось, что она не одной группы крови с трагедией. Ему казалось, что они с Колей Губенко играют трагедию — собственную! Хотя вроде бы какое у них тогда трагическое одиночество! Вершина возможностей открывалась и перед Колей: выход в режиссуру, а сколько киноролей в это время! И все же в спектакле они играли страшное предчувствие одиночества. Нет, Есенин был совершенно особым этапом в жизни Володи...

Давайте закончим с фантастикой. Вы помните вечер, посвященный проблеме летающих тарелок, на котором вы были вместе с Высоцким?

Володя тогда верил в «тарелки», а пришельцев ждал... Мы возвращались домой, была зимняя оттепель, в небе действительно что-то летело, и мы стояли, как идиоты, промокнув, стуча зубами, и гадали: «тарелка» это или не «тарелка»? Оказалось, это был фонарь на подъемном кране у строящегося дома. Но пока не стали видны силуэты этого проклятого дома, мы стояли и ждали пришельцев...

Начало работы Высоцкого в театре?

Театр Пушкина. Володя уходил из этого театра не один раз. Первый раз ушел, еще не закончив сниматься в фильме «713-й просит посадку». Потом вернулся — его опять уволили. Поступил в Театр миниатюр, там практически ничего не было. Володя должен был играть в пьесе Ильфа и Петрова (не помню, как она называется). Какая-то свадьба, какой-то папа, отсидевший в тюрьме, приезжает на эту свадьбу. И он рассуждает о достоинствах пенитенциарной системы и о том, что его стимулировали парой брюк. Вот это была Володина роль. Кроме того, Володя ходил на репетиции — у них были какие-то занятия...

Конечно, ничего из этого не получилось, и Володя вскоре оттуда ушел. Но там были интересные наметки, которые

потом вылезали где-нибудь по-настоящему. Да нет, не где-нибудь, а на Таганке, на этой Любимовской площадке... Они ведь в Театре миниатюр(!) хотели ставить «Татуировку», хотели делать спектакль по Володиным песням — тогдашним — в феврале 1962 года! Володя уже тогда понимал, что это — репертуар! И они говорили, что «Татуировку» можно ставить как драму или пьесу... Черт его знает, может, они что-нибудь там и добились бы до настоящего театра, но тут так счастливо совпала судьба с Любимовым, который того же искал...

А про Театр миниатюр хорошо могут рассказать Саша Кузнецов или Зиновий Высоковский, они тоже там работали. У них были очень теплые дружеские отношения.

А почему он не остался там?

Совершенно личные причины. Думаю, что не только потому, что он там с кем-то пил, с кем-то ссорился, — сам театр был в начале кризиса. Отдельные актеры, может, и были хороши, но коллектив, наверное, был слабым. Поляков хорошо помнил «Кривое зеркало», но он не такая крупная фигура, каким в самом лучшем смысле был Любимов.

Дебют в «Современнике». Вы были на этом спектакле?

Была. Володя играл роль, которую обычно играл Евстигнеев. У меня есть версия, почему Володю не взяли в «Современник»... но тогда мы, честно говоря, были очень огорчены. И не просто огорчены — обижены. Но сказать, что Володя играл эту роль ярче, чем Евстигнеев, я не могу. Во-первых, роль в высшей степени не Володина, из того амплуа, что он делал в то время в кино, и если бы, не приведи Господь, Володю взяли на эти роли, он бы только это и делал всю жизнь.

Вы помните вставку Высоцкого в текст роли, когда он сказал: «Петька Рваный, Левка Кочарян, Толька Утевский...»

Он всех назвал. Еще и «Васечек»... Всех, кого мог, назвал. Конечно, он не думал этим обогатить роль, просто захотел порезвиться. Такие же вещи он делал в Пушкинском. Я думаю — об этом надо было бы вспомнить. Навер-

ное, у кого-то остались воспоминания, как он шутил в убогих ролях. Когда мне говорят, что он начал писать песни в студии для «капустников», то пусть они говорят это друг другу... Это еще не было песнями, такие песни пишут все: и Епифанцев, и Вильдан, да кто угодно. Это не было песнями, это не было Володей Высоцким. А почему он начал писать песни, которые — Володя Высоцкий? А что делать актеру, когда ему нечего играть? Когда Актеру с большой буквы нечего играть? Он сам себе начал делать репертуар. Не то чтобы сознательно: «Дай-ка сяду и напишу себе репертуар...» Была потребность себя высказать, а негде: в «Свиных хвостиках», что ли, или в «Аленьком цветочке»? Вот он и придумывал всякие штучки-дрючки, чтобы актеры поохотали. А кто бы ему написал такую пьесу, да еще гениальную, про то, как шли в Монголию, про двух эзков? Кто? Да еще дал сыграть одного эзка, да другого, и повара с половничком? Кто бы ему тогда написал пьесу про штрафников?

Казалось бы, начало шестидесятых годов — такое время темное, пустое в Володиной биографии... Ну нет ничего — совершенно пустое время. И было то, чего не было никогда: ни до, ни после, — свободное время! И была жажда работы, — вот он и создавал свой репертуар.

Первые песни появлялись, рождались, записывались по-разному. Всеволод Абдулов говорил мне, что «Штрафные батальоны» были записаны на коробке папирос, когда они ехали в кузове «полуторки» в Ригу со строительства Плявинской ГРЭС. Это было время съемок фильма «На завтрашней улице».

Не могу с этим согласиться. Песня была написана в Москве. Володя спел ее на квартире Акимова. Но песни действительно выплескивались — только так тогда они и рождались. Мое любимое воспоминание, одно из главных воспоминаний моей жизни... После спектакля, к счастью, короткого (это был «Пугачев»), мы поехали в Дом ученых на вечер авторской песни. Поехали потому, что там был Миша Анчаров. Володя его любил. Приехали уже к концу. Вечер проходил в буфете. Какая-то девушка с гитарой пела, по-моему, «Бабий яр» Евтушенко. Миша уже не пел — сидел и ждал Володю. Потом мы сидели вместе,

и Анчаров говорил, что он очень любит песню «Тот, кто раньше с нею был...». Миша очень ценил строчку, которая, как он считал, стоит творчества десятка поэтов: «... Ударил первым я тогда — так было надо...»

Он говорил, что за эту строчку можно отдать несколько поэтических сборников. Для Володи это была дорогая похвала, хотя в это время и похвал и аплодисментов он получал уже достаточно. И самооценки у Володи заниженной не было, но все равно, такие слова Анчарова стоили очень много.

Однажды после спектакля — а между репетицией и спектаклем почти наверняка был концерт — поехали домой на такси совсем уже поздно. Вернулись часа в два... почти на рассвете. Тогда у дома не было больших деревьев, в окно падал свет фонаря. Очевидно, Володя думал, что я заснула, а я думала, что он заснул... Он даже не мог раздеться — так устал. И лег в белой сорочке — крахмальная такая сорочка. И вот я лежу, косясь на него одним глазом, и вижу, как у него сорочка с левой стороны вот так ходит. Я все время боялась, что он перетрудится и сердце у него взорвется. И вот с ужасом вижу, как эта рубашка у него ходуном ходит. Потом он встал, пошел к столу, нащупал гитару — тот привычный шелестящий звук по ладам... Но в это время он обычно писал на бумаге. И сел писать. И написал: «Их восемь, нас — двое». Это у него родилась та песня, тот образ, тот «расклад перед боем».

Это значит, когда он писал «блатные» песни, материал — тот, а накал, понимание жизни, отношение к друзьям — самое главное — у него всегда было одним и тем же. Тогда появились эти паскудные статьи: «О чем поет Высоцкий?» — как раз в то время. «Их восемь, нас — двое. Расклад перед боем / Не наш, но мы будем играть!..», «Взлетят наши души, как два самолета...» Я до сих пор об этом спокойно вспоминать не могу...

Был 1967 год, конец мая или начало июня: ночи уже очень светлые были...

Почему это воспоминание для меня так важно? О ранних песнях, которые принято называть «блатной стариной», сейчас говорят, что — «точная стилизация», что он хорошо знал «этот язык» и похоже воспроизводил. Да ничего подобного! Он же это создавал! Никакой стилизации

нет, это — блатные песни. А тот, кто так говорит, тот, во-первых, пытается зачеркнуть значение натурального блатного фольклора. А натуральный блатной фольклор не воспевает ни жестокости, ни убийств — он пытается оправдать этих людей.

Лирический герой народных блатных песен — мы ведь даже не знаем, кто их написал, — это хороший одинокий человек, которого ждет страшная судьба. Все то же самое! И Володя нисколько не стилизует, не подражает. Он очень быстро, в один прием, создает целый массив этого фольклора — и только так это можно понимать. Даже грешно противопоставлять Володины песни натуральным блатным.

В 1982 году в США был снят фильм о Владимире Семеновиче, в котором Иосиф Бродский сказал, что смерть Высоцкого — это потеря для русского языка, а не только для русской поэзии...

Конечно! Андрей Донатович Синявский должен гордиться тем, что Высоцкий — его ученик. Володина культура и то, что под конец можно было назвать его эрудицией, — это заслуга Синявского. Ни от одного человека Володя не воспринял так много, и никому он так не поверил. И Синявский очень серьезно относился к первым песням, за самую лучшую держал «Если б водка была на одного...».

Я все не дождусь — а может, и дождусь в конце концов, — когда этот ранний этап Володино творчества будет рассмотрен с такой же серьезностью, с таким же искренним восхищением, с такой же высокой оценкой, как и последние вещи. Разве можно говорить, что «Райские яблоки» — это гениально, а «Ты уехала на короткий срок» — не гениально? Даже смешные песни про «шалав» тоже гениальны. А «окурок с-под платформы черт-те с чем напoлам» — не гениально? Это русский язык не потерял?

Есть словарь Пушкина, есть словарь Толстого. Когда-нибудь будет словарь Высоцкого до 66-го и после 66-го, и тогда мы поймем, что ему дала роль Галилея, роль Хлопуши, что ему дало общение с интеллигентнейшим художником Театра на Таганке. Просто разговоры с этими людьми, просто присутствие в этих компаниях. На какое новое качество он вышел! Но, если в песнях 62-го года

так мало слов, это не значит, что Володя не мог малыми средствами создавать шедевры. Более того, это должно поднимать их.

У Володи был плохой голос: диапазон маленький. Но что он из него сделал! То же самое, что он сделал из языка блатной песни. Там нет интеллигентных слов, «окурок с-под платформы» — это и написано на том языке, на котором они говорили. И это был Володин язык! И ничего плохого в этом нет!

Почему никто не вспоминает про Колю — племянника Нины Максимовны Высоцкой? А про Колю надо вспоминать — ведь он был такой чистейшей, такой ангельской души человек! Кристальнейшей чистоты. Ни в чем не повинный, он был осужден, сидел в лагерях. Очень много песен, блатных песен, Володя знал от него. И Коля вернулся не потому, что его простили — он был помилован как страшно больной человек. Но он не озлобился, никогда не ругал тех, кто его посадил... И тех, кто затащил его в дурацкую компанию — сторожить какую-то капусту, украденную из ларька. Его это совершенно не озлобило. То есть, мог человек окунуться в эти круги ада — и выйти таким же чистым, с такой же незапятнанной душой, с какой туда попал...

Так откуда у Володи могли появиться мысли о том, что блатные песни — это воспевание зла и убийства? Да и в какой блатной песне воспевается зло, хотела бы я посмотреть? И у Володи этого никогда не было.

Темперамент *защиты* — он самое большое значение имеет в блатных песнях. И никогда в жизни Володя настоящего злого человека не оправдывал. Но это совсем отдельная тема. Пусть когда-нибудь Синявский скажет об этом.

Вопрос традиционный: отношение к поэтам?

Почти все вспоминают, что Володя любил Межирова. Думаю, любимый его поэт — не Межиров, хотя он вообще любил его стихи и некоторые его действительно потрясли, например «Мы под Колпино скопом стоим...» Володя очень любил эти стихи — очень! Сам он их не пел, но услышал как песню. Он просто со стула упал! Это было, когда Юрий Петрович Любимов собрал актеров-певцов в каби-

нете, чтобы добавить песни в «Павшие и живые». Вот тогда кто-то эту песню спел. Володя был потрясен.

Приход Высоцкого на Таганку был радостным событием в вашей жизни?

Конечно! Володя тогда был беспредельно безработным, даже не имел права работать по профессии, у него же была запись в трудовой книжке: «За систематическое нарушение трудовой дисциплины...» Страшно сказать. Единственное, чего я не знаю, кто привел Володю на Таганку.

Таисия Додина или Станислав Любшин.

Очень может быть, что Тая. Я просто не помню этого момента. Только помню, что Володя пришел и сказал: «Да, берут». А я не верила, что это на самом деле состоялось, и он сам боялся, что не состоится.

Он пел Любимову при первом показе?

Да, конечно. Ведь Любимову он больше был нужен для исполнения зонгов. Юрий Петрович хотел перенести «Доброго человека...» на сцену театра, чтобы спектакль потерял студийную окраску, чтобы он стал еще более брехтовским. Снять эту легкую окраску студийности, которая придавала спектаклю какую-то прелесть, но не профессионально-сценическую. Вместо этой свежести Любимов хотел высокого профессионализма. И он искал людей, которые свободно поют с гитарой, легко держатся, легко выходят на сцену из зала... Искал людей именно на брехтовское, на зонговое звучание. И как раз это делал Володя. Вплоть до того, что брехтовские тексты воспринимали потом как Володины песни... «Была война» или «Голая правда» из «Десяти дней...». Очень многие люди были убеждены, что это Володя написал. До такой степени это было *его*...

Володя на Таганку пришел к себе домой. То, что они встретились, то, что их свела судьба: Любимова, Губенко и Володю, – мог сделать только Бог. Эти трое были созданы друг для друга, и то, что масса людей недооценивает роль Губенко в этом союзе, говорит не в пользу воспоминателей.

Высоцкий любил, как его песни поет Губенко...

Они оба пели при мне. Я с Колей вместе училась в институте и хорошо знаю про их дружбу с Володей. Колю я помню с первого дня во ВГИКе, когда он появился с вещичками... Он уже на первой консультации пел под рояль. Володе очень нравилось его исполнение блатных песен – натуральных блатных, не Володиных. Он много пел во время съемок фильма «Застава Ильича». Вот тогда я услышала Колино исполнение «Вагончика», причем оно отличалось от общепринятого. Хотя текст был полным и Коля не знал, что слова написал Михаил Львовский, который в то время работал в нашем институте.

Губенко ушел из Театра на Таганке в 1968 году?

Раньше. Когда только начали репетировать «Галилея». В то время в театре был Саша Калягин – могучий актер. На роль Галилея был назначен он – они репетировали вместе с Володией. В принципе, пьеса была взята для Губенко, но Коля в это время уже уходил: или у него начались съемки, или он уходил учиться во ВГИК на режиссуру...

Предлагал ли Высоцкий в то время свои песни другим исполнителям?

Могут назвать людей, кому он предлагал свои песни: Майя Кристалинская, Лариса Мондрис, Вадим Мулерман, Владимир Макаров и Иосиф Кобзон. Думаю, это было лето 64-го года. До того, как Володя уехал на съемки «Завтрашней улицы». Я вот-вот должна была родить Никиту, значит, это – конец июля. Был сад «Эрмитаж», был концерт, программу которого составлял Павел Леонидов. Он пригласил Володю для того, чтобы с ним пройти в антракте за кулисы: они пройдут по гримерным артистов, и Володя предложит им тексты. Не песни, а тексты: о мелодиях Высоцкого тогда еще никто не считал возможным говорить. Знаю, что Майе Кристалинской он предлагал «Колыбельную» – песню, которая не сохранилась, записи нет. Слова мой Аркаша помнит, а мелодию... «Колыбельную» он рассчитывал продать то ли в какой-то фильм, то ли на радио...

Существуют две версии про реакцию Иосифа Кобзона. По одной — он сказал: «Молодой человек, эти песни вы будете петь сами», по другой — просто дал двадцать пять рублей.

Было и то, и другое. Он сказал: «Я петь не буду. Ты сам будешь петь свои песни. А сейчас — что могу, вот возьми. Отдашь, когда разбогатеешь».

Почему он сам об этом не вспоминает? Он — скромный человек, и ему неловко об этом говорить. Но тогда он меня тронул до печенок.

И еще: на этом концерте пел Джорджи Марьянович. Мы сидели в ложе, прямо носом на сцене. Как Володя смотрел на работу Марьяновича! Как тот выходит на общение, как много добавляет к тексту песни... Наши певцы, даже лучшие, были какие-то обкраденные, как манекены с часовым механизмом внутри. А Марьянович ходил по сцене, садился, переключал микрофон из руки в руку, делал вид, что вообще не в микрофон поет, а просто так, строил глазки. Весь был «на общении». И ведь он тоже ростом маленький, он тоже старался строить диагонали, такой же жест: или ногу поднять, или руку — увеличить себя визуально. Я его, естественно, тогда не с Володей сравнивала, а с тем, как двигался, скажем, Мулерман — тот тоже пытался приплясывать. А Марьянович из ничего — из пустяковой советской песенки «Три года ты мне снилась» — такое сделал! Не забыть.

Скажите, Павел Леонидов — действительно родственник Высоцкого? И вообще, какова его роль в судьбе Владимира Семеновича?

Он, по-моему, сын двоюродной сестры Семена Владимировича, и в жизни Володи он сыграл роль многогранную!

Когда Володя был грудным младенцем, Паша жил на даче Нины Максимовны, и, если у няньки болел живот или она вообще не приходила, Паша Володю нянчил. Еще Паша вырезал свое имя на садовых скамейках и на деревьях. А главное — он запоем читал фантастику и приключения. Не знаю, из чьей библиотеки.

У Володи в детстве увлечение фантастикой и приключениями было очень глубоким, он не одного «Тарзана» по-

смотрел в кино, он читал: всего «Тарзана», все выпуски Нанта Пинкертонна, всю настоящую классику приключений, всего Конан Дойля, не только Шерлока Холмса или «Затерянный мир», — всего! Включая «Белый отряд» и морские рассказы, которые вообще мало кто знает. А Володя знал их. И когда он в «Балладе о борьбе» поет о «нужных книжках», они все в его жизни были, и не без Пашки. Это — второй ярус.

Третий ярус — это когда Паша от всей души пытался помочь Володе какими-то связями. Не получилось. Что ж, отрицательный результат — тоже результат. Володя понял, что и репертуар он должен создавать для себя, и петь свой репертуар должен сам.

Позже мы с Пашей реже виделись: у него своя жизнь, свои личные дела. Но еще одно важное обстоятельство: Паша был примером человека, который вылез из того, от чего почти никто не мог вылезти. Пашей гордились врачи. И каждый раз, когда Володя задумывался, сможет ли сам остановиться, он говорил: «Ну, ничего. Есть врачи, есть Паша. Его вылечили, и я тоже...»

Записывал ли Паша Володю? Володя записывался у кого угодно, если был хороший магнитофон.

Интересно, куда после смерти Паши делся его архив? Говорят, его привезли в Союз. Там могут быть какие-то Володины рукописи. Я допускаю, что когда Паша водил нас в «Эрмитаж», Володя оставил ему рукописи. Все может быть...

А есть какие-то песни, которые еще никому не известны?

«В тюрьме Таганской нас стало мало...» Эту песню никто, кроме меня, не помнит...

В тюрьме Таганской нас стало мало —
Вести по-бабски нам не пристало.
Вчера я подстаканником
По темечку по белому
Употребил охранника —
Ну что он, сука, делает?!

А недавно существование этой песни подтвердил Таривердиев... Да, она была написана для фильма «Последний

жулик» Просто ищут не там, где надо, каждый роет свой ход, вместо того чтобы объединиться Текст записан моей рукой, моим почерком, а доказывать Володино авторство я не собираюсь

Главное, чтоб сохранилось...

Да не это главное Если бы это было на уровне «Охоты на волков» и «Штрафных батальонов» — это было бы живо, Володя бы это пел

Еще один традиционный вопрос: Высоцкий и Любимов.

Я думаю, Володя никого так не любил, как Любимова, но и ненавидел его по временам страшно Свидетельство тому — две песни, Любимову посвященные Кроме песен, которые ему посвящены и общенародно известны, есть еще две — об их взаимоотношениях Это — « А тот, который во мне сидит » («Я — “Як”-истребитель») и «Иноходец» У них были очень острые конфликты — те, что бывают между самыми близкими людьми Я не очень люблю Вознесенского как поэта и как воспоминателя, но его «Песня акына» (Дай мне, Господь, второго) для меня — про Володю и Колю, вернее, про Колю и Володю Губенко старше года на два, на три, но он свою актерскую манеру довел до совершенства раньше, чем Володя И вообще, Губенко из породы людей огромной воли и огромной самодисциплины, тех, которые строят себя стремительно и энергично — по раз и навсегда задуманному плану Он уже к моменту знакомства с Володей имел свою музыкальную манеру исполнения стихов, умел ходить по проволоке, скакать на лошади, стоя на седле И его актерская манера в моменты выхода на шикарный актерский темперамент — тоже у него была готова Все это он делал уже в институте В «Карьере Артура Уи» он сделал образ Гитлера на том уровне, на каком он делал его потом на Таганке И эстафету принял Володя, внешний рисунок роли Володя полностью взял у Губенко, не меняя спектакля, не переделывая его на себя Володе впору было то, что делал Губенко Все трое Любимов, Губенко и Высоцкий — они родились друг для друга, их свело время Этого театра не было бы, если бы им не удалось встретиться Был бы

какой-то другой театр И эти Колины неприятности закончил институт — московской прописки нет Я даже не знаю, получил ли он диплом в тот год, когда закончил институт, — там были какие-то сложности И Володя со своей трудовой книжкой, которая сгорела на столе в пепельнице у Любимова Да, Юрий Петрович ее сжег и завел новую Вот так Трудовая книжка у Высоцкого начинается с Театра на Таганке

Был интересный случай с песней «Я — “Як”-истребитель» Володя написал ее прямо после разговора с Юрием Петровичем, причем разговор был очень хорошим Может быть, какое-то раздражение на жесткость режиссуры, на жесткие требования было, а тогда Откуда-то они возвращались, с какого-то обсуждения? Тогда Любимова без конца таскали он не вылезал из райкома и из управления культуры, и, естественно, нигде «спасибо» не говорили, а как раз наоборот Откуда-то они шли Сначала Володя провожал Юрия Петровича, потом тот его долго-долго они ходили пешком Володя вернулся домой в таком восторге — до эйфории! Изображал, как Любимов ему рассказывал про одного человека, потом про другого — по свежим следам Кто и как себя ведет, кто с чем приходит, как при этом ведут себя таганские актеры Как Зина Славина лезла на дерево, чтобы подглядывать, как она подкладывала Юрию Петровичу карточных королей с выколотыми глазами — чтобы ему одолеть всех этих чиновников И Зинины заговоры смешные, что-то типа «Иголка в сердце и в печень за злые речи » Сейчас не вспомню, а Володя помнил

Людмила Владимировна, давайте вернемся назад, в начало шестидесятых, на Большой Каретный. Расскажите о Левоне Суреновиче Кочаряне.

Лева был замечательный человек Он мог бы быть директором интерната или большого детского дома! К нему людей тянуло — и именно тех, кто нуждался в помощи, тепле и поддержке А то и в жесткой критике — ведь все побаивались Леву Володя в том числе Он мог быть грубым, и при этом — музыкальность изумительная, голос красоты необыкновенной Мог врать женам своих друзей, глядя спокойно в глаза, но лишь потому, что он был

их воспитателем и все мы были — его семья. Была ли эта ложь — во спасение или не во спасение, но — чтобы своих не трогали!

Инна Александровна Кочарян рассказывала мне, что вы иногда звонили с Большого Каретного, когда Высоцкий бывал в других городах.

У нас не было своего телефона, и можно было звонить либо с телефонного узла, где проторчишь целую вечность, либо от друзей. Володя тогда уехал в Свердловск. Скорее всего, это были гастроли Театра им. Пушкина.

А вообще, до Таганки Володя практически жил там, больше было нигде. Я думаю, Инна Кочарян может лучше рассказать об этом времени, а еще, конечно, Толя Утевский. Ведь на Большом Каретном прошла часть детства Володи, и этих людей он знал давно. Там он познакомился с Шукшиным и с Андреем Тарковским. Там было много людей, для Володи очень дорогих. И, по-моему, образ Жеглова — это долг памяти двум людям: Леве Кочаряну и брату Толи Утевского.

Я встречался с Анатолием Борисовичем Утевским. Меня поразил его рассказ о том, что он брал Высоцкого на допросы, на очные ставки, на выемки... Ведь Утевский работал в одном из отделений милиции.

Да-да. Володя бывал и у Юры Гладкова, который работал в отделении милиции «у трех вокзалов». Мы с Володей даже ходили туда дежурить. Это было между двумя сыновьями... — значит, в 63-м году. Мы тогда жили на даче у брата Валерия.

А еще я узнал от Утевского, что он осенью 61-го года получил телеграмму из Ленинграда: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза».

Володя мне все время говорил: «Вот прилетит мой брат, вот прилетит мой брат...». И он прилетел — старший брат, Толя Утевский. Он мне страшно понравился, и не просто потому, что он — Володин брат, а будто я его всю жизнь знала, будто он — мой брат. Но я не знала, почему он прилетел. Никогда не знала, что Володя вызвал его телеграммой.

Многие друзья Высоцкого говорят, что память у него была феноменальной.

Очень своеобразный феномен — Володина память. Причем как медицинский феномен. Володя фиксировал в памяти вне сознания. Он мог сидеть и разговаривать, не прислушиваясь к тому, что говорят вокруг него. Мог сидеть и балагурить в общежитии, когда кто-то готовился к экзаменам... Мог сочинять дурацкие куплеты на лекциях, а потом шел на экзамен, и оказывалось, что он знает все лучше всех. Помнил такие детали, какие не помнил никто. Он сам это ощущение страшно любил — когда он вспоминал что-то такое, на чем фиксировал свое внимание. Страшно любил вспоминать слова, которые он никогда не слышал. Иногда он не был уверен в своей памяти. Вот, например, «Долго Троя в положении осадном...» Он собрался написать эту песню и спрашивает у меня: «Чем кончилось дело с Кассандрой?» Нет... он не про Кассандру сначала спрашивал, про Троянского коня: кто придумал, зачем, кто внутри у него был, чем кончилось, что делала Кассандра? Я в тот момент уже засыпала, что-то такое сказала и отрубилась. Наутро Володя мне говорит: «Звони кому-нибудь, у кого есть "Легенды и мифы Древней Греции" Куна, чтобы проверить...» — «Куда, как звонить? Ты песню сначала покажи...» А в ту ночь дуплетом родились: «Троя» про Кассандру и «Песнь о вещем Олеге». Так у Володи бывало. И вместо того, чтобы смотреть в энциклопедии, мы сразу позвонили нашим знакомым — Евдокимовым, а потом поехали к ним, там все проверили.

Володя любил вспоминать, как он сдавал философию, не прикасаясь ни к книгам, ни к конспектам: « Прихожу, открывается дверь в стене, и я все помню!» Кто верил, кто не верил, а я знаю, что у него так бывало. Вот еще про Лешего, который коры столько-то «кил приносил». Откуда он знал, что Леший питается корой?! Прочитать не мог, потому что это было в редком издании Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». А знания по славянской мифологии... Источник у нас был один, общий — для Володи, для Васи Шукшина, для Андрея Тарковского и для меня. У нас был преподаватель по истории изобразительного искусства — во ВГИКе и Школе-студии МХАТа — Симолин, к сожалению, ныне покойный. Он мог читать историю

изобразительного искусства восточную и западную — какую угодно, но раннеславянская, дохристианская мифология была его страстью. У нас в институте он об этом много и хорошо говорил. Он приносил какие-то иллюстрации, редкие книги, в том числе и Афанасьева, о котором до тех пор я и не слышала. И о книге «Поэтические воззрения славян на природу» я тоже узнала от Симолина. От него же я узнала, что Змей-Горыныч и Чудо-Юдо — хазарские какие-то влияния — это представления об иудаизме. А во МХАТе, где лучше было поставлено единство общекультурных дисциплин и мастерства, они там все это еще и играли. Мастерили костюмы, ставили этюды — все это у Симолина. Во ВГИКе так не получалось: наши актеры были более ленивы, а МХАТовские ребята все это делали, поэтому Володины знания были более конкретны. Хотя у него напрочь все вылетало, ему не нужно было держать это в активе. Но — когда надо — все всплывало готовым. И вот именно этот момент мгновенной ассоциации, когда она нужна — мгновенно протянуть руку и взять с полки своей памяти то, что необходимо, — вот это он любил очень. Это доставляло ему огромное удовольствие. А вот логический ход мышления ему мешал.

Вы сказали, что в песнях прямых ассоциаций с какими-то жизненными событиями, фактами не так много. Но они есть?

Бывали, да.

Ваш брат уверен, что если покопаться, то для каждой строчки можно найти какой-то источник...

Это совсем другое дело. Тут вопрос богатства ассоциаций, а не первого толчка. Это не значит, что посыл прочно привязан к какому-то событию, к какому-то разговору. Образный ряд у него, как у Ахматовой, — богатство ассоциаций, связанное одновременно с жизнью, с мельчайшим бытом, с подробнейшей, очень точной мелкой деталью бытовой. И в том же ряду, на том же уровне высочайшие интеллигентные ассоциации: чьих-то стихов, народного творчества, религии. На одном уровне сознания, даже подсознания, — как бы ссылки: отослать читателя на такую-то страницу такого-то издания, отослать мгновенным

образом, одной ассоциацией. Это свойство и Володиных песен.

Во многих песнях можно найти строчки, которые ассоциируются с Окуджавой, с Анчаровым, с тем же Межировым, с военными песнями, которые уже стали народными, — не в смысле подражания, а именно — ссылка. Вся песня будет другая, но одна точная ассоциация всегда подскажет, кого Володя имел в виду, кого он любил, кого хотел вспомнить.

А еще Володя очень часто делал ссылки на свои песни, как бы сноски. Мне сейчас трудно привести конкретный пример, но это многим бросается в глаза: вот он пишет-пишет, а потом делает ссылку на какую-то конкретную свою песню. Не просто автоцитирование, а один мелкий образ, именно какой-то «опознак» — как сейчас пишут молодые критики. «Опознаки» для своих, для тех, кто знает. Мне кажется, что это очень важно. Это подчеркивает то, что Володя вообще все воспринимал как нечто единое, как большой-большой культурный контекст.

Хотя бы та же «Цыганочка», внутренние ссылки в «Цыганочке»: к любимовскому спектаклю «Пугачев», к Володиному отношению к Есенину, к своей собственной судьбе — сплошная цепь таких мелких «опознаков». «На горе стоит ольха, под горою вишня...» Но в конце дороги той — «плаха с топорами». Ольха — символ надежды, символ молодого Есенина. И в то же время само слово «ольха» — это Володина привычка петь не только сонорные, но и взрывные звуки. Ладно, когда он поет «м-м» или «н-н» — это неудивительно, но когда он поет «х-х», — как это?! Это только у него, это как бы подтверждение своего авторства.

Для него все было контекст, и тот, кто пытается отдельную песню или отдельное стихотворение (особенно это касается стихов) рассматривать только как текст и разбираться в нем только по тексту, тот в тупике. В абсолютном. У Ахматовой много ссылок, много недомолвок. Свой — поймет. Не свой — может и не понять. Но все равно мы что-то из условленного ахматовского языка понимаем. И человек, который не был знаком с Володиной биографией, с другими Володиными текстами, все равно схватит какую-то часть эмоциональной информации, но не самое главное. Самое

главное — только в контексте! Поэтому важно, чтобы те, кто покупает сборники стихов Высоцкого, могли купить и книжку о Театре на Таганке. Важно, чтобы такая книжка вышла, чтобы ее кто-то сделал.

Володе на концерте в Институте русского языка — это, по-моему, 63-й год, — подарили недавно вышедший ахматовский сборник с Модельяни на обложке. И в книжку была вложена самодельная открытка, на которой ему написали вирши на тему: «Кому же еще дарить Ахматову, как не Высоцкому?!» Они там очень оригинально рифмовали... Для критиков и ругателей и Высоцкий, и Анна Андреевна Ахматова «Ах-мато-вы», то есть, матерщина какая-то, а не поэзия. «Кто за свободу песни ратовал? — Высоцкий и Ахматова». Вот эти ребята в контекст смотрели, а не в лупу буквы разглядывали. Это умные ребята.

Только все вместе! Оторвать «блатную старину» от самых исповедальных, самых страшных, самых предсмертных стихов нельзя — там все вместе. Оторвать страсть к театру нельзя: если бы Володя не любил театр, он никогда бы песни не начал писать. Он бы не стал поэтом, если бы не хотел стать актером. Стать просто письменным поэтом ему было бы скучно. Может быть, если бы он теперь родился, он бы знал, что поэзия бывает и другая. То, что Володя в детстве писал, скажем, «Памяти великого вождя и друга всех маленьких детей» — это попытка письменной литературы, но он бы не поехал по этой дороге. Капустники? А кто из студентов не пишет в капустники стихи? Покажите мне такого человека! А поэзия у него началась только после того, как он полюбил театр.

Вы рассказали о Симолине, о Синявском. А вспоминали ли Высоцкий о других преподавателях Школы-студии МХАТа?

Да, это была консерватория. У них были очень дружеские, очень близкие отношения, совершенно без дистанции. Конечно, Володя боготворил педагогов, говорил им «Вы», не фамильярничал, но при этом глубоком почтении общение было очень близким и дружеским, очень личностным. У них были замечательные преподаватели, но в то же время (как говорил Виленкин) они же его просмотрели.

Сейчас многие говорят: «Да мы, с первого курса!..» А Виленкин говорит: «А Володю мы просмотрели...»

Он не был самым ярким на курсе, не был ведущим, что, может быть, и хорошо. Вот такое ощущение спокойного равновесия, без соперничества, оно у них было.

Отношение Высоцкого к процессу Синявского и Даниэля? Об этом процессе он пишет в письме Кохановскому в Магадан...

Отношение сложное. Мы действительно многого не знали. Андрей Донатович был не то чтобы кумиром Володи, он был почти близким родственником. Однако Володя не знал, что Синявский не только критик, но и писатель. О том, что Андрей Донатович пишет фантастические рассказы, он узнал до процесса. Однажды пришел с квадратными глазами и принес рассказ Синявского «Пхенц», не зная, что этот рассказ уже опубликован на Западе под псевдонимом Абрам Терц. Рассказ действительно потрясающий... Про горбуна, который на самом деле не горбун, а пришелец, а горб — потому, что он прячет крылья. Зброшенный на Землю, очень одинокий, никак не может найти своих. Он не знает, что все погибли. Живет как всеми презираемый горбун... Однажды встречает человека с горбом и думает, что у него тоже — крылья. Причем до самого последнего момента мы не знаем, что он — пришелец и что у того не горб, а крылья. Вначале вроде бы просто — история про противного горбуна, которого ненавидят соседи, а он страдает от этого. И вот он приглядывается к настоящему горбуну, и мы думаем, что он просто ищет, с кем бы поговорить... Он идет к этому горбуну, звонит в дверь. Тот открывает, и первый горбун говорит только одно слово: «Пхенц».

И настоящий горбун его выгоняет, просто спускает с лестницы. И вот пришелец, одинокий, приходит домой, ждет, пока все соседи улягутся спать... Запирается в ванной, снимает пиджак, с трудом освобождается от рубашки и жилета, которыми он себя стягивает, как корсетом... И в теплой воде расправляет ломающиеся от напряжения... крылья!

Володя был потрясен. На фоне той фантастики, которая была тогда, — такое! Даже не фантастика, что-то высокое.

О том, что Андрей Донатович взял себе псевдоним, Володя не знал, но он был благодарен за то, как Донатович

всех берег. Чувствовал и вину какую-то, и зависть к тем немногим, которые все-таки знали, ревность какую-то к ним. И не осуждение, а горестное удивление — все-таки отдавать свои вещи за рубеж!.. Нам всегда хотелось, чтобы все хорошее было здесь, на нашей земле. Тогда Володя не мог видеть так далеко, как Андрей Донатович, уж очень он был молодой!.. Наверное, считал, что с такими рассказами благороднее погигнуть на костре.

К мыслям о процессе возвращался во время работы над «Галилеем» — это и по времени почти совпадало... Помните последние два монолога: плохой и хороший конец пьесы? Володя соотносил хитрость Галилея: вот его книгу ученик куда-то повезет, что в Париже ее увидит Декарт... Но и тогда Володе казалось, что правду надо говорить на месте. Уж эти шестидесятые!.. Дело не в том, что мы были наивны и во все верили — как раз во многое мы не верили, но все-таки мы — дети военного поколения. Для нас немецкий язык — плохой язык. Заграница — это плохо. Я где-то читала, что потом у Володи это откликнулось каким-то печальным недоразумением: ведь победили-то мы, а как у них — у немцев, у японцев — хорошо.

Вспоминал Высоцкий о детстве, о школе?

Мало, очень мало. О школе я ни разу не слышала. Но что значит — воспоминания о школе? Это друзья: Володя Акимов, Гарик Кохановский, Яша Безродный, Аркаша Свидерский... Да, о ребятах говорил... Но я не помню, чтобы он называл кого-нибудь из учителей. И чтобы рассказывал какие-то школьные эпизоды — тоже никогда. Я думаю, отчасти потому, что там — на Большом Каретном — настолько большое значение имела семья Левы Кочаряна, что все остальные воспоминания были очень среднего уровня. Я не помню, чтобы ему хотелось пойти в школу, на вечер встречи... Я даже номера этой школы не знала, хотя могла бы легко запомнить, потому что у меня была 186-я квартира. И мне кажется, я понимаю, почему он не вспоминал о детстве, о школе... Ведь Володя, в сущности, был очень веселым человеком, и что-то страшное он просто блокировал. Как гематома, это у него зарастало и в общий обмен веществ не попадало — а лежало внутри тяжелым грузом. И даже «Баллада о детстве» — это нечто историческое, почти эпос. Свое-

го лирического восприятия, трагичности там нет. Вот того мотива, когда Володя спрашивает Нину Максимовну: «Мама, что такое счастье? Это манная каша без комков?..»

Или что-то в этом роде.

Лида Сарнова вспоминает, что ее пронзила жалость, когда она его в первый раз увидела. Ну как это сказать про Володю! Чтобы кого-то при взгляде на него пронзала жалость! Он всегда казался сильным, веселым... Он себя от этого отделил, как бы сохранил себя... А там, в детстве, должны были быть какие-то страшные воспоминания — и бомбежки, и голод, и бедная одежда... И размышления на тему, почему мама и папа живут в разных местах... И ревнивая любовь к тете Жене, привязанность к Лиле, которая пожалела его... Другие, может быть, тоже жалели, но не показывали виду, а Лилия по молодости раскрылась.

Мне кажется, что были вот эти внутренние, подавленные воспоминания о детстве и та жажда — наесться досыта, и чтобы была прочная крыша над головой, и чтобы папа и мама были вместе... И, наверное, много-много людей, которых жалко...

Ну, не вспоминал про школу! Меньше, чем все они. Но почему не вспоминал?! Было же что-то смешное, какие-то хохмы. Ведь все это мы знаем только со слов ребят, сам он никогда об этом не рассказывал.

А про детство все рассказывают! Я же ему без конца рассказывала... Ему нравилось, что у меня была бабушка, которая все на свете знала, все читала, — ходячая энциклопедия... Что все могли ей позвонить и спросить у нее что угодно. Ему нравилось, что она не работала, а занималась домом. И Володя хотел, чтобы и я не работала, чтобы сидела с детьми, и вообще он слышал, что женщины должны салоны держать и детей воспитывать.

А сам ничего не рассказывал. Редко-редко какую-нибудь мелочь... Вот про ту фотографию, где он в тюльпанах стоит, теперь говорят, что это в Малаховке, а он говорил, что это в Оренбурге или Бузулуке, или что-то в этом роде...

А про Бантоша, мужа Нины Максимовны, рассказывал?

Рассказывал. Со злостью и с хохотом. Рассказывал, как про преодоленное. Терпеть он его, конечно, не мог.

Но опять же — как рассказывал? Как Жора Бантош боялся Гисю Моисеевну. Как весь дом содрогался при виде Жоры Бантоша, а Гися Моисеевна, бросив котлету, которую она в этот момент валяла в сухарях, бежала, кричала на него, махала кулаками, тряпками, приходила обратно, поднимала котлету и продолжала ее валять дальше. То есть не без смеха. Я от него никогда не слышала, что «вот, бедная мама...» Просто — как факт.

Кроме домов на Первой Мещанской и на Большом Каретном, было еще одно родное место — квартира Епифанцева в Каретном ряду...

Володя Жору любил и к Лиле — его жене — очень хорошо относился. Жора постоянно пытался писать пьесы, мечтал открыть театр, в котором бы шла научная фантастика. В этой связи мы и к Стругацкому ходили... Но я не думаю, что Володины некоторые песни написаны были для Жориной пьесы. И еще Жора в то время писал пьесу или роман, а называлось это, по-моему, «Конгломерат».

Попытка создать московский молодежный экспериментальный театр как-то отразилась на вашей жизни?

Думаю, нет. Какое-то время мы этим занимались, это было до Таганки. Все начиналось осенью 63-го года. Временами занимались в Школе-студии, временами — у кого-то на дому. Но я не думаю, что даже если бы не было Таганки, Володя бы на этом остановился. Потому что в этих попытках было не столько новаторского элемента, сколько желания повторить то, что сделал Олег Николаевич Ефремов. Все они были из одной Школы-студии, из той школы, из которой родился «Современник», все они были более или менее безработными, — им просто хотелось работать. Володя очень хорошо относился к этой затее, но я не думаю, что он делал на это ставку. Но, если бы они сделали театр, Высоцкий не подвел бы.

Материальное положение в первые годы было очень сложным?

Да. Но я не могу сказать, что это было самым главным в нашей жизни. Хотя нищета, конечно, была чудовищная: Володе просто не в чем было ходить. Он носил пальто

Миши Туманова, брюки Толи Утевского, а ботинки мы стибрили на студии «Ленфильм». Носил буклетистый пиджак, их, кстати, было три. Но этот буклетистый пиджак был для Володи страшно дорогая вещь, почти символическая.

Высоцкий пел в этом пиджаке, сохранились фотографии первых его выступлений. А запись во ВГИКе — это концерт или какая-то специальная запись?

Это связано с Андреем Донатовичем Синявским. Кто-то из студентов — режиссеров или операторов — делал курсовую, а может быть, дипломную работу. Точную тему этой работы я назвать не могу и даже не знаю, к кому сейчас можно обратиться. Дело в том, что жена Андрея Донатовича Маша преподавала ИЗО в нашем институте. Возможно, именно она подсказала этим студентам и материал, и место, и тему. Очень красочным, колоритным местом было жилище Синявских. Две комнаты в коммуналке на втором этаже и комната в подвале — в том же доме — были уставлены книгами, увешаны старинными иконами, выложены деревянной утварью. И сам Андрей Донатович и Мария Васильевна безумно колоритные люди. Их дом просто просился в кинокамеру и студенты ВГИКа снимали квартиру, библиотеку, подвал, Синявского, Машу, людей, которые у них бывали, поющего там Володю... И попутно, для чистоты фонограммы, Володю записали на учебной студии ВГИКа. Это было наверняка до того, как у Синявских родился ребенок, и наверняка после того, как у меня родился Никита, значит, между 64-м и 65-м годами, где-то в промежутке. Это была, наверное, первая высококачественная запись. Да, вспомнила, это писалось прямо в тонвагоне, который стоял во дворе дома Синявских в Хлебном переулке.

С кем из ваших друзей по ВГИКу общался Высоцкий?

Он любил двух моих друзей: уже покойного Женечку Харитонову и Игоря Ясуловича. Кстати, одна из первых Володиных записей сделана была в квартире Наташи Егоровой — жены Игоря. Это — конец 61-го года или начало 62-го года. Мы играли в шарады в этой квартире, — тогда это было любимое занятие. Еще одно чудесное воспоминание

нение могу вам подарить: как Володя в первый раз сыграл Гамлета. Было задумано слово «принцип». Я уже не помню, как мы делали «ип», но принца изобразил Володя. Был тот самый, заветный пиджак — второй, а может быть, и самый первый. Пиджак закололи, как мантию, Володя встал в каноническую позу принца Гамлета, — и все моментально поняли, что это принц. Так что он нам шараду испортил.

Вы снимались с Высоцким не только в фильме «713-й просит посадку», но и в телефильме «Комната»...

Володя играл художника — образ отрицательный. Когда репетировали, перед Володей ставили мольберт. Картина должна была называться «Слава труду». Володя такое рисовал, такие портреты Олега Колокольникова! А я изображала стюардессу — возлюбленную художника. И все это было — кошкин навоз. Это, по-моему, июль 1965 года. Помню, что смотрели мы фильм на квартире у Юры Смирнова — таганского актера, но не помню, чтобы впечатления были радостными.

Мы не поговорили еще на одну тему: Высоцкий-рассказчик...

Володины устные рассказы... Была целая серия про Серегу и Серезу. Они были в разной степени косноязычны, не выговаривали разные буквы. Был замечательный цикл про собаку Рекса. Относился он, по-моему, к отставному милиционеру, у которого и была умнейшая собака Рекс, значительно умнее хозяина. Потом был рассказ про уволенного с работы — любимый рассказ Андрея Донатовича Синявского. Кстати, у Синявского были записаны все устные рассказы Высоцкого. История уволенного с работы была довольно длинной: кто что ему сказал, что он ответил, как он дома это рассказывает соседям, как он рассказывает об этом по телефону... Андрей Донатович считал, что это — высшее достижение Высоцкого вообще. Еще был замечательный рассказ про рабочего, который потом стал одним из авторов «Письма рабочих тамбовского завода». Помню, меня возмущало, что этот рабочий после каждой фразы обращался к своей жене: «Правда, Люсь?» Это интервью примыкало к серии рассказов о Никите Сергеевиче Хрущеве.

Сказать, что Володя не любил Хрущева, было бы неверно. Володя его уважал. Для него Никита Сергеевич — это прежде всего речевая характеристика: говор южнорусский, построение фразы, ораторское искусство. Володя был очень хороший имитатор, он мог абсолютно точно изобразить кого хочешь: больного, маленького, любой национальности, с любым акцентом... Самая лучшая история из этой серии была про президента Кеннеди...

А переговоры Никиты Сергеевича с космонавтами?

Ну, это была прямая имитация, не устный рассказ. Володя мог просто взять газету и читать выступление Хрущева так, что за стеной люди включали радио. Отдельно — совершенно замечательный пласт, когда Володя приехал со съемок «Стряпухи». Он привез целую серию северокавказских рассказов, в том числе замечательную историю — разговор троим: учитель, интеллигентный старичок, ученик (кажется, пятого класса, которому уже семнадцать лет) и отец этого пятиклассника — секретарь обкома какой-то национальной области. Папу вызвали в школу, папа разговаривает с учителем на «ты», а с сыном на «Вы». Володя изображал всех троих. Это невоспроизводимо, хотя и слов-то особенных не было.

Кое-кто считает, что такие люди, как Высоцкий, Аверинцев, Шнитке, — они из другого, параллельного мира...

Из того же самого! Читайте Льва Николаевича Гумилева. Это та самая пассионарность, из которой рождаются этносы. И держатся. Из того же самого теста!

1988–1990

III

Судьба Высоцкого как творческой личности, как поэта, оставившего 800 художественных произведений, завершилась. Завершилась его личная биография, но очень характерно развивается его посмертная судьба. Она развивается как попытка заново освоить то, что в свое время было любимым и обожаемым, освоить это по второму разу.

А два раза войти в одну и ту же реку нельзя. И теперешнее освоение творческого наследия Высоцкого, любое освоение: и близкое знакомство, и коллекционирование, и научное изучение, — теперь делается совсем другими людьми и в другое время. Уже нет той России, которая любила, собирала и коллекционировала Высоцкого, и теперь совершенно другие критерии оценки его творчества. Прежде всего, изменились ожидания и оценки.

Застой — это была блокада, а творчество Высоцкого было вестью о том, что возможен прорыв этой блокады. Начало перестройки называют эйфорией, но я не люблю этот медицинский термин. Не эйфория — тогда это было счастье. Счастье прорыва блокады, начало свободы, о которой мы мечтали, хотя были к ней совершенно не готовы.

Наше поколение очень долго находилось в этой большой блокаде... Я говорю не о материальных вещах, я говорю о русском культурном процессе, которому служил Высоцкий... И вот мы дождались прорыва, а Высоцкий только мечтал о нем, — и оказалось, что мы не знаем, что же делать дальше. Наше поколение нельзя назвать потерянным, мы видели много хорошего. Это поколение дало много имен — и поэтических, и научных, и политических. А духовную жажду утолял Высоцкий.

Пришло другое поколение... В этом году закончили среднюю школу мальчики и девочки, которые родились после Володиной смерти. Для них Высоцкий никогда не был живым современником. И он, к сожалению, им не нужен — не потому, что они плохие или Высоцкий плохой, а потому, что их жажда — еще не жажда, их голод — еще не голод... Просто желание утром позавтракать, а днем вкусно пообедать. Они еще не понимают, чего им не хватает. Это я говорю не к тому, чтобы их жареный петух клюнул — не приведи Господь! — а потому, что некому им рассказать, как бедна их жизнь.

С одной стороны, мальчикам и девочкам неуютно в этом скучноватом и жестоком мире, а с другой — вроде бы им ничего особенного и не надо. Вот они потерянное поколение. Конечно, и среди них есть потрясающие люди. Конечно, и у них есть свои вечные вопросы, свои мировые проблемы — и ответы они со временем найдут. Но количе-

ство ищущих и что-то находящих невелико. И какой процент таких людей будет в этом поколении, я не знаю.

Тут многое совпало — вошли в жизнь и видео, и компьютеры, а отмирают чтение и кино, то кино, что в больших кинотеатрах. А домашнее видео и компьютер — даже если это накопление каких-то знаний — это все-таки опыт асоциальный. Я не говорю, что индивидуальный, асоциальный человек — это неглубокий и плохой человек. Просто это — другой человек. Придет ли ему в голову, ляжет ли ему на сердце полюбить то, что было интересно и важно для нашего поколения, — не знаю...

Ведь жизнь, в сущности, меняется очень мало, но если она меняется, то меняется глубоко. Вот кажется, что у нашего поколения с поколением наших родителей была очень разная судьба. Они встретили войну взрослыми — и кто-то с войны не вернулся, кто-то ее очень глубоко осознал, кто-то сумел что-то войне противопоставить... А для нашего поколения война — это детский фольклор. Но на самом деле больших различий в духовном опыте и в духовной эволюции у наших поколений нет. А вот с поколением, которое сейчас приходит в жизнь, — различия колоссальные.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» Поэту — дано. И не случайно две последних строчки тючевского четверостишья — ответ на этот вопрос. «Но нам сочувствие дается, как нам дается благодать». Высоцкий предчувствовал и знал. И точнейшим образом предсказал в известном стихотворении «Памятник».

А всенародное литературоведение, которое возникло после его смерти и было «стесыванием азиатских скул»... Это было такое массовое обожание поэта, который уже не может ответить... Не может поблагодарить или, наоборот, отругать. Высоцкий привлекал к себе людей тем, что ни под кого не подстраивался. Ведь у него есть стихи о советском народе — стихи не комплиментарные, он говорил правду, жестокую правду, но говорил без злости, очень откровенно. А народное литературоведение приспособляло Высоцкого под себя. А научное литературоведение еще и не начиналось. Не будем обольщаться, научное — это когда Анненков издает Пушкина! Я понимаю, что все текстологи и все публикаторы Высоцкого стараются изо-

всех сил, но силы-то не те... Не хватает опыта, профессионализма и навыков научной работы.

Для чего так кричал Высоцкий?! Чтобы его любили? Для чего Высоцкий так рвал горло? Чтобы его издали? Так вот, мы его издали!.. Чтобы его разрешили? Вот его разрешили!.. Чтобы ему памятник поставили? Вот четыре памятника в Москве стоят! Один другого краше... А он для этого орал?! Он этого от нас хотел?! Он хотел, чтобы его напечатали для того, чтобы его не просто слышали, не только «ловили кайф» от запредельного темперамента, а чтобы мы взгляделись в его стихи глазами.

С друзьями детства перетерлась нить,
Нить Ариадны оказалась схемой...

А друзья детства — кто? Это мы! Это мы поставили ему памятники. Это с нами перетерлась нить.

Нужно время... Как говорил Чуковский, в России нужно долго жить. А у меня вначале было страшное нетерпение. Хотелось, чтобы было подробное изучение стихов и песен, чтобы была «Энциклопедия Высоцкого». Я рвалась в школы, чтобы рассказать о Высоцком, — пока другие не успели рассказать о нем неправильно. Рано... Нужно время и терпение.

Музей — это естественная и благородная память о прошлом. И когда музей делают профессионалы, они учитывают, что музеи существуют уже пару столетий, что это структуры очень емкие. Они не для тех, кто их делает, и не для того, кого музей увековечивает... Музей делается для того, чтобы продолжалось движение информации по тому каналу, по которому когда-то к нам пришла живая сила поэтического слова.

А получилось, что мы делали музей для Высоцкого... Ты хотел быть изданным? — на тебе много изданий! Ты хотел, чтобы тебя помнили, чтобы тебя везде пускали?! — вот мы тебя помним, мы тебя везде пускаем...

Сказать, что вообще ничего не было создано, нельзя. Людям хотелось свободного, клубного общения и не только по поводу Высоцкого. И за восемь лет люди этот клуб для себя создали. Это был их дом — некоторые там просто жили... А кроме того, они там зарабатывали деньги, ис-

кренне помня про себя, что их молодость прошла в бескорыстном накоплении материалов о Высоцком... Ведь когда-то они тратили почти всю свою зарплату на приобретение записей, фотографий, зарубежных дисков — а это требовало больших денег... И они отказывали себе во многом. Они собирали, старались, чтобы все это было при них, — оно при них и осталось... Ведь никто из «бескорыстных» коллекционеров в дар музею ничего не отдал! А пополнялись фонды музея за счет копий, оригиналы они оставляли при себе. Из этих копий и составлялись экспозиции...

В общем, это была такая своеобразная форма жизни... Но где же тут Высоцкий?! Он разве этого хотел? Больше всего ему хотелось, чтобы любили поэзию. Чтобы люди были добрыми, умными и сильными. Чтобы не любили насилие и бессилье... Чтобы не заглядывали в письма через плечо... Чтобы слухи по углам не разносили.

В ситуации с Володей было чувство высокого единства, чувство приобщения к народу. Чувство, что этот народ есть и что мы тоже этот народ. Это чувство так обнаженно и торжественно явилось 28 июля 1980 года в день прощания с Володей. Чистое, истинное и искреннее... И очевидно, хотелось остаться на этой высоте, хотелось продлить это ощущение... И мы взяли за музей, за то, что не могли, не умели делать.

Ужасно не люблю формулировку Евтушенко о том, что поэт в России — больше, чем поэт... Что может быть больше, чем поэт? Пророк?! Но все известные пророки — и есть поэты. А мы разучились верить в пророков... Так искренне все собирали его тексты — переписывали и перепечатывали, и несли в Театр на Таганке. А надо было перед тем, как нести, — прочитать, понять, услышать то, что Высоцкий нам говорил.

Почему Володя не пел гениальное стихотворение «Мой Гамлет»? Он что, мелодию не мог придумать? Да ведь он не просто восхищался этой ролью, он много думал над этим могучим явлением мирового репертуара, — он страшно много думал над этим.

Груз тяжких дум
Наверх меня тянул,
А крылья плоти
Вниз влекли, в могилу.

Что такое «крылья плоти» в применении к поэту Высоцкому?! Это его голос, который оказывал на нас такое мистическое воздействие. И он от этих крыльев плоти отказался, — и не стал петь эту вещь, чтобы услышали и поняли слова! Чтобы не затуманилось содержание, чтобы мы задумались над вечным вопросом: быть или не быть, «как над неразрешимой дилеммой».

Мы любили Высоцкого, знали и любили, но не думали над тем — быть или не быть...

Я прежде всех восхищалась Высоцким, с самого начала, в шестидесятых. Да, гений! «Ты, Моцарт, Бог, ты сам того не знаешь...». Я знала, что гений, и — ничего не понимала! Сейчас, когда я читаю его стихи, я начинаю что-то понимать. Потому что я не просто стала старше на тридцать лет, а потому что я стала старше на восемьсот Володиных стихотворений. До меня страшно долго доходит то, чему я была свидетелем, когда мне было 23 года. А тогда я ничего не понимала — я была счастлива! Наверное, так и нужно... Быть счастливой и не анализировать!

Музей начался на волне дружбы, доброжелательности друг к другу, на волне еженедельных собраний любителей Высоцкого... На фоне почти горячечных мечтаний о том, что будет музей... И вот начался музей, были выставки, мы всем рассказывали о Володе... И было много тех, кому это было интересно. А потом их становилось все меньше и меньше. В музее что-то делалось. Приносили вырезки из газет, алфавитные списки стихов, каталоги из разных городов... А что такое каталог стихов и песен, которые ты не читал и не знаешь?! А настоящие коллекционеры шли в музей, чтобы пополнить свои коллекции, — в основном, за счет друг друга, потому что оригиналов в музее тогда не было.

Что-то было в театре, например фотографии Высоцкого в различных ролях... Первое время это был дефицит, и люди на это набрасывались. Сейчас этих фотографий — мешки. И никто из коллекционеров этим уже не интересуется. В общем, это был не музей, а клуб частных коллекционеров. Клуб людей, которые были верны своему делу, своему хобби. И это хобби еще оплачивалось из бюджета... Я не хочу сказать, что это были плохие люди, просто они не имели представления о том, что такое музей и как его нуж-

но делать. Людей со специальным образованием практически не было... Это было хорошо, приятно... Это было место, куда можно прийти одному или с друзьями, приехать из другого города и переночевать где-нибудь в коридоре или на лестнице... Романтично, как в семидесятые годы у Театра на Таганке.

Я даже слышала разговоры о том, что в музее так же хорошо, как на Большом Каретном... Не так. На Большом Каретном было творчество... Там были не просто люди, которые собрались, чтобы выпить и закусить, — там было общение и творчество. Писал прозу Артур Макаров, готовился к съемкам фильма Лева Кочарян, готовился к защите диссертации Толя Утевский. Это были профессионалы, они не давали друг другу опуститься ниже определенного уровня, поддерживали друг друга. Сколько лет Володя Акимов готовился поступать во ВГИК?! А его ведь могли посадить за тунеядство... И он поступил! Помог Большой Каретный... Там была высокая этическая планка, этическая установка на реализацию себя в творчестве.

В музее теплая атмосфера была, но к чему она привела? Люди стали стыдиться приходить в музей Высоцкого... И тогда директором музея стал Никита, наш с Володей сын.

Сказать сейчас, что преодолен этап клуба коллекционеров, что музей стал профессиональным, конечно, нельзя. Но изменения, которые произошли, — необратимы! Уничтожить музей сейчас можно, но сделать из него клуб по интересам — уже невозможно. А трудности колоссальные! Когда в 1989 году музей создавали, планов было громадье. Но ни один из них точно не сформулировали и не зафиксировали на бумаге. А денег тогда было больше, и у государства, и у города Москвы. Кроме того, просто приходили люди, которые давали деньги. Со всего Союза приезжали, дарили музею магнитофоны, телевизоры, ковры...

Сейчас основной источник пополнения музейных фондов и активов — это семейные коллекции Высоцких. И прежде всего, это архив Нины Максимовны Высоцкой... Она архивист-профессионал самого высокого уровня. Она сумела сберечь очень много единиц хранения, как говорят в музеях. Детские письма, школьные тетради, студенческие конспекты, автографы ранних стихотворений,

редкие фотографии. Воспоминания Нины Максимовны очень точны, очень детальны и хронологически привязаны к датам.

В 85 лет Нина Максимовна сохранила и волю, и мужество, и она терпеливо ждет, что все будет когда-нибудь в музее, который она доверила своему внуку — сыну Высоцкого. Ведь рано или поздно наступит культурное возрождение России, и Володин голос еще прозвучит на всю страну. И я думаю, что мы дотерпим, дождемся этого.

В 1986 году я купила в киоске «Союзпечати» журнал «Огонек» с профилем Ленина на обложке. Номер был выпущен к 22 апреля, ко дню рождения Владимира Ильича. Там же на улице я журнал открыла и увидела портрет Гумилева. Глазам своим не поверила — огромными буквами: «Сто лет со дня рождения Николая Гумилева». 65 лет этого имени просто не существовало. Стихов Гумилева никто не помнил и не знал — никто! Целых 65 лет! Три поколения не смели произносить это имя. И Анна Андреевна Ахматова не дождалась этого, а вот их сын — Лев Николаевич Гумилев — дождался. И мы дождемся. Ничто не проходит бесследно. Досадно другое... Казалось, вот редкий случай, когда любовь народная ответила Высоцкому при жизни! Ему — нигде не напечатанному, не разрекламированному, не раскрученному — досталась всенародная любовь. Я думала тогда, в восьмидесятом, — насколько мы выросли, насколько мы стали достойны своей литературы!.. Но нет. Нельзя впадать в эйфорию! Нет, только «путем зерна»... Не принесет плода, не вернется сторицей то, что вначале не умрет. Вот так — путем зерна, Володя к нам вернется.

А музей работает... Я делаю автобусные экскурсии по Москве, — мы с Ниной Максимовной довольно много над этим работали. И это интересно — я вижу и искреннюю благодарность, и искренние слезы. И очень люблю, когда на эти экскурсии приходят дети.

Дай Бог здоровья коллекционерам, но музей — это не для себя. Для музея важно содержание, — то, которое музей должен увековечить. В какой-то момент семейный дом становится музеем... Вот здесь, у этой ободранной стены, стояла кушетка, на которой Владимир Семенович иногда дремал... Вон в то окно я видела, как он подходит к дому, возвращаясь откуда-то.

А этот стеллаж Володя собственноручно спроектировал. Просчитал все, исходя из размеров вот этих моих бронзовых кувшинов, чтобы им было где стоять. И другой стеллаж сделали так, чтобы можно было поставить телевизор, чтобы было место для магнитофона, а под ним ящик для Володиной гитары.

Володина высокая бездомность, — она для него была очень характерна. Когда он делал свой дом — дом по своему вкусу, — Марина ничего ему не навязывала. Хотя квартиру на Малой Грузинской оформляла Марина. Она там что-то изобретала, но сделала все по Володиному вкусу. Надо отдать ей должное. Может быть, она не совсем понимала, какие люди ему приятны и какие знакомства ему ценны, — но то, что она хотела создать дом по его вкусу — это несомненно. И что в результате? — «Берите без доплаты трехкомнатную камеру мою».

Да, жаль, если все это уйдет... Еще в этих комнатах Володя спроектировал лампы... Здесь потолок 3.20, — это хороший потолок для Москвы. В квартире на Мещанской, где Володя жил с Ниной Максимовной, тоже были высокие потолки. А вот в Черемушках на улице Телевидения потолки были 2.52, там все время было ощущение, что задеваешь головой люстру... И Володя придумал что-то такое в стиле метрополитена, такой узкий квадрат из белого теплостойкого оргстекла. Квадрат разделен на девять клеточек-ячеек, а в каждой ячейке — лампочка. Можно включить четыре, а можно было зажечь все девять. И это было так высоко, — чтобы заменить лампочку, нужна была большая стремянка.

Теперь здесь будут жить Высоцкие разных поколений... Сыновья и внуки.

Никита Владимирович, вы играли в спектакле Театра на Таганке «Владимир Высоцкий». Кого вы заменили из первого состава?

Это было связано с болезнью Леонида Филатова... В начале девяностых годов меня попросили заменить Леонида Алексеевича на какое-то время. А потом совершенно неожиданно для меня предложили написать заявление о приеме в труппу театра. Я написал... И играл почти весь сезон, но только в этом спектакле, в другие меня не распределяли. И я сказал, что если в театре меня хотели видеть только в спектакле «Владимир Высоцкий», то для этого необязательно быть членом труппы... Вначале я вышел из труппы, а потом постепенно перестал играть и в этом спектакле. Я понял, что я не актер этого театра, и у меня не сложились отношения — ни плохие, ни хорошие — с Юрием Петровичем Любимовым. А ведь Театр на Таганке — абсолютный любимовский, и если по каким-то причинам у него не складываются отношения с актером, то ждать чего-то бесполезно.

Ваш приход в музей Высоцкого — целая история... Но что стало побудительным толчком?

Вначале у меня была такая позиция: да, я — сын Высоцкого, но я не должен вмешиваться в процессы, которые касались его памяти. В том числе и в дела музея... Я не давал интервью для фильмов, которые снимались о нем... Тогда были живы мой дед и моя бабушка, можно было обратиться к Марине Влади — в те времена она часто бывала в Москве...

Но от этого дела стали отходить многие достойные люди... А ведь свято место пусто не бывает — в музей пришли люди, которые стали использовать Высоцкого на благо себе, со всеми вытекающими последствиями. Да еще стали мешать сбору настоящей, правдивой информации... Мне об этом говорили многие друзья отца и даже те, кто работал в музее.

В связи с этим у меня был разговор с Булатом Шалвовичем Окуджавой. Зашла речь о том, что ситуацию в музее надо менять. Окуджава сказал: если у тебя получится, что приличные люди не станут бросать телефонную трубку при упоминании музея Высоцкого, то имеет смысл это сделать.

Еще он говорил о ларьке у Ваганьковского кладбища, на котором было написано: «Музей Высоцкого»... Только через два года мне удалось добиться, чтобы эту вывеску сняли. А ведь это было подразделение музея — торговали на кладбище... Сейчас все стало более цивилизованным.

Да и я повзрослел, стал понимать, что я не просто сам по себе, я — сын Владимира Семеновича Высоцкого. И не годится мне заниматься своей карьерой, когда дело памяти отца попало в не очень хорошие руки. Вот примерно таким был побудительный мотив.

Вначале мы хотели, чтобы в ситуацию в музее вмешалось правительство Москвы, — когда еще и мысли такой не было, что я приду сюда. Было письмо, которое подписали многие деятели культуры, — люди с громкими именами, к мнению которых прислушивались. Все они хорошо относились к Высоцкому и желали добра...

Но все это затянулось. Через некоторое время я понял, что ничего не изменилось и не изменится... А в музее это восприняли как победу: значит, мы правы, и ничего у них не получится... Тогда я пошел в «Комитет по культуре» правительства Москвы, и там со мной серьезно поговорили... В частности, передали мнение Лужкова: пусть нам не показывают, как там плохо, пусть сделают так, чтобы в музее Высоцкого все было хорошо... Вот примерно так развивались события.

Вы стали директором, а коллекционерам пришлось уйти...

Не совсем так... Во-первых, я уверен, что коллекционер и музейщик — это люди совершенно противоположные.

Задача коллекционера — собрать для себя какие-то материалы и владеть ими. То есть удовлетворить свою страсть к коллекционированию. Он заинтересован не в развитии музея, а в пополнении личной коллекции. Например, люди, которые занимались видеоархивом, ушли из музея и оставили здесь копии, а оригиналы записей оказались у них дома. Это касалось и фотографий, и магнитофонных записей.

Они, безусловно, хорошо знали творчество Высоцкого, но объективно сработали на разрушение музея. А если бы сразу был надлежащий учет, то взять себе оригинал, а оставить копию было бы просто невозможно. Потом жизнь сложна. И люди стали эксплуатировать свои коллекции — делать копии на продажу. Одно время здесь был просто пиратский цех по производству видео- и магнитофонных кассет.

Но ведь была и радость по поводу каждой находки, и общение людей из разных городов ...

Первые руководители — и Леонов, и Бартельс, — конечно, были энтузиастами. Они боролись за создание музея, писали письма, собирали людей на митинги.

И в 1991 году музею отдали это здание. Попросили денег на реконструкцию — сумма была колоссальная, шесть миллионов долларов, а их не дали. И они стали ждать, когда им дадут деньги. А уже был штат, уже все получали зарплату. И в музей шли люди — приносили материалы, с которыми надо было работать.

Сделали скрытую аренду. Нужны деньги, мы их истрачим на музей. Но денег не хватает, и начинается коммерция.

И с чего же вы начинали?

С вывоза мусора. Вывозили грузовиками! Вадим Иванович Туманов давал машины — и мы вывезли около тридцати десятитонных кузовов. Не было отопления, не было нормальной канализации. Надо мной тогда смеялись, но я в первую очередь поставил нормальные туалеты. Наверное, людей, которые там работали, трудно обвинять. Мне ведь было проще. Я прихожу в какую-то фирму и говорю: «Здравствуйте, я — Никита Высоцкий, мне нужен кирпич и цемент». И там понимают — нужно для музея отца.

Кроме того, я не стал ожидать эти шесть миллионов долларов. Я решил — пусть в год будет отремонтирована одна комната, но я буду это делать. И в принципе мы это сделали. Строение, изношенное на восемьдесят процентов, теперь нормальное здание, с нормальным фундаментом, в котором работают отопление, канализация, охранные системы. Есть специальное оборудование, компьютеры, работают выставочные помещения, галерея и театральная зала.

Да, ушли некоторые коллекционеры, но ведь идет и обратный процесс. К нам пришли люди со специальным образованием — филологи, которые за это время сделали очень многое. Юрий Куликов, который работает с фотоархивом Высоцкого, — один из лучших специалистов в этой области. Да, были потери, иногда неоправданные, но эту систему надо было сломать. Ведь здесь работали люди, которые знали друг друга еще по Театру и были связаны какими-то отношениями. Действительно, от старого музея осталось совсем не много людей, но они есть и они работают.

Один из упреков новому музею: из него ушла живая жизнь, нет общения...

Если под «живой жизнью» подразумевать то, что не сколько человек пришли сюда с Ваганьковского и им налили по сто грамм и включили Высоцкого, то этого действительно нет. Такого рода общение ушло не только отсюда. Ведь на Ваганьковском тоже собирались люди — разговаривали, обменивались кассетами, они на самом деле нуждались друг в друге — этого тоже теперь нет. Одни повзрослели и вообще отошли от этого дела, другие стали заниматься только записями, третьи собирают книги, то есть, это ушло само собой. А потом, это ведь не музейное дело — чтобы люди могли прийти и каким-то образом пообщаться.

Что касается «живой жизни», то в музее устраиваются замечательные выставки, приходят интересные люди. И общаются довольно активно. Здесь проходит достаточно много интересных современных акций, не только чисто художественных, но и связанных напрямую с Высоцким. Кроме того, у нас большая библиотека, люди туда прихо-

дят работать. А потом я думаю, что здесь все-таки присутствует энергетика Высоцкого... Еще и поэтому сюда приходят люди. Хотя я бы не назвал это клубом.

Вышло несколько кассет, где песни Высоцкого обработаны, скажем так, в стиле «Шансон». И не всем это нравится.

Да, я этим занимаюсь. Помните позицию, высказанную Мариной: «Все, кто хочет петь Высоцкого, — могут его петь. Все, кто хочет играть Высоцкого, — пусть играют...»? Одно время я был с ней не согласен. Но теперь я несколько скорректировал свою оценку. Всем, кто хочет вместе с Высоцким сделать свое творческое дело, надо давать такую возможность. «Шансон» — это огромное направление в нашей музыке сейчас, им занимаются достаточно серьезные люди. Они захотели это сделать, я это разрешил. И очень внимательно к этому относился: ходил на записи, слушал варианты... Я слушал эту кассету и не могу сказать, что мне это больше нравится, чем просто Высоцкий с гитарой. Но я знаю, что огромное количество людей, молодых людей, благодаря этим записям стали интересоваться другим Высоцким. Они отворачиваются от того «блатного», что есть в «шансоне».

Вы не считаете, что работа музея несколько заформализована?

Я считаю, что главная задача музея — собрать и сохранить. И вторая, не менее важная задача, — сделать это доступным, показать людям. А коммерческая деятельность — это не его задача. Если вы хотите увидеть какую-либо фотографию или прочитать редкую книгу, приходите к нам — это легко сделать... Если это надо для какой-то серьезной работы (недавно мы, например, помогли группе, которая снимала фильм о Марине Влади), то пожалуйста. Но все должно быть под контролем.

Отношения ваши личные и музея с Мариной Влади каким-то образом изменились?

Смотря в чем... Я, конечно, повзрослел и теперь понимаю, что эта книга Марины «Владимир, или Прерванный полет» не лишена писательского таланта, раньше я вообще

этого не воспринимал. Книга просто талантливо написана. И она достигла своей цели: показать западному читателю, что был такой поэт и актер — Владимир Высоцкий. И Марины известность много для этого сделала.

Кроме того, в книге есть то, чего никто другой просто не знал. И с этой точки зрения, с ней можно работать. Но есть и огромное количество вещей, о которых Марина написала с чьих-то слов, много просто небрежностей и неточностей. Она использовала практически художественный жанр, а с документальностью — большие проблемы.

Потому что многое определялось тем, что было после смерти отца. Если бы она написала еще тогда, в 81-м или 82-м году: «Я, Марина, так думаю: этот — предатель, этот — подлец, а этот — негодяй», — то я бы принял это. Но ведь книга написана гораздо позже. Да, Марина имеет право не любить меня, например, не любить мою мать... Но она фактически говорит за Высоцкого: это он не любил этого человека... Не я — Марина — с ним поссорилась, а Высоцкий... Каким словом это назвать? Это не ошибка, это просто нечестно. На той пресс-конференции я назвал это и несправедливостью, и даже клеветой. В этом смысле мое отношение к книге Марины мало в чем изменилось.

Но я думаю, что к книге будут обращаться, найдут в ней немало позитивного и важного... На что я тогда, от обиды, не обращал внимания.

И все-таки возьмем, например, историю с Володарским... Известный сценарист, очень самобытный человек. При жизни отца у них были достаточно дружеские отношения. Они были близкими людьми, они вместе написали сценарий... А потом произошли какие-то события, которые испортили отношения Володарского и Марины. Но ведь это отношения Марины с Володарским, а не Высоцкого с Володарским. И нельзя, даже если они поссорились, в книге, где главный персонаж не она, а Высоцкий, писать, что Володарский — подлец и предатель. Володарский Высоцкого не предавал, а просто поссорился с Мариной.

То же самое с моим дедом... Я точно знаю, откуда пошла эта информация (о письме С.В.Высоцкого в КГБ см. В.Перевозчиков, «Неизвестный Высоцкий», глава «Письмо в КГБ» — В.П.). И пусть это останется на совести того че-

ловека. А ведь дед дожил до 82 лет и умер с этим. И до конца дней деду звонили — его обвиняли, его оскорбляли.

Я специально занимался этим вопросом и знаю, что такого письма не было. Было другое, в котором Семен Владимирович написал, что к новой семье своего сына он не имеет никакого отношения.

И это неправда. Да, у моего деда и моего отца были очень непростые отношения. Дед человек «старой закалки», понимал, что значил тогда брак с иностранкой. И хотел и себя, и отца от последствий этого оградить. От абсолютно реальных неприятностей, которые могли бы быть. Во многом дед был не согласен с отцом и совершенно искренне считал, что должно делать так, как он считал нужным и правильным. Скажем, уход отца от моей матери всеми — и моей бабушкой, и моим дедом — был воспринят «в штыки». Они на самом деле конфликтовали с отцом по этому поводу. Они были очень этим недовольны. И, вероятно, деду говорили, что он — полковник и коммунист — каким-то образом должен повлиять на сына. То же самое он слышал от своих товарищей и сослуживцев. Скандалы такие были... Я сам разговаривал с дедом, и он мне все это примерно описывал. Но никаких обращений в какие-то инстанции и быть не могло. А что написано в книге?

Мне кажется, самое страшное — полуправда. Это страшно, потому что очень трудно потом «отмыться», очень сложно оправдываться. А мой дед — наивный человек — то ли пошел в КГБ, то ли обратился туда через каких-то людей: «Дайте справку, что я не стукач и не сексот». Потому что, когда появилась эта книга, он был просто в отчаянии. Естественно, люди там пожимали плечами — как можно дать такую справку, и кто ей поверит?! А отмыться от этого — просто невозможно. И ведь деда об этом спрашивали напрямую — и журналисты, с которыми он очень редко общался, и знакомые, и просто подходили люди на кладбище. Ему подбрасывали письма в почтовый ящик, он мне их показывал. С такими вещами надо обращаться очень осторожно. Человек, который запустил эту информацию, с моей точки зрения, просто подлец. И Марина — хотя я понимаю ее мотивы — поступила очень скверно.

А вы не считаете, что семья «сглаживает» некоторые углы биографии Высоцкого?

Конечно. И это наша позиция. Я считаю, что есть личная жизнь отца и его семьи. Ну представьте: появляется на телеэкране православный батюшка и говорит, что Высоцкому не хватало материнской любви. Ну откуда он это взял?! Он что, разговаривал с отцом? Или знал Нину Максимовну? И сейчас это происходит очень часто. От лица семьи я хочу сказать: мы не сглаживаем углы, мы просим не соваться. Это наша жизнь.

Могу сказать и о вашей книге... «Правда смертного часа». О людях, которые вспоминают о Высоцком в этой книге, — ведь таких воспоминаний уже не одна тысяча страниц... Если все это прочитать, то можно составить мнение о Высоцком как о не очень порядочном человеке с каким-то случайным даром («Дар случайный, дар напрасный...»), как о человеке, которому просто сильно повезло: умел писать хорошие песни. А где рассказы о том, как он репетировал «Гамлета», о том, как он работал над романом о девочках? Таких рассказов вы не найдете. Я спрашивал одного человека: «Вот вы с ним работали, ездили на гастроли, и что, кроме уколов и “лекарств”, ничего не можете вспомнить?!» А он мне: «Ну как же, я всегда рассказываю, что он пел очень хорошо...» И наша ответная реакция — отрицательное отношение к подобным воспоминаниям, ведь неправда, что его жизнь состояла только из этого. Да, это было, но это то, чем Высоцкий на очень многих похож. А того, чем он отличался от многих, нет.

Что касается вашей книги... Люди, которые давали вам интервью (дело даже не в том, что они — участники событий и невольно «покрывают» себя), всегда в чем-то необъективны. Ведь они выдали информацию, которая, если хотите, является медицинской тайной. Они поступили по отношению к своему товарищу нехорошо. Будь Высоцкий жив, даже не знаю, что бы он сделал, услышав то, что они наговорили... Кстати, многие из них говорили мне, что общались с вами, но рассказывали всё не для печати. А вы это опубликовали...

Я сказал, что мы «сглаживаем углы». Во-первых, это ответ на вал мерзостей, рассчитанных на своеобразный эффект. Находится женщина, которая требует эксгумации

Высоцкого, потому что ее дочь — ребенок Высоцкого. И находятся газеты, которые это печатают. Мы более болезненно, чем другие, реагируем на такие мерзости. А что касается людей, которые теперь вспоминают об отце... Им просто нечего о нем сказать. Они его просмотрели при жизни. И когда они говорили о его пороках, они просто не понимали, кто рядом с ними. Они что-то запомнили, на что-то обратили внимание. А другого искренне не помнят.

Я делал ту книгу с самыми чистыми намерениями. У меня не было желания удивить, поразить, эпатировать. Я думал, что через какое-то время все это уйдет. Если бы я не опросил этих людей, может, этого не сделал бы никто.

То, что вы опросили людей, — это хорошо. Но то, что потом все это опубликовали... А с другой стороны, я ведь никак не повлиял на решение издательства, которое напечатало вашу книгу. Я просто пришел и выразил свое отношение. Но запретить — у меня никогда не было такого намерения.

Хотя я знаю, что некоторые ситуации, описанные в вашей книге, складывались... не совсем так. Почему отец, с его силой воли, от некоторых вещей не мог избавиться? Я вам отвечу: потому что очень многие люди, которые давали вам интервью, — стали бы ему совершенно не нужны. Они были ему нужны именно потому, что доставали «это». Скажу больше: они держали его на «этом».

На мысль о работе над этой книгой меня натолкнула Наталья Анатольевна Крымова. Юрий Федорович Карякин меня очень поддержал. Он прочитал рукопись, сказал, что книга очень хорошая...

Но я же говорю от имени семьи. А кто поддержал, кто не поддержал...

Май 2003

Вступление 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

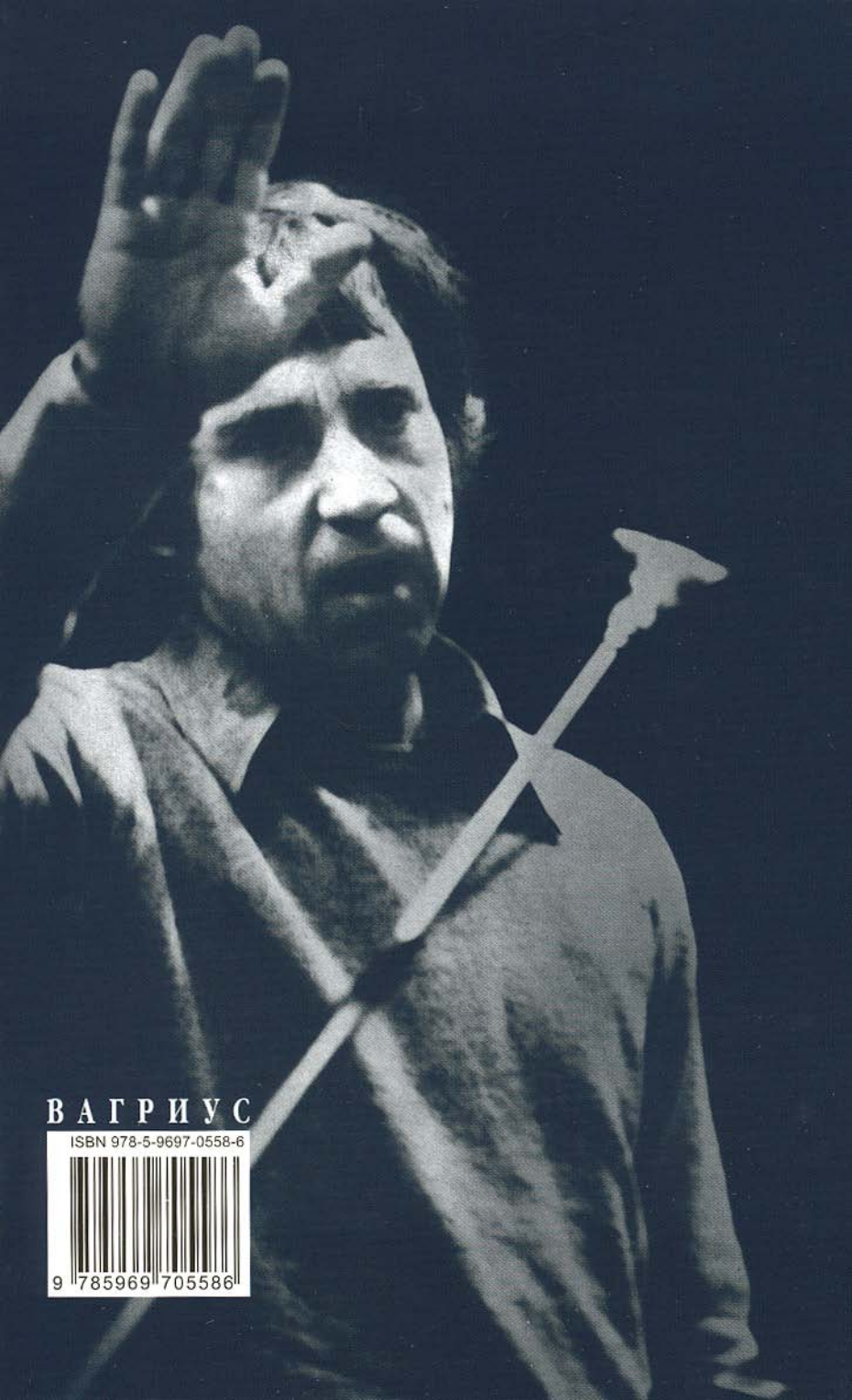
Возвращение на Большой Каретный

Михаил Горховер	9
Аркадий Свидерский	17
Игорь Кохановский	34
Яков Безродный	40
Инна Кочерян	44
Артур Макаров	56
Людмила Крымская	72
Олег Савосин	79
Эдмонд Кеосаян	86
Лионелла Пырьева	90
Олег Халимонов	97
Вероника Халимонова	105

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

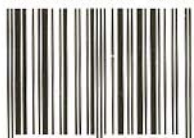
Возвращение на Беговую

Елена Щербиновская	111
Елена Васильева	123
Валерий Абрамов	127
Анна Тубеншляк	137
Людмила Абрамова	144
Никита Высоцкий	198

ВАГРИУС

ISBN 978-5-9697-0558-6

9 785969 705586